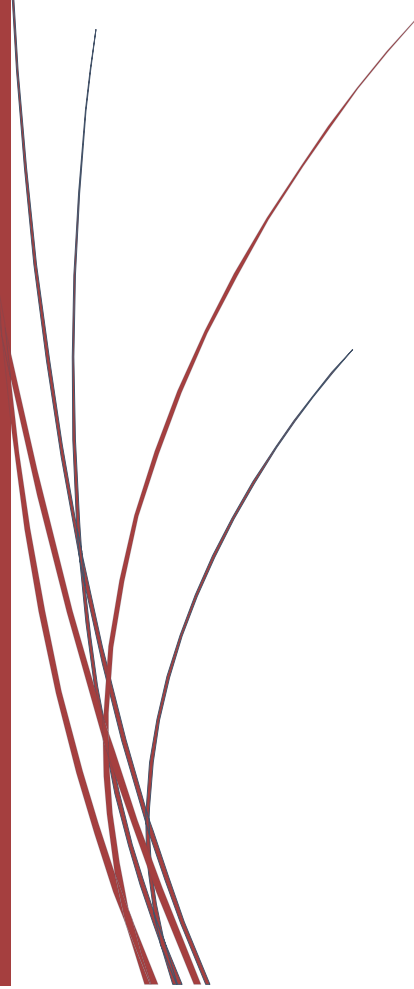

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.М. ШУКШИНА»**

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

Материалы VII Международной научной конференции

**Бийск, 2022 г.
АГГПУ им. В.М. Шукшина**

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

Об издании

ББК 81

О-28

УДК: 81

*Издается по решению оргкомитета VII Международной научной конференции
«Общетеоретические и типологические проблемы языкознания»*

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент М.С. Власов (отв. ред.);

кандидат филологических наук, доцент Ю.Г. Бабичева;

кандидат филологических наук, доцент Т.И. Щелок.

О-28 Обще­теоретические и типологические проблемы языкознания [Электронный ресурс]: Материалы VII Международной научной конференции (Бийск, 26 сентября 2022 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2022. 173 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – ISBN 978-5-85127-974-4

В издании опубликованы материалы участников VII Международной научной конференции «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания», проходившей в г. Бийске в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. В. М. Шукшина 26 сентября 2022 г.

Текстовое электронное издание.

Минимальные системные требования: ПК 500 и выше; 256 Мб ОЗУ; Windows XP и выше; SVGA с разрешением 1024x768; CD-ROM, мышь; Adobe Acrobat Reader.

ISBN 978-5-85127-974-4

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за нарушение авторских прав, а также соблюдение научных и этических норм в ходе исследований несут авторы публикуемых материалов.

© АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2022

© Авторы, 2022

Содержание

Об издании	2
Gillespie D., Korneeva M.	
Sporting Metaphors in UK English and their Socio-Political Significance	6
Staroverova V., Lopukhina A.	
Perceptual Span during Silent Reading in Russian Adults and School Students in Grades 3-4	9
Uranchimeg G.	
Phraseological units with the meaning of evaluation and human characteristics and their functions in the Mongolian and Russian languages.....	13
Zakharova K.M.	
Effective ways of using Super Simple songs to develop grammar and vocabulary skills of Young Learners	18
Бабичева Ю.Г.	
Поэтика запаха в романе В.М. Шукшина «Любавины».....	24
Баркова А.Ф., Архипенко А.И.	
Изучение топографических знаков и плана местности на уроках английского языка в начальных классах с помощью метода CLIL	27
Бушков И.К.	
Лексическая система языка в эпоху «новой нормальности»	33
Васильев Д.И., Шамина Е.А.	
Влияние японско-русской и японско-английской интерференции на восприятие слоговой структуры слова	38
Вдовиченко Е.А., Каменева В.А.	
Функции иллюстративно-изобразительного материала новостного франкоязычного политического дискурса, адресованного детско-подростковой аудитории	42
Власов М.С., Торопчина О.В., Гришакова Т.В.	
Почему молодежь использует сленг и зачем педагогу следует его понимать?	47
Жукова Е.Ю., Курьянович А.В.	
Лингвоаксиологические характеристики концепта <i>смех</i> в сатирическом тексте (на материале творчества М.М. Жванецкого)	50
Здорова Н.С., Гриднева Е.М., Иваненко А.А., Грабовская М.А., Макарова П.С., Ладинская Н.С.	
База русских идиом: нормирование психолингвистических параметров (предварительные результаты).....	56
Исаева И.П.	
Аналогичные смыслы в межъязыковой передаче коннотативного содержания (на примере сравнительных конструкций).....	60
Каменева В.А., Морозова И.С., Белогай К.Н.	
К вопросу об исследовательском потенциале когнитивного подхода в изучении этнической идентичности коренных малочисленных народов юга Западной Сибири.....	64

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

Косицина Ю.В.	
Конструкции наложения в аспекте тематической организации высказывания (на материале кузбасского региолекта)	70
Нямдаваа Г.	
Особенности происхождения хотонов	75
Островая Ю.С.	
К вопросу о социальном конструировании гендера	78
Рабенко Т.Г., Нямжав Б.	
Обыденная семантика бионима «медведь» в русском и монгольском языках (по результатам ассоциативного эксперимента)	81
Селивановская О. А.	
Использование английских детских стихов и их литературных переводов при обучении младших школьников английскому языку	87
Спирин А. Н.	
Дисфемизация политического дискурса в период военных конфликтов	92
Сухова Е.А.	
История связанного корня *хүт	97
Толкачевски Ф.	
«Лучше, чем сказал народ, не скажешь» (диалектная лексика произведений Василия Шукшина в переводах на английский язык)	101
Толмацкий М.А.	
Инсайтные переживания учителей русского языка как возможность ускорить освоение языка	112
Толстоухова Е.А.	
Феминитивы как инструмент гендерного равноправия	116
Торопчина О.В., Данченко Д.А.	
Лексико-семантические поля молодежного сленга в песнях современных российских поп-исполнителей	121
Трофимова С.М.	
Рассадин В.И. как создатель письменности для тофаларов и сойотов	125
Трофимова У.М.	
Опыт типологического анализа маргинального класса слов (на материале типологической анкеты)	131
Уафа Л.Э.	
Морфологические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи	137
Уманская П.А.	
Лингвистические особенности речи подростков в условиях цифровой коммуникации	141

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

Федорова В.Г.

Структура повествования как форма выражения авторской модальности в рассказах А.П. Чехова «Ионыч», «Душечка», «Невеста»149

Цинь Мэн

Репрезентация концепта ТРУД в публицистике 2020-2022 гг. на фоне пандемии коронавируса157

Щеброва С.Я.

Образ грифона в пазырыкской культуре и современности162

Щелок Т.И., Гостищева Д.П.

Заимствованная лексика рубрики „Kino“ (на материале статей немецкоязычной интернет-версии журнала Spiegel)168

Об издателе173

Gillespie D.^{1,2}, Korneeva M.²

¹Queen Mary University of London, ²Moscow City Pedagogical University

Sporting Metaphors in UK English and their Socio-Political Significance

Abstract. *Metaphors from the world of sport have long been the staple of political and business discourse in English-speaking countries, employed as an effective tool of communication in registers with an immediate and vivid resonance with broad sectors of the public. In the United Kingdom popular sports tend to reflect and articulate the picture of the world that its community holds, and in England, in particular, the class-based assumptions implied therein. In this paper we will take as source material metaphors from the most popular sports in the United Kingdom: cricket, football, boxing and horse-racing.*

Keywords: *metaphors, sport, politics, business.*

Discussion

Cricket is the world's second-most popular sport after football, and is played at a professional level predominantly in the countries of the Commonwealth, as it was to colonies of the British Empire that the sport was exported primarily by the British officer class administering those colonies. International Test Matches are played every year between the national teams of England, the West Indies, South Africa, Zimbabwe, India, Pakistan, Sri Lanka, Australia, New Zealand and more recently Ireland and Afghanistan. The game originated in the 16th century, but developed in popularity significantly in the 19th century. Of particular relevance here is the distinction between the 'professional' player, usually of working-class descent, and the 'amateur', most frequently from the nobility.

The rules are notoriously arcane, but here is a brief summary of the main points. Cricket is a summer sport and cannot be played, unlike football or rugby, during spells of rainfall or snow. It consists of two teams of eleven, who take it in turns to 'bat' and then to 'bowl' at each other's players, who hit the 'bowled' ball with a bat in order to score 'runs'. Aggressive 'bowling' is defined as 'bouncers', and the 'batsman' hitting the ball occupies 'the crease'. The field of play is known as 'the ground'. If the batsman fails to defend his 'wicket' then he is ruled to be 'out' and his 'innings' comes to an end. He is replaced by another 'batsman' who comes 'in' to bat until all the team is 'out' and the opposing team then takes to the 'crease' to start their 'innings'. International Test Matches are scheduled to last for five days.

Metaphors from the game emphasize its rootedness in the gentry. It remains (at least in England if not elsewhere) above all a game played by gentlemen, between gentlemen and administered by gentlemen (although the women's game is becoming increasingly popular). Thus, the common phrase 'it's not cricket' signifies an event which is perceived as not just, fair, or 'simply not the done thing'. The phrase 'to play a (very) straight bat' indicates an action that is honest and sincere; if you 'do something off your own bat' you demonstrate initiative and dynamism. Similarly, to 'play a captain's innings' signifies showing true leadership qualities, and if you are 'on a sticky wicket' you are in a problematic situation with no easy way out (although an officer and a gentleman will no doubt engineer one).

By way of example, in December 1990, when then British Prime Minister Margaret Thatcher was under severe pressure to resign as popular reaction to her Poll Tax policy was leading to violent street protests and discontent within her own Party, in an address to the London Lord Mayor's she used no fewer than eight cricketing metaphors in a single paragraph to define and justify her tenure as Prime Minister since she was first elected in 1979:

Since I first went into bat eleven years ago, the score at your end has ticked over nicely. [...] At the Prime Minister's end, we are still stuck on 49. I'm still at the crease, though the bowling's been pretty hostile of late, and in case anyone doubted it, can I say that there'll be

no ducking the bouncers, no stonewalling, and no playing for time. The bowling's going to get hit all round the ground. That's my style.¹

She resigned a week later.

More recently, another Conservative Prime Minister reverted to cricketing terms in his own resignation speech. In early July 2022 Boris Johnson was persuaded to resign after a series of scandals, factual misrepresentations and denials of wrong-doing, and consequent increasing unease within his own Parliamentary Party. Standing outside 10 Downing Street, the Prime Ministerial residence in the centre of London, he said:

And in the last few days, I tried to persuade my colleagues that it would be eccentric to change governments when we're delivering so much and when we have such a vast mandate and when we're actually only a handful of points behind in the polls, even in mid-term, after quite a few months of pretty relentless sledging and when the economic scene is so difficult domestically and internationally.²

In cricket, 'delivering' is 'bowling', and 'sledging' is the deliberate verbal intimidation of an opponent, which often extends to personal insults. Johnson had been castigated for months in the Press and by Members of Parliament, including from his own Party.

Football as the 'proletarian' game may be devoid of class-based associations reflecting the qualities of leadership and pluck, but it rewards success through physical strength, but above all by skill and guile. Like cricket, it became popular in the 19th century, when the professional game developed in England, mainly in the Northern and Midland urban areas. It became the 'working class' game because football matches would kick off at 3 pm on a Saturday, when male industrial workers had time off from work and could attend matches. It was entertainment for the male working class. Shorn of their class connotations, English football metaphors are usually found in the world of business and the desire to get the deal done. Common phrases such as 'the goalposts have changed' indicate a change of circumstances, usually unfavourable and unexpected, which have to be recognized and dealt with. The need to 'do more thinking outside the box' implies the necessity of a new strategic approach in order to achieve one's goal (literally and otherwise), and the exhortation to 'keep your eye on the ball' suggests an encouragement to be more attentive to the smaller details. In the world of politics, it is not uncommon to see the phrase 'the government has scored an own goal' used in the press. Thus, for instance, at the height of the Coronavirus pandemic in April 2020, the journalist Barbara Ellen said that the then Health Secretary Matt Hancock had 'scored an own goal with his cheap shot at footballers' who refused to take a pay cut when millions were being furloughed.³

The violent, gladiatorial combat that constitutes the sport of boxing abounds in metaphors that are eagerly applied to the rough-and-tumble of British Parliamentary politics. Phrases such as 'to be on the ropes' and 'take it on the chin' suggest that the individual politician or his Party are confronting painfully difficult issues, and if they 'roll with the punches' they are just about coping. If they are unable to find a solution to a crisis, they may simply accept defeat by 'throwing in the towel', though any unfair criticism by the Opposition or the Press may be seen as 'hitting below the belt'. By 'letting down one's guard' one opens oneself up to criticism and possibly ridicule, resulting, maybe, in 'a body blow' from which it is difficult, if not impossible to recover. If a politician or a Party is subjected to unceasing criticism s/he/it may be 'boxed into a corner' from which the only escape is compromise or defeat. Verbal confrontation or aggression unfettered by considerations of politesse or convention are characterized by 'the gloves are off', and when 'no punches are pulled' then the result is fierce, vehement criticism bordering on verbal abuse.

The use of boxing metaphors to characterize politicians is a beloved medium of the British press, as can be seen by the Sun's 2016 headline 'Political Heavyweight Ken Clarke to Quit Politics after 50 Years in Parliament', whereas the opposite term 'lightweight' is used to denigrate politicians of little or no influence or intellectual substance (and also a word used consistently by former US President Donald Trump to attack his opponents).⁴ An admission of

defeat is expressed as ‘out for the count’, and the loser may well get ‘a bloody nose’. Journalistic retellings of any such tough struggle would no doubt be a ‘blow by blow account’.

The popularity of horse-racing in the United Kingdom is underpinned by its long-standing and deep connection with the gambling industry. It is the second-most popular spectator sport in the United Kingdom, dating back to Roman times, with over 60 racecourses across the country. The horse that wins the race is the one that first passes the winning post, an event which provides the perfect metaphor for the British electoral system. As defined by the United Kingdom Parliament: ‘First-past-the-post is a type of electoral system. In the UK it is the system used for the election of MPs to the House of Commons and for some local government elections.’⁵ In the ‘first-past-the-post’ system, the winner takes all and the ‘runners-up’ in second or third places get nothing.

In the process of voting in this system, Parties can be ‘neck and neck’ or ‘ahead by a nose’ in the polls, and then be ‘pipped at the post’ by losing votes at the very last minute, despite ‘jockeying for position’ and ‘going the distance’. There are ‘front runners’ in voting contests, and others who may no longer ‘be in the running’ when their campaign stalls. Because in England (ie not Scotland, Wales or Northern Ireland) the two most important political Parties are Labour and the Conservatives, the voting process in many constituencies is usually a ‘two-horse race’, although occasionally a candidate for a lesser Party such as the Liberal Democrats or Green Party may win as a ‘dark horse’. Candidates and Parties out of favour with the public will find campaigning for election ‘heavy going’, and ‘come a cropper’ when votes are cast. Some may even have so improbable a chance of winning that they are ‘a non-starter’. The gambling context can be seen when a candidate is the ‘odds-on favourite’ to win, that is, the monetary stakes are hugely in his/her favour, and those who vote for the unsuccessful candidate have ‘backed the wrong horse’ even if it was a close contest and the loser nevertheless gave the winner ‘a run for his/her money’.

Other sports are blessed with common metaphors that can be used in political, business or social life, such as ‘the ball is in your court’ from the world of tennis, meaning the decision is yours in various contexts, whereby when that decision is final and binding it is ‘game, set and match’. You may wish to resort to athletics by being ‘quick off the mark’ or ‘quick out of the blocks’ in developing a strategy or policy, thus ‘raising the bar’ as in pole-vaulting to put your rivals under pressure to perform to your level. If you are a reliable and efficient colleague, you will have a ‘safe pair of hands’, as a rugby player, and in general you would be a ‘good team player’ that is, ‘there is no “I” in team’.

Conclusion

Metaphors are rhetorical devices to aid clarity and understanding of a particular event or circumstance, or person, indeed, and are thus intended to have an immediate and unambiguous intellectual and perhaps emotional effect on the hearer/recipient. In the political and business environments of the United Kingdom, metaphors are used by politicians and journalists to convey to the public a message and its desired interpretation, though it should be noted that politicians, in particular, generally do not address each other with metaphors or figures of speech. They tend to be more direct, confrontational, and brutal. In England the sporting metaphor also has clear class-based associations, especially with regard to cricket, associations which are not evident in other countries where that sport is played, including Ireland and Scotland. Although it is a team sport, it is individual initiative and performance that are emphasized, whereas in ‘working-class’ football both individual skill and collective teamwork are foremost. Boxing and horse-racing provide many apt and vivid metaphors for the combative and often cruel nature of Parliamentary in-fighting, as well as the British electoral process as a whole.

References

1. Barrett, Norman (ed.) *The Daily Telegraph Chronicle of Horse Racing* (Enfield: Guinness Publishing), 1995

2. Bateman, Anthony, *Cricket, Literature and Culture: Symbolising the Nation, Destablising Empire* (London: Routledge), 2016
3. Birley, Derek, *A Social History of English Cricket* (London: Aurum), 2003
4. Marples, Morris, *A History of Football* (London: Secker and Warburg), 1954
5. McIlvanney, Hugh, *The Hardest Game: McIlvanney on Boxing* (New York: McGraw Hill), 2001

Notes

¹ <https://www.margarethatatcher.org/document/108241>

² <https://www.spectator.co.uk/article/full-text-boris-johnson-s-resignation-speech>.

³ <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/04/matt-hancock-scored-an-own-goal-with-his-cheap-shot-at-footballers>.

⁴ <https://www.thesun.co.uk/news/1307392/political-heavyweight-ken-clarke-to-quit-politics-after-50-years-in-parliament/>

⁵ <https://www.parliament.uk/site-information/glossary/first-past-the-post>.

УДК 81.23

Staroverova V., Lopukhina A.

HSE University, Moscow, Russia

Perceptual Span during Silent Reading in Russian Adults and School Students in Grades 3-4

Abstract. *One of the indicators of reading proficiency is the size of the perceptual span which is the amount of information that people can perceive within one fixation. Previous studies on the perceptual span have often been focused on English, and it is unclear whether the results can be replicated in other languages and in scripts other than Latin. In our study, we address this question by investigating the perceptual span in Russian adults and children. Russian-speaking young adults, third graders, and fourth graders participated in an eye-tracking-during-reading experiment with a moving window paradigm (McConkie & Rayner, 1975) and completed a battery of language tests. We found that perceptual span was larger in adults compared to children and its size was 14 characters to the right of the fixation point, similarly to English adult readers. Children's perceptual span consisted of 10 characters to the right of the fixation point. Finally, we showed that individual differences in language skills did not correlate with the size of the perceptual span.*

Keywords: *parafoveal processing, perceptual span, eye-tracking during reading, Russian.*

Introduction

In the last decades, reading mechanisms and the acquisition of reading skills have gained a lot of attention that resulted in a large number of eye-tracking-during-reading studies. They showed that reading depends on visual perception (both foveal, i.e. within the current fixation, and parafoveal, i.e. to the right of the current fixation when reading from left to right) as well as on successful language processing (Rayner, 1998). Thus, impairments at any of these levels prevent reading development that can be detrimental for modern life.

One of the indicators of fluent reading is the size of the perceptual span during reading. The perceptual span is the amount of visual information (in characters) that can be processed during one fixation (Rayner, 1975). For English-speaking adults, it has been confirmed that the size of the perceptual span is about three characters to the left of the fixation point (Binder et al., 1999;

Jordan et al., 2014) and 14-15 characters to the right of the fixation point (Bélanger et al., 2012; Buurman et al., 1981; Leung et al., 2014; Rayner et al., 2009). Importantly, within the perceptual span, only 3-4 characters that fall into the foveal area are perceived with a high acuity, whereas the majority of the characters in the parafovea are perceived with less acuity (Rayner et al., 2009).

Scattered experimental evidence on the size of the perceptual span in children agrees that it is smaller than that in adults'. In English, the perceptual span reaches up to eleven characters to the right of the fixation point for second and fourth graders (Rayner, 1986). In Finnish, it reaches five characters to the right for second graders and seven characters to the right for fourth graders (Häikiö et al., 2009). In German, it reaches four characters to the right for second graders (Sperlich et al., 2015, 2016). Although there are several studies of the perceptual span and its development in young readers in several European languages, there has not been any research on the perceptual span for the Russian language and for Cyrillic script.

Importantly, recent studies showed that the average size of the perceptual span in skilled adult readers can be modulated by individual differences. Choi et al. (2015) found that better language processing skills lead to the greater perceptual span to the right of the fixation point in English-speaking adults. The authors also concluded that individual differences in oculomotor abilities did not affect the size of the perceptual span. Moreover, individual differences in language skills also influenced the size of the perceptual span in primary-school German children, as shown by Sperlich et al. (2015, 2016). Since individual differences in language processing influence the size of the perceptual span, it seems important to consider them when studying the perceptual span in Russian.

This study is the first to assess the size of the perceptual span for Russian-speaking adults and children as well as investigate the impact of language skills on it. In our study, we use an eye-tracking moving window paradigm to investigate the perceptual span, and the battery of linguistic tests to evaluate language skills. Our participants are adult Russian-speaking monolinguals and children in grades 3 and 4. We test two hypotheses. Firstly, we expect that children's perceptual span will be smaller than adults'. We predict that children's span is 7-10 characters to the right while adults' span is 14 characters to the right of the fixation point. Secondly, we hypothesize that better language skills should lead to greater perceptual span both in adults and in children.

Methods

In the reading experiment, we tested two groups of Russian-speaking monolingual participants: 83 adults aged 18-40 (59 females, mean age = 22.7, SD = 4.5) and 41 children from the third and fourth grades (23 girls, mean age = 9.4, SD = 0.6). All participants had normal vision and hearing and no cognitive or language disorders. All children had nonverbal intelligence within the normative range (estimated by the Raven's Colored Progressive Matrices; Raven, 2003) and had normal reading speed and comprehension (estimated by the Standardized Assessment of Reading Skills; Kornev & Ishimova, 2010).

We used the moving window paradigm (McConkie & Rayner, 1975) to explore the size of the perceptual span in adults and children. All adults were asked to read 80 sentences that consisted of 9-12 words. Each sentence was presented in one of the four conditions so that each participant saw all four conditions: 3_12 (3 visible letters to the left and 12 to the right of the fixation point; other letters were replaced with Xs), 3_14, 3_16 and a control condition without any mask. The sentences were blocked into four experimental lists so that each sentence was presented in each condition. The order of the stimuli was randomized between participants.

All children were asked to read 48 sentences that consisted of 7-10 words. Each sentence was presented in one of the six conditions so that each participant saw all six conditions: 3_3 (3 visible letters to the left and 3 to the right of the fixation point; other letters were replaced with Xs), 4_4, 7_7, 10_10, 14_14 and a control condition without a mask. We decided to use symmetrical conditions with children since it was done so in all previous works and it is not

known how many characters children perceive from the left. The sentences were blocked into six lists so that each sentence was presented in each condition. The order of the stimuli was randomized between participants.

The participants read sentences on the monitor or the laptop while their eye movements were recorded by an Eyelink Portable Duo or an Eyelink 1000 Plus eye-trackers. We analyzed the reading speed which was calculated as the number of words read per minute. We used the R software to build a linear mixed model separately for adults and children and compared window conditions to each other and to the control condition.

In addition to the reading experiment, each participant completed several language tests. All adults completed a complex phonological task (Dorofeeva et al., 2020), a Rapid Automatized Naming of digits task (Denckla & Rudel, 1974), a single word reading task, a spatial processing task, a vocabulary test (<https://www.myvocab.info/>), and the Russian version of the Author Recognition Test (Chernova & Bakhturina, 2021). The children completed a complex phonological task, a Rapid Automatized Naming of digits task, and a vocabulary test. In several linear mixed models we estimated the influence of each linguistic task on the size of the perceptual span in our participants. Our study is the first to consider the contribution of so many tests in the size of the perceptual span.

Results

The results of our study are threefold. Firstly, we determined the average perceptual span during reading in Russian adults. All window conditions differed significantly from the control condition ($p < 0.001$). However, after comparing the neighboring conditions, we found that the reading speed in the 3_16 condition was the same as in the 3_14 condition ($Est. = -0.55, p = 0.798$). It means that, similarly to English, Russian adults' perceptual span includes 14 characters to the right of the fixation point.

Secondly, similarly to the results in adults, children's reading with a moving window differed from their reading in a control condition without a mask. At the same time, their reading speed between window conditions stopped to increase after the 10_10 condition (comparison of 10_10 with 14_14 condition showed no difference $Est. = -0.25, p = 0.912$). That is to say that the average perceptual span in children is smaller than in adults and consists of ten characters to the right of the fixation point. This finding confirms that children in the fourth grade do not reach the same reading parameters as adults (Lopukhina et al., 2022), especially in the parafoveal processing.

Finally, we discovered that individual differences in language processing skills assessed by the language tests did not influence the size of the perceptual span neither in adults nor in children. The results in the tests were not associated with the perceptual span size at all (all p 's > 0.05).

Conclusions

Our study was the first that investigated the size of the perceptual span in developing and adult readers on the Cyrillic script. We found that the perceptual span reaches the size of 14 characters to the right of the fixation point for adults and 10 characters to the right for children in the third and fourth grades. Our results for adults are in line with the results from other European languages, so language and script seem not to affect the size of the perceptual span. However, the development of the perceptual span may depend on a language since Finnish fourth graders have a smaller span than Russian fourth graders, i.e. seven and ten characters respectively. Moreover, this study was the first one that evaluated the contribution of various language skills in the perceptual span size in both children and adults. We showed that none of the language skills correlated with its size which indicates that the perceptual span may be modulated by visual or attention skills and not language skills. Our results contradict the findings of Choi et al. (2015) probably because we estimated each language skill separately or due to the fact that our participants were too similar to each other in their language processing skills.

References

1. Bélanger, N. N., Slattery, T. J., Mayberry, R. I., & Rayner, K. Skilled deaf readers have an enhanced perceptual span in reading // *Psychological science*. 2012. Vol. 23(7). Pp. 816-823. <https://doi.org/10.1177/0956797611435130>
2. Binder, K. S., Pollatsek, A., & Rayner, K. Extraction of information to the left of the fixated word in reading // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1999. Vol. 25(4). P. 1162. <https://doi.org/10.1037/0096-1523.25.4.1162>
3. Chernova, D., & Bakhturina, P. Developing the Russian Author Recognition Test: A Tool to Assess Print Exposure // *Когнитивная наука в Москве: новые исследования*. 2021. Pp. 469-473.
4. Choi, W., Lowder, M. W., Ferreira, F., & Henderson, J. M. Individual differences in the perceptual span during reading: Evidence from the moving window technique // *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2015. Vol. 77(7). Pp. 2463-2475. <https://doi.org/10.3758/s13414-015-0942-1>
5. Den Buurman, R., Roersema, T., & Gerrissen, J. F. Eye movements and the perceptual span in reading // *Reading Research Quarterly*, 1981. Pp. 227-235. <https://doi.org/10.2307/747557>
6. Denckla, M. B., & Rudel, R. Rapid “automatized” naming of pictured objects, colors, letters and numbers by normal children // *Cortex*. 1974. Vol. 10(2). Pp. 186-202. [https://doi.org/10.1016/S0010-9452\(74\)80009-2](https://doi.org/10.1016/S0010-9452(74)80009-2)
7. Dorofeeva, S. V., Laurinavichyute, A., Reshetnikova, V., Akhutina, T. V., Tops, W., & Dragoy, O. Complex phonological tasks predict reading in 7 to 11 years of age typically developing Russian children // *Journal of Research in Reading*. 2020. Vol. 43(4) Pp. 516-535. <https://doi.org/10.1111/1467-9817.12327>
8. Häikiö, T., Bertram, R., Hyönä, J., & Niemi, P. Development of the letter identity span in reading: Evidence from the eye movement moving window paradigm // *Journal of experimental child psychology*. 2009. Vol. 102(2). Pp. 167-181. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2008.04.002>
9. Jordan, T. R., Almabruk, A. A., Gadalla, E. A., McGowan, V. A., White, S. J., Abedipour, L., & Paterson, K. B. Reading direction and the central perceptual span: Evidence from Arabic and English // *Psychonomic bulletin & review*. 2014. Vol. 21(2). Pp. 505-511. <https://doi.org/10.3758/s13423-013-0510-4>
10. Kornev, A. N., & Ishimova, O. A. Tests for diagnosing dyslexia in children. Saint Petersburg, Russia: *Polytechnic University Press*. 2010
11. Leung, C. Y., Sugiura, M., Abe, D., & Yoshikawa, L. The perceptual span in second language reading: An eye-tracking study using a gaze-contingent moving window paradigm // *Open Journal of Modern Linguistics*, 2014. Vol. 4. P. 585-594. <https://doi.org/10.4236/ojml.2014.45051>
12. Lopukhina, A., Zdorova, N., Staroverova, V., Ladinskaya, N., Kaprielova, A., Goldina, S., Dragoy, O. Benchmark measures of eye movements during reading in Russian children. 2022. August 10. <https://doi.org/10.31234/osf.io/2x5pk>
13. McConkie, G. W., & Rayner, K. The span of the effective stimulus during a fixation in reading // *Perception & Psychophysics*. 1975. Vol. 17(6). P. 578-586. <https://doi.org/10.3758/BF03203972>
14. Raven, J. Raven progressive matrices // *Handbook of nonverbal assessment*. Springer, Boston, MA. 2003. P. 223-237
15. Rayner, K. The perceptual span and peripheral cues in reading // *Cognitive psychology*. 1975. Vol. 7(1). P. 65-81. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(75\)90005-5](https://doi.org/10.1016/0010-0285(75)90005-5)
16. Rayner, K. Eye movements and the perceptual span in beginning and skilled readers // *Journal of experimental child psychology*. 1986. Vol. 41(2) P. 211-236. [https://doi.org/10.1016/0022-0965\(86\)90037-8](https://doi.org/10.1016/0022-0965(86)90037-8)
17. Rayner, K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124(3). P. 372-422. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.124.3.372>
18. Rayner, K. The 35th Sir Frederick Bartlett Lecture: Eye movements and attention in reading, scene perception, and visual search // *Quarterly journal of experimental psychology*. 2009. Vol. 62(8). P. 1457-1506. <https://doi.org/10.1080/17470210902816461>
19. Sperlich, A., Meixner, J., & Laubrock, J. Development of the perceptual span in reading: A longitudinal study // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2016. Vol. 146. P. 181-201. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2016.02.007>

20. Sperlich, A., Schad, D. J., & Laubrock, J. When preview information starts to matter: Development of the perceptual span in German beginning readers // *Journal of Cognitive Psychology*. 2015. Vol. 27(5), 511-530. <https://doi.org/10.1080/20445911.2014.993990>

УДК 81-2

Uranchimeg G.

*Mongolian University of Science and Technology,
School of Foreign languages, Department of Oriental Studies, Ulaanbaatar, Mongolia*

Phraseological units with the meaning of evaluation and human characteristics and their functions in the Mongolian and Russian languages

Abstract. *The article is devoted to the study of phraseological units in text components. Phraseologisms are considered from the point of view of their connective functions in the text on the materials of the Mongolian and Russian languages, to identify their similarities and differences. The achievement of the goal was facilitated by the collection of materials from fiction, the analysis of the connective lexical means of the text components from the semantic, functional and formal sides of the materials of two languages, their classification and generalization. Further the conducted research demonstrates the semantic-functional coincidence and the formal-grammatical difference between the Mongolian and Russian languages. Phraseological units serve not only as semantic-stylistic and text-forming means that exist in languages of different structures, but also as “exponents of the national singularity of the denomination”, which is of interest for a comparative study of this problem.*

Keywords: *phraseological units; connective function; lexical connective means; text-forming means; comparative study.*

The Mongolian language is abundant with connecting means at the text level, among which the meaning and function of grammatical connective means have been widely studied. The problems of the text communication means and their classification were studied in detail by the Mongolian scholars Z. Guliraanz and Z. Bayarchimeg. So, along with the division of grammatical connective means at the text level, depending on their positions, Z. Guliraanz classified them from the functional side (Purev-Ochir, Monk-Angalan, Guliraanz, 1991. p. 125-129), and some grammatical connective means of the text on the examples of the Mongolian and Russian languages are considered by Z. Bayarchimeg (Bayarchimeg, 2001 129 p.). However, the lexical means of connective text components still need specific further research.

The composition of the lexical means of the text components includes anaphora, synonyms, antonyms and phraseological units. We have focused on the semantic, functional and formal aspects of a specific lexical connective means at the text level in the Mongolian and Russian languages, namely, the phraseological units that are widely used in written and spoken languages.

Based on the classification of A. V. Velichko and the results of the analysis of the practical materials of this study, we have identified the following groups of phraseological units in the Mongolian language:

1. phraseological units with the meaning of evaluation and characteristics;
2. phraseological units with the meaning of consent, acceptance, approval, objection, denial;
3. phraseological units with the meaning of emphasis;
4. phraseological units with the meaning of description and enumeration;

5. phraseological units with the meaning of comparison and opposition;
6. phraseological units with the meaning of logical conditionality (Uranchimeg, 2021, p. 145) and the features of each group are determined, their semantic, functional and formal properties are considered in comparison with the Russian language in establishing a connection between the text components.

On the example of phraseological units with the meaning of evaluation and characteristics, acting as a connective means between the text component, we will reveal the features of the above semantic groups of phraseological units. Phraseologisms with a similar meaning connect logically determined components of the text and express various modal tones of meanings.

Phraseological units with the meaning of evaluation and characteristics consist of two main parts: phraseological units with the meaning of evaluation and phraseological units with the meaning of characteristics.

Phraseologisms with the meaning of evaluation can be denominated positive and negative evaluation.

Phraseological units with a positive assessment value contain various emotional tones of meaning of the speaker, such as approval and praise, delight and admiration, love and pity, affection, respect and reverence, preference, inspiration and jubilation, as well as the superiority of a person, object, action, phenomenon and attribute. It is important to take into account the emotional and communicative relations of the speaker.

Phraseologisms with this meaning, used as connecting means in the text, can express the tone of excitement and exaltation of the speaker, which arise as a result of an external action and its result. For example:

...Эл бүх байдал Данзангийн сэтгэлийг улмаар тэнийлгэн баясгана. " <u>Эр хүний жаргал эзгүй хээр гэдэг юутай үнэн бэ?</u> " гэж бодож явснаа олох олз омгийнхоо тухайд шилжин оров. Энэ бол үнэндээ ч Данзанд ийнхүү зуун уул, мянган замыг алслан зорьж яваа хэргийнх нь хамгийн чухал нь биш ээ... (Намдаг Д. "Цаг төрийн үймээн")	...Данзан гүнзгээр вздыхнул. <u>А вель правильно говорят, что мужчина бывает счастлив только в степи.</u> Но вот его мысли постепенно обратились к ожидаемым доходам, которая сулила ему поездка. Да и впрямь это для него теперь самое важное. Ведь только ради заработка отправился он в этот далекий путь, где ему предстоит перейти сотни перевалов, пройти тысячи дорог... (Намдаг Д. "Тревожные годы")
---	---

...Danzan took a deep
breath. Although it is rightly said
that a man is happy only in the
steppe. On the other hand his
thoughts gradually turned to the
expected income that the trip
promised him. And indeed, this is
the most important thing for him
now. After all, only for the sake of
earning he went on this long
journey, where he has to cross
hundreds of passes, go through
thousands of roads... (Namdag D.
"Troublesome years")

From the above example, it can be seen that the phraseological statement of the Mongolian language “*Эр хүний жаргал эзгүй хээр гэдэг юутай үнэн бэ?*” connects the components of the text, taking an interposition, indicates the meaning of a positive assessment with tones of excitement and assertion on the part of the speaker, and also expresses the meaning of opposition. In the Russian version, a phraseological statement with a given meaning and function is conveyed by the statement “*А ведь правильно говорят что, мужчина бывает счастлив только в стени*” and connects the components of the text with a conjunction *А ведь* (grammatical connective means), which demonstrates a semantic-functional coincidence and a formal-grammatical difference. It should be noted that these conjunctions in this case have the meaning of enhanced affirmation and excitement.

This group combines phraseological units that express the expressive-modal meanings of delight, admiration and preference, and are connecting means at the text level. For example:

... – Яагаад тэр билээ?

– Яая гэхэв, орчлонгийн хамаг сайн сайхан энд байдаг юм хойно доо. Хүний сэтгэл өөрийн эрхгүй татагдана.

– Та харин ингэж байгаад бүр явахаа больчих юм биш байгаа даа гэж Доржийн хошигнон хэлэхэд Хүрэл санаа алдан,

– Ай даа, ард минь ажил төрөл, эхнэр хүүхэд гэж байдаггүйсэн бол ч, хөөрхий, ёстой тэгэхсэн гэж хууз сахлаа маажлан байснаа нүдээ анин наманчлав... (Намдаг Д. “Цаг төрийн үймээн”)

... – Но почему?

– Потому, что все монголы почитают за честь побывать в городе Богдо.

– Может быть мы дальше не поедим? – пошутил Доржи. – Здесь и останемся?

– Если бы у меня не было хозяйства да семьи, я бы здесь навсегда остался, – спокойно ответил Хурел. Он глубоко вздохнул, разгладил бороду и стал молиться... (Намдаг Д. “Тревожные годы”)

... – But why?

– Because all Mongols consider it an honor to visit the city of Bogdo.

– Maybe we can't go any further? Dorj jokes. – Are we going to stay here?

– If I didn't have a household and a family, I would stay here forever, – Hurel answered calmly. He took a deep breath, smoothed his beard and began to pray... (Namdag D. "Troublesome years")

In the material of the Mongolian language, the phraseological statement “Хүний сэтгэл өөрийн эрхгүй татагдана” connects the components of the text, occupying an interposition, expresses the meaning of a positive assessment with tones of preference and admiration for the subject (Bogdiin khuree) on the part of the speaker, and also has a clarifying and conditioning connotation. An analysis of the practical materials of both languages indicates that this stylistic variety, which serves to connect the components of the text, coincides in the semantic-functional plan and does not coincide in the formal plan, because the phraseological statement in the Mongolian language is translated into Russian (“*Потому, что все монголы почитают за честь побывать в городе Богдо*”) by explaining in the literal sense and connects the components of the text with a grammatical means *Потому, что*, taking up interposition.

A negative assessment indicates that the object has undesirable properties or the speaker expresses his negative attitude towards the object – disapproval, irony, indignation, etc. Evaluation, characteristic can also be an indication of the compliance of the object, its properties, attributes with the norm, the usual (Velichko, 1996, p. 13).

Assessments with negative emotional connotations often include idioms that express criticism, condemnation, as well as the speaker's grief and disappointment due to some event or reason, and serve as connecting means in the text. For example:

...Олохын төлөө зүтгэлээ.
Хог арилгасан, түлээ хөрөөдсөн,
мах үүрэв, ёох! Хүрээ гэдэг хүний гар дахийг салгахаас биш хүний гар дээр юм гялайлгадаг газар биш юм. За тэр ч яах вэ, өнгөрсөн цагт би энэ биеэ үхэлгүй мөнхийг санан, амьтныг алан хядаж явсны нүгэл биз дээ... (Намдаг Д. “Цаг төрийн үймээн”)

...Стал работать, возил мусор, пилил дрова. О-о! В Урге жить не легко! Тут мало радости... А я думал, что буду долго жить... Нет, видно, много нагрешил, ведь я людей убивал... (Намдаг Д. “Тревожные годы”)

...He began to work, carried garbage, and sawed firewood. Oh-oh! Life in Uрга is not easy! There is a little joy here... And I thought that I would live a long time... No, apparently, I sinned a lot, because I killed people... (Namdag D. "Troublesome years")

These examples, "Хүрээ гэдэг хүний гар дахийг салгахаас биш хүний гар дээр юм гялайлгадаг газар биш юм", "В Урге жить не легко! Тут мало радости..." are represented by whole phraseological statements with negative emotional connotations, from a logical point of view, they are due to the meaning of the speaker's annoyance, disappointment and frustration due to the lack of an expected action, as well as the meaning of consent and acceptance of the inevitable, necessarily forthcoming action, its reason.

This assessment has another negative meaning, which distinguishes complex tones – insult, neglect, irony, mockery, etc., and connects the components of the text with phraseological units with similar meanings. For example:

...Энэ нь ядаж генерал сан бол ч бас яахав. Уртаашаа нэг дивизийн дарга бөгөөд тэгэхээр тэр нь нэг их, бүхнийг чин ялан дийлэгч ч биш, өөрөө дайсанд байн байн цохигдсоор дивиз ч биш, дивизийн нэр зүүсэн хороо, хороо цэргүүд нь бол хаа явсан газраа ард иргэдийн өвөр түрийг нэгжин, арав таван зоосыг нь булаана... (Намдаг Д. “Цаг төрийн үймээн”)

...Не сегодня, завтра тот уедет, и, может быть, с ним не придется уже и встретиться. Да и чин у него не большой. Подумаешь командир дивизии, даже не генерал. И от дивизии у него одни ножки да рожки остались, едва полк наберется. И бит был повсюду, где воевал. Его солдаты знали одно – грабить мирных жителей... (Намдаг Д. “Тревожные годы”)

...Not today, but tomorrow he will leave, and maybe you won't have to meet him anymore. Yes, and his rank is not great. Just think, the division commander, not even a general. And from the division he had only legs and horns left, as soon as the regiment was recruited. And the beat was everywhere where he fought. His soldiers knew one thing – to rob civilians... (Namdag D. "Troublesome years")

In the example of the Mongolian language, "Уртаашаа нэг дивизийн дарга" is presented by a phraseological statement that has the emotional meaning of the speaker's disregard for the position of the person, as well as the connotation of a negative assessment and a negative

description of his division, connects the components of the text, occupying an interposition. In the Russian version, a phraseological unit with a given meaning and function is expressed by the syntactic phraseologism "*Подумаешь командир дивизии*", therefore, when establishing links between text components, connecting means are match in meaning, function, and do not match in form.

Phraseologisms with the meaning of a characteristic also contain a positive and a negative meaning.

There are similarities and differences between a positive characterization and a positive assessment of the speaker. The similarity for them is that they are distinguished by an unambiguous correspondence, and the difference is that when characterizing, the speaker determines his position and attitude to a person, object, action, the situation as a whole, in addition to assessing their attributes.

In addition to the positive and negative assessment of the object, there are often cases in two languages when the components of the text are connected, the phraseological units with the meaning of the characteristic express the meaning of the significance of making a further decision.

This meaning can be illustrated by examples of two languages below:

...Зүгээр морь бол баруун талын урд хөл, зүүн талын хойд хөлийг нэг зэрэг гишгэж, дараа нь зүүн талын урд хөл, баруун талын урд, хойд хөлийг зэрэг урагш гишгэдэг юм. Зүгээр морь ингэж өрөөлдөж гишгэж явдаг юм. Жороо морь бол баруун талын урд, хойд хоёр хөлийг хамт өргөж, урагш гишгээд, дараа нь зүүн талын хойд, урд хоёр хөлийг хамт өргөж, урагш гишгэнэ. Хоосон өнгөөр гайхуулахын оронд юмны учрыг мэдэж гайхуулбал их сайхан байдаг юм... (Намдаг Д. "Цаг төрийн үймээн")

...Обыкновенный конь ступает правой передней и левой задней ногой, а затем левой передней и правой задней. А у иноходца то обе правые, то обе левые ноги двигаются вперед. В этом вся разница. Так вот, не хвастайся красотой, если не знаешь сути дела. Так-то лучше будет... (Намдаг Д. "Тревожные годы")

...An ordinary horse steps with the right front and left hind legs, and then the left front and right hind. And with the pacer, either both right or both left legs move forward. That's the difference. Now then, do not brag about beauty if you do not know the essence of the matter. It will be better that way... (Namdag D. "Troublesome years")

Here, the idiom "*Хоосон өнгөөр гайхуулахын оронд*" connects the components of the text, taking an interposition, expresses the meaning of interpretation and negative assessment, accompanied by an instructive and condemning connotation on the part of the speaker. As can be seen from the example, a semantic-functional similarity and a formal-grammatical difference are demonstrated, since a phraseological unit in the Mongolian language is translated into Russian by way of an explanation ("*не хвастайся красотой*") and is connected by a grammatical connective means (using the conjunction *Так вот*).

In this paper, it was revealed that the phraseological units of the Mongolian and Russian languages, along with the fact that they express the meaning of the assessment and characteristics with positive and negative emotional tones of the subject, perform the connective function at the text level.

Also, the analysis of the materials has shown that phraseologisms are not only semantic-stylistic and text-forming means that exist in languages of different structure, but also exponents of the singularity of denomination, which is of interest for a comparative study of this problem.

Литература

1. Баярчимэг З. Функционально-семантическое описание некоторых средств связи компонентов сверхфразового единства (на материале монгольского и русского языков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Батор, 2001. С. 129.
2. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учебное пособие. Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. Москва, 1996. С. 13.
3. Мөнх-Амгалан Ю. Орчин цагийн монгол хэлний баймжийн ай. Улаанбаатар, 1998.
4. Пүрэв-Очир Б., Мөнх-Амгалан Ю., Гулираанз З. Монгол хэлний энгийн өгүүлбэр, эхийн онол-практикийн зарим асуудал. Улаанбаатар, 1995. С. 125-129.
5. Уранчимэг Г. Эхийн түвшний үгийн сангийн холбох хэрэглүүр. Нэг сэдэвт бүтээл. Улаанбаатар, 2021. С. 145.
6. Энхтуяа Ц. Функционирование лексического повтора в русском связном тексте с позиций носителя монгольского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2003. 20 с.

References

1. Bayarchimeg Z. Funktsional'no-semanticheskoye opisaniye nekotorykh sredstv svyazi komponentov sverkhfrazovogo yedinstva (na materiale mongol'skogo i russkogo yazykov). Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Ulan-Bator, 2001. S. 129.
2. Velichko A. V. Sintaksicheskaya frazeologiya dlya russkikh i inostrantsev: uchebnoye posobiye. Moskovskiy gos. universitet im. M. V. Lomonosova. Filologicheskii fakul'tet. Moskva, 1996. S. 13.
3. Monk-Amgalan Yu. Orchin tsagiin mongol khelnii baimjiin ai. Ulaanbaatar, 1998.
4. Purev-Ochir B., Monk-Amgalan Yu., Guliraanz Z. Mongol khelnii engiin oguulber, ekhiin onol-praktikiin zarim asuudal. Ulaanbaatar, 1995. S. 125-129.
5. Uranchimeg G. Ekhiin tuvshnii ugiin sangiin kholbokh kheregluur. Neg sedevt buteel. Ulaanbaatar, 2021. S. 145.
6. Enkhtuya Ts. Funktsionirovaniye leksicheskogo povtora v russkom svyaznom tekste s pozitsiy nositelya mongol'skogo yazyka. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2003. 20 s.

УДК 372.881.111.1

Zakharova K.M.

Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow

Effective ways of using Super Simple songs to develop grammar and vocabulary skills of Young Learners

Abstract. *This article is devoted to the reasons of using Super Simple Songs in teaching English to Young Learners, the role of Super Simple Songs in implicit learning and the ways of using Super Simple Songs for developing grammar and vocabulary skills of the students. This article presents a brief analysis of several worldwide English teaching centers and programs where Super Simple Songs are used for teaching EFL, including Helen Doron's program "Fun with Flupe". These programs are observed to give an opportunity to the teachers in different countries to take the best of working methods using Super Simple Songs for their lessons with children.*

The article explains how Super Simple Songs or Nursery Rhymes can be used within the theory of affective filter by Steven Krashen and applied in implicit and explicit learning, how they can work together with TPR and thematical approach to lessons.

Keywords: *Super Simple Songs, Nursery Rhymes.*

Introduction

The influence of music on people's minds is known from the ancient times. Plato was sure that "music and harmony find their way into the secret places of the soul" (Sen, 1967). A famous American poet Henry Wadsworth Longfellow stated that "Music is the universal language of mankind" (Longfellow, 1835, p.4).

A research made by Richard Kunert of the Max Plank Institute for Psycholinguistics in Nimegen Institute has proved that both music and language are processed in the part of the brain which is called Broca's area (Kunert et. al. 2015). Earlier another important research has showed that electrical stimulation of Broca's area enhances implicit learning of artificial grammar (de Vries et. al. 2010). Both music and language are perceived primarily through the auditory system, both may be acquired implicitly, both have special patterns and have overlapping neurophysiological, perceptual and cognitive underpinnings (Ettlinger et. al., 2011: 1).

Music, if chosen appropriately, also helps students to relax, to feel more self-confident and to form a positive attitude to learning. Therefore, this makes reasonable to use music in implicit learning. The methodological basis of the reasons for using songs in the classroom and the recommendations on how to use them can be found in the works by Eken (Eken, 1996: 46), Scievener (Scievener, 2005: 339), Kitaygorodskaya G. (Kitaygorodskaya, 2009), Aitov V. (Aitov, 1994), Bolen J. (Bolen, 2020), Romanovskaya O. (Romanovskaya, 2005), Mullen J. (Mullen, 2017), Patel A. (Patel, 2003), Levi V. (Levi, 1996), Bernabei (Bernabei et. Al. 2017) and Sinkevich (Sinkevich, 2002).

When choosing songs for teaching English we should select them according to several criteria. Firstly, the theme of songs should be interesting to the students, otherwise, if these students are children, they will not have a desire to listen to the songs several times. Secondly, the music should be joyful. Thirdly, the words should be pronounced clearly for the students, even if they are very early learners, to be able to understand the meaning. Fourthly, the vocabulary, which is used in songs, should correlate with the vocabulary of the students, or be slightly higher, to play a role of the comprehensible input according to the theory of Steven Krashen.

Super Simple Songs, also known as Nursery Rhymes, meet these criteria. They are a good authentic material which can be widely used nowadays thanks to the spread of the Internet. Some of Super Simple Songs have been known for centuries and have been used in many countries for teaching English as a first or second language both in kindergartens and at home. With the development of the Internet these songs became popular in many countries for teaching English not only as a first or second but also as a foreign language.

The subject of our research is to develop the technology of using Super Simple Songs for developing the grammar skills of the students of level Starters. We'll focus on the students who are early learners and very early learners because the themes and the style of Super Simple Songs is more interesting to this audience. They are the object of our research. However, we should mention that Super Simple Songs can be used for teaching adults of level Starters too, but this is out of the scope of this research.

To develop an appropriate technology of using Super Simple Songs it is important: firstly, to study where Super Simple Songs are already used as a part of the learning program and in which way; secondly, to analyze the advantages and disadvantages of existing methods, thirdly, to create several curriculums for different kinds of students and finally to test them.

Speaking about young learners or very young learners, we should take into account the psychological and physiological needs of the students before developing the technology of using

Super Simple Songs at the lessons. Children can learn through art and playing (Varga et. Al., 1981, p. 246), so it is important to combine listening to the songs, dancing and drawing with instructions made in English language, to help the children learn in a natural way.

For the development of the grammar skills of the students we should remember that grammar skills are tightly connected with vocabulary (Selivan, 2018, p.1-5). Grammar should not be learned as a stand alone activity (Chomsky, 1957). Grammar can be learned both implicitly and explicitly (Ellis, 2005), and if we speak about Young Learners, implicit methods should be predominant.

Methods

For the purposes of this research we observed several educational centers where English is taught as a second or as a foreign language and Super Simple Songs are used in English lessons.

There are not many programs where Super Simple Songs are used for teaching English as a foreign language: “Gymboree Music and Play” Learning Centre, Helen Doron programs, Valeria Meshcheryakova’s programs focused on Young Learners “English for children”, English First school.

All of them use listening to the songs and singing in their programs. But each centre and each program has its specifications. Helen Doron’s learning program “Fun with Flupe” stands out because of its complex approach to teaching English to children in a natural way, using both singing, dancing, coloring the pictures, doing interesting after-listening tasks in the student’s books and listening to the songs many times at home. Moreover, they are the only school of teaching English as a foreign language where Super Simple Songs are incorporated into the program complexly and play the role of the meaningful context according to the theory of Steven Krashen. They have created stories that explain the problems of the characters of the songs, for example, why the mouse from the famous song “Hickory Dickory Dock” was running many times to the top of the clock and back down or why Mary from the famous nursery rhyme “Mary, Mary, quite contrary” was called contrary. Students are recommended to listen these Super Simple Songs many times – several times per week. They also have an opportunity to watch videos with the characters of the songs and to play games on the website www.helendoron.com or in the APP Kangiclub, specially designed for the practice of vocabulary which was used in the songs and video episodes, to make learning even more effective and enjoyable. In addition, they use different kinds of tasks in the student’s books for the practice of language. Some of them are with focus on vocabulary, while some of them are with focus on grammar.

Helen Doron’s schools demand from the teachers to praise the children whatever they are doing, not to criticize them, to understand student’s mistakes as a part of learning and to be friendly and positive during the lessons, to create an atmosphere where the children are willing to learn. In Helen Doron’s learning centers children attend classes with inspiration and joy. They go the lessons as they go to some kind of celebration or holiday with friends. This is extremely important for learning a foreign language according to the Steven Krashen’s theory of affective filter.

Grammatical structures in Helen Doron’s program “Fun with Flupe” are learned implicitly in the way Noam Chomsky and Steven Krashen were talking about.

In Valeria Meshcherykova’s programs designed for children aged 5-6 years old, songs used are not the original Super Simple Songs – they are not an authentic material and they are not so joyful and interesting to be listened to many times per week as in Helen Doron’s program. They are made artificially for learning English and there is no such meaningful context as in Helen Doron’s programs.

In “Gymboree Music and Play” original songs, which are authentic material, are played on the recorder while children are playing, running, jumping, dancing, hiding, hanging on their hands and doing all kinds of joyful movements in the free play in bright, soft and specially designed halls of Gymboree Music and Play centers. This way children absorb the meaning of the songs implicitly. They also learn how to pronounce English words correctly, even if they are not

talking yet. They have an opportunity to attend English classes where English is taught through art. This complex approach to combine teaching two or more subjects together during one lesson to enrich the learner's experience was described in the book "Language, Music and Mathematics" by B. Varga (Varga et al. 1981). Nowadays it is also widely used in CLIL. Children can both learn how to draw and to learn English implicitly while drawing, listening to simple instructions.

In English First school they use many visuals to elicit the target vocabulary from the songs or the stories which are demonstrated to the children. They also use TPR while singing the songs in the classes. The students, who are early learners, repeat the movements after the teacher. For example, if they sing the song "The wheels of the bus go round and round" they make round movements with their hands. This approach is really effective for remembering the texts of the songs, as it appeals both to audile and kinesthetic learning, which reinforce each other. They use Super Simple Songs in "English First" schools because it helps not only to develop vocabulary of the students and their listening skills, but also to develop grammar skills of the students which all together form the basis of the future development and future progress of the learners. Sometimes pedagogues in "English First" centers overwrite some famous nursery rhymes to teach certain grammatical structures to the rhythm of a famous melody. The rhythm and rhyme help to remember the meaning of the songs.

Results

As a result of observation of several well-known educational centers around the world we have selected several centers which use Super Simple Songs in their programs. They succeeded in teaching English to Young Learners and that is why their approach may be worth implementing into Russian governmental program of teaching English as a foreign language in primary schools and kindergartens. The most complex approach to using Super Simple Songs can be discovered in Helen Doron's program "Fun with Flupe" which is worth to be studied deeply. Helen Doron's method is based on implicit learning, repetitiveness, a great deal of listening input and theories of Shinichi Suzuki, Glenn Doman and Steven Krashen. Helen Doron managed to include Super Simple Songs in the meaningful context, to create stories around the songs and to combine storytelling with listening to the songs and watching video episodes and even to design student's books with the tasks, thematically connected with the songs and video episodes.

However, her method is not known by all English teachers. Super Simple Songs have become relatively popular in some big cities in Russia only a decade ago with popularization of the TV program "Baby TV" where Super Simple Songs are broadcasted 24 hours per day. But still, most of the English language teachers in Russia don't know how to use Super Simple Songs during their lessons as a part of learning program. Our research might help them and solve this problem.

As a result of the analysis of different programs where Super Simple Songs are used as a part of learning program we have figured out several ways of using Super Simple Songs: showing visuals before listening to the songs to elicit the meaning of certain words, listening to the songs during the lesson, listening to the songs along with some movements based on TPR method, listening to the songs at home, watching videos where songs are a part of the learning programs, changing the lyrics of the original songs to reflect certain grammatical structures, doing after-listening tasks focused on meaning, doing tasks focused on matching rhyming words, doing tasks focused on phonemes which are used in the songs, doing word searches based on the target vocabulary and doing filling the gap tasks.

There is no doubt that the experience of the schools and educational centers where Super Simple Songs are already used as a part of the learning program may be used for the purposes of our research.

Discussion

There are several pedagogues which say that Super Simple Songs cannot be used in developing the grammar skills of the students. These are some advocates of the traditional

approach to teaching grammar, which was very popular in the 20th century and which dates from the end of the 18th century (Crystal, 2007, p. 230).

There are also supporters of the belief that "younger does not mean better", opponents of the concept of the "critical period" in language learning, who point that adults learning foreign languages consciously "make more rapid progress" (Read, 2003, p. 5). Apparently, they just underestimate the efficiency of implicit learning and possibilities of the mind of young children.

We also suppose that a great deal of pedagogues do not use Super Simple Songs in teaching English as a foreign language in their lessons because they are not familiar with the songs and have a lack of instruction how to use them. Perhaps they would use Super Simple Songs in their lessons with Early learners if they would knew how to use them effectively for developing grammar skills of the students.

We should also pay attention to the fact, that some parents feel unsatisfied with the level of grammatical knowledge of their children, who attend the Helen Doron's program "Fun with Flupe". However, this might happen due to different reasons, and the progress of grammatical awareness of Early Learners is not obvious for some of their parents. Parents may also be unaware of "the silent period" of their children, learning a foreign language, and jump to conclusions about learning grammar in the program "Fun with Flupe" after 3-4 months of the course, attended by their children, without understanding the links between learning grammar and vocabulary.

Conclusions

The learning centers which use Super Simple Songs in their programs, mentioned in the article, became popular because of the results which learners achieved and because they made learners interested in the process of learning, therefore many of their techniques of using Super Simple Songs and organizing learning processes can be borrowed for teaching English in governmental schools and kindergartens. They have already proved that their methods work.

However, there is a problem in Russia that most of the English teachers neither know many Super Simple Songs, nor imagine how to deal with them, how to use them in effective teaching-learning system. There is informational gap. Therefore, one of the aims of the forthcoming research is to develop a strategy and a program for teaching English as a foreign language with Super Simple Songs as a part of the complex program, which can be used by the pedagogues in a great number of schools and kindergartens to make learning more enjoyable and effective.

In the program of the ongoing research we intend to include analysis of the lyrics of the songs, to classify them according to the themes, chunks and other grammar structures used in the songs to use thematical and complex approach in using Super Simple Songs. We also need to analyze how the British Council recommends to use Super Simple Songs in teaching Young Learners and to develop a complex program of teaching English which can be used at schools for effective development of both listening skills, grammar skills, vocabulary of the students who are Early Learners and with reinforcement of their natural desire to learn and to explore the world.

References

1. Аитов В. Ф. The use of song in language teaching // Annual Conference Report: Материалы научно-практической конференции преподавателей английского языка республики Башкортостан. - Уфа, 1994. С. 7-8.
2. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика./Г.А. Китайгородская - М., 2009.
3. Варга Б., Дипень Ю., Лопариц Э. Язык, музыка, математика. Москва: Мир, 1981. 240 с.
4. Леви В. Л. Вопросы психобиологии музыки //Советская музыка. - 1-е изд. - 1996. - №8.-С. 37-43.
5. Романовская О. Е. Обучение методике работы с музыкально-поэтическим фольклором как средство повышения методической компетенции будущего учителя иностранного языка: на

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

материале британского песенного фольклора: дис., канд. пед. наук: 13.00.02 - теория и методика обучения и воспитания (иностранный язык). Москва, 2005. 221 с.

6. Синькевич Г. С. Песня на уроке английского языка. // Г. С. Синькевич. Иностранные языки в школе. 2002. №1. С. 50-54.

7. Bernabei Gretchen S., Shook Kayla, Hover Jayne. Text Structures from Nursery Rhymes: Teaching Reading and Writing to Young Children/ Bernabei G. S., Shook K., Hover J. - N. Y.: Sage Publications, 2017. 280 p.

8. Bolen Jackie. 39 No-Prep/Low Prep ESL Grammar Activities and Games for Kids: Practical Classroom Ideas for English Teachers. Jackie Bolen, 2020. 90 p.

9. Chomsky, Noam. Syntactic Structures. 2015 Reprint of 1957 Edition. Martino Fine Books. 2015. 120 p.

10. Crystal David. How language works. Penguin Books, 2007. 500 p.

11. Doron Helen. The Music of Language. Kindle Edition, 2011. 89 p.

12. Dunn Opal. Open source: <https://englishstartupacademy.com/how-young-children-learn-english-as-another-language/>

13. Dunn Opal. Introducing English to Young Children: Reading and Writing. HarperCollins Publishers, London, 2014 - 240 p.

14. Eken D. K. Ideas for using songs in the English classroom: English Teaching Forum 34, 1996. Pp. 1-46.

15. Ellis Rod. Principles of Instructed language learning // System, Volume 33, Issue 2, June 2005. Pp. 209-224.

16. Ettlinger M., Margulis E. H., and Wong P.C.M. Implicit memory in music and language // Front. Psychol. 2011. Sep 9; 2:211. doi: 10.3389/fpsyg.2011.00211.

17. Rolj Kovačević, Dora. Critical Evaluation of the Helen Doron Early English: Method" Master's thesis / Osijek, 2013 Permanent link: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:142:589587>.

18. Krashen, Stephen D. Principles and practice in second language acquisition. Oxford: Pergamon Press, 1982. 202 p.

19. Kunert R. et. al. Music and Language Syntax Interact in Broca's Area: An fMRI Study // PLoS One. 2015 Nov 4; 10(11):e0141069. doi: 10.1371/journal.pone.0141069

20. Longfellow, H. W. Outre-Mer: A Pilgrimage Beyond the Sea. New York: published by Harper & Brothers. 1835. Vol. 2. P. 4.

21. Mullen, Ginger. More than Words: Using Nursery Rhymes and Songs to Support Domains of Child Development // Journal of Childhood Studies: Fall/Autumn 2017. Vol. 42 №2. Pp. 42-53.

22. Patel, A. D. Language, music, syntax and the brain. Nat. Neurosci, 2003 (6). Pp. 674-681.

23. Read C. Is younger better? // English Teaching Professional. July 2003. Pp. 5-7.

24. Selivan, Leo. Lexical Grammar. Cambridge University Press, 2018. 234 p.

25. Sen, N.B. Wit and wisdom of Socrates, Plato, Aristotle. New Book Society of India, New Delhi, 1967. 278 p.

26. Scievener J. Learning Teaching. Oxford: Macmillan Publishers, 2nd edition, 2005. 144 p.

27. de Vrie M. H., Barth A. C. R., Maiworm S., Knecht S., Zwitserlood P. and Floel A. (2010a). Electrical stimulation of Broca's area enhances implicit learning of artificial grammar // J. Cogn. Neurosci. 22 (11), Nov. 2009, Pp. 2427-2436.

28. Wilson R. A Summary of Stephen Krashen's "Principles and Practice in Second Language Acquisition" Open source: <https://www.languagecorpus.com/krashen-summary-of-principles-and-practice-in-second-language-acquisition>.

29. Open source: www.helendoron.com

30. Open source: <https://www.k12academics.com/alternative-education/helen-doron-method>

31. Open source: <https://kidskonnnect.com/language/rhyme/>

32. Open source: <https://www.helendoron.com/press-release-the-importance-of-music-in-the-helendoron-methodology-celebrating-35-years-of-songs/>

33. Open source: <https://www.helendoron.com/25-years-and-450-songs-1-5-million-children-learned-english-through-this-duos-music/>

Бабичева Ю.Г.

АГППУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Поэтика запаха в романе В.М. Шукшина «Любавины»

Аннотация. В статье рассмотрена поэтика запаха первой книги романа В.М. Шукшина «Любавины». Выявлены разные модели осмысления запахов в художественном тексте и актуализирована их функциональная нагрузка. Показано, что одорическая сфера романа не отличается плотностью, но достаточно интенсифицирована, экспрессивна и концептуально значима: запахи играют сюжетообразующую роль, прогнозируют движение повествовательной линии, становятся важнейшим элементом композиции, актуализируют идейно-эстетический компонент произведений.

Ключевые слова: *ольфакторный код, одорическая сфера, полярные и синтетические запахи, художественный мир, полифункциональность, Шукшин.*

Предметный мир прозы В.М. Шукшина представляет собой достаточно колоритную систему, часто становящуюся объектом научных изысканий. Вместе с тем нельзя не подчеркнуть его ярко выраженную специфику. Так, Е.Н. Чепорнюк в диссертационной работе «Особенности художественного мира романов В.М. Шукшина» констатирует, что для текстов писателя главным является не количественный показатель (представленность словоупотреблений), а сам состав вещного тезауруса: предметный слой в романах В.М. Шукшина не отличается высокой степенью плотности и детальностью описания, предметы здесь чаще всего лишь упоминаются (Чепорнюк, 2008). Однако эти вкрапления настолько метки и концептуально нагружены, что становятся важнейшим способом создания психологизма в произведениях автора.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает одорическая сфера в художественных текстах В.М. Шукшина. Описывая запах, мы почти всегда пытаемся оценить его, причем эта оценка является предельно субъективной, поскольку ольфакция – максимально индивидуализированный способ восприятия мира. Именно запах становится механизмом раскрытия сложного, часто противоречивого характера шукшинских героев, драматичных исторических и жизненных реалий. Мы уже предпринимали попытку изучения ольфакторного кода в малой прозе писателя (Бабичева, 2021). Предметом же данного исследования стала первая книга романа «Любавины».

Напомним, что научная традиция изучения запахов в словесном творчестве начинается с известного труда профессора Стэнфордского университета Ханса Риндисбахера «Запах книг», в котором последовательно раскрывается семантический потенциал ольфакторных включений в художественных текстах и актуализируется понимание ольфакции как мультифункционального элемента поэтики, разрастающегося в отдельных примерах до уровня художественной доминанты произведения (Rindisbacher, 1992).

Определение функциональной нагрузки одорических компонентов в романе В.М. Шукшина «Любавины» представляется нам ценным этапом анализа творчества писателя, направляющим, с одной стороны, вектор рецепции данного произведения, а с другой, иллюстрирующим динамику художественного мира автора в целом. Анализ одористики романа «Любавины» показал, что в произведении продолжается реализация ольфакторного кода, отмеченного в малой прозе писателя. Вместе с тем, нельзя не отметить его особенности, опосредованные во многом жанровой формой.

По словам О.Б. Ванштейн, запах – предельно эластичная культурная модель. Каждый раз она получает новое символическое наполнение в зависимости от требований момента (Ванштейн, 2001). Романная форма, ориентированная на широту сюжетного хода,

разветвленную систему образов, позволила автору использовать это свойство ароматов в полной мере. В «Любавиных» довольно индивидуализированно, в зависимости от художественной ситуации, воплощаются смыслы, скрытые за презентацией той или иной ольфакции.

Запахи в произведениях В.М. Шукшина чаще всего выполняют сюжетообразующую роль. Упоминание о них появляются тогда, когда по ходу действия намечается какой-либо перелом повествовательной ситуации. Одоризмами отмечено неудачное сватовство Егора Любавина и Марии: «пахло смолем» (Шукшин, 1981, с. 95). Этот же запах сопровождает эмоции Егора, которые вызваны вестью о несостоявшемся сватовстве Кузьмы Родионова и Марии. Запах смолистых веток отличается густотой, интенсификацией оттенков. В контексте упомянутых сюжетных ситуаций он ярко передает глубокие внутренние противоречия и уже отчасти намечает ту драму, которая ожидает всех трех ее участников.

Столь же интенсивная ольфакция – «запахло гнильем» – открывает поездку Емельяна Спирдоныча и его сына Кондрата за жеребцом к татарину, когда старшего Любавина посещает злая мысль обокрасть почтовых (Шукшин, 1981, с. 14). Удушливый запах, с одной стороны, дает емкую характеристику натуре Емельяна, а с другой, как бы предостерегает героя от совершения безнравственного поступка, от опрометчивого шага.

Наконец, и в сцене возвращения Кузьмы в Баклань после долгого наказания упомянут «густой запах земли» (Шукшин, 1981, с. 248). Тоска по местам, ставшим уже родными, по незавершенному делу и одновременное понимание оторванности, душевной отколотости от этих мест концентрируются в этом аромате. Многого ему еще предстоит сделать на бакланской земле.

Запах в романе выступает ярким композиционным элементом, направляющим эмоциональное восприятие сюжета. В сцене пожара в школе в воздухе «пахло свежей, еще не остывшей гарью» (Шукшин, 1981, С. 295). Удушливый запах как бы заключает драматизм первой книги и намечает продолжении сюжета. А в сцене разговора Марии и Кузьмы по поводу возможного освобождения Егора: «запахло пылью и старым тесом» (Шукшин, 1981, С.182). Пыль как традиционный символ покинутости, покров забвения и старые доски передают душевные переживания героини, оставшейся одной и испытывающей все тяготы женской доли.

Одористика в «Любавиных» выполняет и прогностическую функцию. В избе Егора «настоявшийся запах смолья от новых стен отдавал вином» (Шукшин, 1981, с. 139). Предельная интенсификация ольфакторных элементов намечает дальнейшее сюжетное напряжение, связанное с рукоприкладством мужа. Он словно опьянен злобой, необоснованной ревностью и не видит истинной преданности супруги. В сцене тайного наблюдения кузнеца Федора за Марьей «пахло увядающей ботвой и полынью» (Шукшин, 1981, с. 194). Искренние чувства Федора Байкалова не разделены, развитие отношений с замужней Марьей бесперспективно. Его любовь к молодой девушке тиха и горька. Кроме того, автор как бы готовит нас к трагической развязке – Марья погибнет, увянет в браке с холодным, неласковым мужем.

Анализ ольфакторного кода романа В.М. Шукшина позволяет заключить, что запахи в художественном мире писателя аксиологичны. Они выстраивают внутренний мир героя, являются эмблемой истинных чувств. Например, запах волос беременной Марьи дан в восприятии любящего Кузьмы как «тонкий, отдающий сухостойным солнечным травняком» (Шукшин, 1981, с. 157). Во время покоса, который рисуется Шукшиным как момент единения и примирения сельчан, доминируют естественные запахи: «пахнет травами, смолой и земляникой» (Шукшин, 1981, с. 140). Дни дружного сельского труда противопоставлены мрачным дням поиска разбойников, жестоких убийств и стяжательства. Более того, одористика покосного времени предельно интенсифицируется по сравнению с другими эпизодами книги: то «с лугов *густо бьет* медом покосных трав» (Шукшин, 1981, С. 141), то «стоит *густой дух* свежескошенной травы» (Шукшин, 1981, с.

143). Это органично связано с нравственно-философскими ориентирами самого автора: образом созидательного труда сельского жителя, истинной любви к малой родине, женщине-хранительнице домашнего очага, матери.

В романе «Любавины» оценочный компонент репрезентации ольфакторных компонентов преобладает над собственно предметным: в сцене допроса Игнатия Кузьмой «завоняло теплым керосином и сажей» (Шукшин, 1981, с. 107); «несло паленым» во время жестокого избиения Феди Байкалова (Шукшин, 1981, с. 113), поиски Гриньки-разбойника отмечены «тяжким запахом талой земли» (Шукшин, 1981, с. 20); встречу Любавиных и торговца жеребцами татарина «сопровождал губительный запах неслыханной крепости табака и лука» (Шукшин, 1981, с. 10). В презентации запахов часто доминирует слово «крепкий», «пахучий» или «острый», а сами запахи ярко воссоздают элементы пространства, направляют восприятие читателя, цементируют ту или иную авторскую мысль. Такой прием позволяет Шукшину предельно драматизировать повествование, сделать его психологически напряженным, передающим как трагедию отдельных судеб, так и разлом эпохи в целом.

Показательно, что в романе, как и в малой прозе В.М. Шукшина, намечена одорическая антитеза и синтез ольфакций: часто представлены полярные запахи, запахи смешанные. Синтез ольфакций сообщает нам о сложности и неоднозначности натуры семьи Любавиных. В самом начале произведения нам рисуется их изба: в доме семейства «несло махрой» (Шукшин, 1981, с. 7); одновременно ее оттеняет «тонкий запах дыма и парного молока» (Шукшин, 1981, с. 8). В момент поимки Гриньки-разбойника Кузьмой «в лесу пахнет смольем» и одновременно «несет болотной сыростью талой земли» (Шукшин, 1981, с. 70). Акцентируется «смешанный запах трав» в избушке старика Соснина, как бы предвещающий драматические обстоятельства погони за беглым преступником Гринькой (Шукшин, 1981, с. 78), в избе пасечника, где убийца Егор искал пристанища во время побега, «пахло пылью и старой кожаной сбруей» (Шукшин, 1981, с. 284).

В романе «Любавины» намечены определенные корреляции между запахами и временами года. Весна, изображаемая Шукшиным часто как время сложное, напряженное, характеризуется преимущественно неприятными запахами. Лето, приносящее новую эмоцию, меняет качество ольфакции, одновременно намечая и новые коллизии: «сладкий дурман молодой полыни кружит голову» (Шукшин, 1981, с. 125). Здесь запах нагружен тем же смыслом, что и его источник – полынь, метафора безмерной горечи бытия. Его предельная интенсивность как бы подготавливает читателя к эмоциональному восприятию трагических аспектов жизни человека. Поздняя осень, открывающая вторую часть книги и часто экспрессивно нагруженная в художественной системе Шукшина, возвращает эмоцию ранней весны: появляется «тяжкий, гнилостный запах» (Шукшин, 1981, с. 201). Наименее оценочная ольфакция связана с зимой («пахнет снегом») (Шукшин, 1981, с. 201).

Таким образом, проанализировав разные уровни реализации ольфакторных компонентов в романе «Любавины», можно прийти к заключению, что, во-первых, одорическое пространство романа концептуально ценно и полифункционально: запахи играют сюжетобразующую роль, прогнозируют движение повествовательной линии, становясь важнейшим элементом композиции, актуализируют идейно-эстетический компонент текста. Во-вторых, по сравнению с одорическим кодом рассказов, запахи в большей степени интенсифицируются, синтезируются, появляется более яркий оценочный компонент в их восприятии. Практически отсутствуют упоминания искусственных запахов, поскольку в «Любавинах» не так, как в малой прозе Шукшина, актуализирована антитеза город – деревня. Наконец, запахи в романе преимущественно отрицательно коннотированы, что передает общий драматизм сюжета книги.

Литература

1. Бабичева Ю.Г. Ольфакторный код рассказов В.М. Шукшина // Культурно-образовательный потенциал наследия В.М. Шукшина в реализации актуальных аспектов воспитания подрастающего поколения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Бийск-Сростки, 2021. С. 21 – 24.
2. Ванштейн О.Б. Грамматика аромата // Иностранная литература. 2001. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2001/8/grammatika-aromatov.html>
3. Чепорнюк Е.Н. Особенности художественного мира романов В.М. Шукшина: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01 / Елена Николаевна Чепорнюк / Вологодский государственный педагогический университет. Череповец, 2008.
4. Шукшин В.М. Любавины: Роман. Живет такой парень. Печки-лавочки. Калина красная. Брат мой: Киноповести. – Барнаул: Алт. кн. изд, 1981. 528 с.
5. Rindisbacher, Hans J. The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992. 267 p.

УДК 372. 881.1

Баркова А.Ф., Архипенко А.И.

РГПУ им А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Изучение топографических знаков и плана местности на уроках английского языка в начальных классах с помощью метода CLIL

Аннотация. *Статья посвящена использованию метода предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) при обучении английскому языку в начальной школе. Авторы рассматривают конкретный пример применения метода при знакомстве с топографическими знаками и планом местности для формирования лексико-грамматических иноязычных навыков. В статье обоснована интеграция конкретной темы предмета «Окружающий мир» и английского языка, представлена подробная методическая разработка, которую можно использовать на уроке английского языка в 3 классе начальной школы.*

Ключевые слова: *предметно-языковое интегрированное обучение, CLIL, раннее обучение иностранным языкам, лексико-грамматические навыки.*

Современная школа ставит перед учителями серьёзные задачи по реализации системно-деятельностного подхода в обучении, направленного не только на приобретение конкретных знаний умений и навыков, но и формирование личности учащегося, способной к осуществлению успешной деятельности в постоянно меняющихся условиях современной действительности. (Федеральный государственный стандарт..., 2014).

В данных условиях в последнее время методистами иностранного языка широко обсуждаются вопросы использования метода предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) на всех ступенях, в том числе и на ранней (Баркова А.Ф. 2021, Селивановская О.А 2020, Паршуткина Т.В. 2017, Гудкова С. А., Яшина Н. В. 2019, С.Vilina, I Duskova, L Kamel, E Korosidou и др.).

В современной школе большой интерес представляют конкретные методические разработки, направленные на формирование тех или иных иноязычных навыков и умений в условиях урока иностранного языка. В данной статье авторы предприняли попытку

описать методику работы по теме «План местности» в 3 классе при интеграции предметов окружающий мир и английский язык.

Среди, **задач**, которые авторы ставят в данной работе можно выделить следующие:

- определить особенности метода предметно-интегрированного обучения
- выделить интеграционное ядро предметов «Окружающий мир» и «Английский язык»,
- определить содержание обучения с помощью метода CLIL,
- обосновать и описать методику обучения топографическим знакам и плану местности на уроках английского языка для формирования иноязычных лексико-грамматических навыков.

Метод предметно-языкового интегрированного обучения (content and language integrated learning - CLIL) был разработан Дэвидом Маршем (Marsh D, 2002), в дальнейшем многие исследователи посвятили свои работы его изучению и разработке (Coil J. 2020, Kay B. 2010).

Данный метод подразумевает двунаправленность в обучении, а именно одновременное изучение какой-то области знания или темы неязыкового предмета и изучение иностранного языка. (Marsh D, 2002). Таким образом, строится обучение неязыковым предметам на иностранном языке.

Интегрированное обучение, как определяет словарь методических терминов, это обучение, отрицающее разделение знаний по отдельным дисциплинам и связанное с целостным восприятием мира (Азимов Э.Г., 2009). Интегрированное обучение отличает синтезированность знаний, углубленность изучения, актуальность проблемы или ее практическая значимость, альтернативность и доказательность решения. Интегрированное обучение призвано развивать мышление учащихся. (Колеченко А.К., 2002). Таким образом, предметно-языковое интегрированное обучение направлено на целостное восприятие мира и развитие мышления учащихся, синтез знаний и умений какой-либо предметной области и иностранного языка, их углублённое изучение и практическое применение для решения практических задач, которые встают перед учащимися.

При таком обучении на первое место выходит содержание, новое знание о мире, которое учащиеся получают в процессе изучения иностранного языка. Однако для получения этого знания необходимо овладеть определёнными языковыми и речевыми умениями и навыками. Так образуется синтез неязыкового предмета или темы и изучаемого иностранного языка.

Кроме того, как отмечает профессор Джеймс Коил (Coil, 2018), особенностью CLIL является наличие 4 важных составляющих (4 C): содержание (content), развитие мышления (cognition), коммуникация (communication), культура (culture). Методика CLIL подразумевает обязательное включение всех 4 компонентов (4C) при освоении учащимися той или иной темы или предмета.

Целесообразность использования данного метода уже на раннем этапе определяется тем, что расширяет области познания детей и одновременно способствует наиболее успешному усвоению иностранного языка в условиях, максимально приближенных к естественным. Учащимся начальных классов свойственна любознательность и главным стимулом в обучении является интерес. Увлекательный процесс деятельного познания, вместе с естественно возникающими коммуникативными ситуациями дают возможность решать сразу две образовательные задачи: познание мира и обучение иностранному языку.

В методике обучения иностранным языкам встаёт вопрос об отборе тем для изучения, которые бы способствовали совершенствованию необходимых лексических навыков, определённых программой и их расширению и органично вписывались бы в основную программу. Поэтому на первый план выходит вопрос о выделении интеграционного ядра, которое можно определить, рассматривая программы по иностранному языку и другим общеобразовательным предметам.

С целью определить ядро интеграции при обучении в начальной школе, необходимо проанализировать УМК по интегрируемым предметам и выявить, что есть общего в тематике обоих учебных курсов. Нами были проанализированы УМК по Окружающему миру для начальной школы (Плешаков А.А., 2014) и УМК по английскому языку (Верещагина И.Н., Притыкина Т.А. 2013, Coralyn Bradshaw, Jill Hadfield, 2003, Alison Blair, Jane Cadwallader, 2017.) Анализ показал, что такой темой для интеграции двух предметов может быть «План местности», т.к. дети в 3 классе знакомятся с элементарными топографическими значками и планом местности. На уроках английского языка дети изучают предлоги направления и такие темы, как «План города» и «Природные объекты», в рамках которых дети пользуются планом города и учатся объяснять, как пройти к определенному месту.

Именно это содержательное сходство двух предметов, позволяет нам выделить данную тему «План местности» для интеграции и определить цель методической разработки: научить понимать топографические знаки, соотносить их с реалиями, читать и составлять план местности на английском языке.

Для достижения поставленной цели нам необходимо решить следующие **задачи**:

1. Научить понимать и употреблять в речи лексические единицы по теме «План местности».
2. Активизировать ранее изученные и ввести новые предлоги направления.
3. Тренировать речевые образцы, необходимые для работы с планом местности.
4. Научить понимать топографические знаки и соотносить их с соответствующими реалиями.

Для изучения данной темы мы отобрали следующее **содержание**:

1. Лексические единицы по теме «Topographic plan»: a lake, a river, a swamp, a hill, a bridge, a field, a bush, a road, которые учащиеся должны научиться понимать и употреблять в речи.
2. Соответствующие данной лексике, топографические значки.
3. Предлоги направления: across, through, out of, along, around, up.
4. Речевые образцы, с помощью которых учащиеся смогут объяснить направление и пользоваться планом для решения поставленных практических задач: go along/cross/through/out of/along/around/up; It's a...; We both have.... Peter has got a... I don't have a ...; Have you got a...? - Yes, I have/ No, I haven't; you can see a...; There is a/there are bushes on the left/right.

Авторы предлагают проводить обучение в 2 этапа: подготовительный этап и работа по методу CLIL.

На подготовительном этапе происходит активизация ранее изученных лексических единиц по теме и предлогов направления, введение новых. На данном этапе используются упражнения на соотнесение картинки и значения, множественный выбор и традиционная работа с картой города с целью активизации предлогов направления и речевых образцов. Последнее задание предлагается для работы в парах с использованием карты города по типу “information gap”. Один из учащихся объясняет, как пройти от одного городского объекта к другому, а другой следует по карте по этому маршруту и отмечает его. На подготовительный этап может быть выделена как часть урока, так и целый урок в зависимости от образовательных нужд класса.

Второй этап представляет собой непосредственную работу по методу CLIL. Он включает в себя знакомство с понятием плана местности, повторение лексики, введение топографических знаков, их тренировка, а также непосредственно работа с планом. Причем дети знакомятся с топографическим планом и работают с ним впервые непосредственно на уроке английского языка.

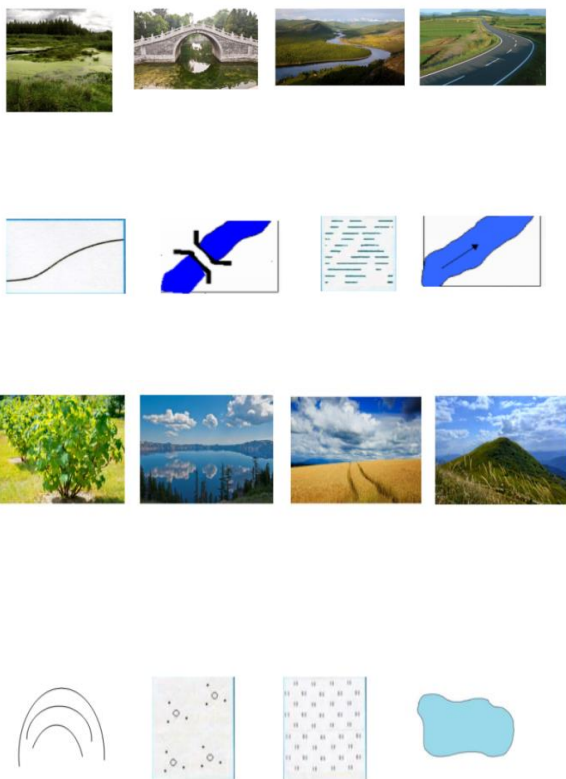
Знакомство с понятием «план местности» происходит с помощью задания “multiple choice” на основе наглядности. Учащиеся, опираясь на картинку, изображающую снимок

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

местности с воздуха и топографический план должны самостоятельно ответить на вопросы и прийти к выводу о том, чем отличается топографический план от фотографического изображения. С помощью этого задания происходит первичное знакомство с новым понятием, причем учащиеся самостоятельно анализируют изображения, учатся находить различия и самостоятельно делать выводы. Таким образом, на первый план выходит приобретение нового предметного знания, но происходит это на изучаемом английском языке. Кроме того, сразу в силу вступает мыслительный (cognition) компонент метода CLIL.

Далее происходит введение новой и актуализация ранее изученной лексики, и первичное знакомство с топографическими знаками с помощью задания на сопоставление картинок и знаков. Детям нужно подумать и самостоятельно соотнести следующие реальные изображения и знаки: дорога, река, мост, поле, озеро, холм, кустарник, тропа, а затем озвучить их на английском языке. Если какие-то знаки вызовут затруднение у учащихся, то учитель помогает соотнести их правильно.

Рис. 1. Задание «Match the pictures and the signs»:

Первичная тренировка топографических знаков и соответствующих лексических единиц происходит с помощью задания на сопоставление имеющейся информации (information gap). Учащиеся работают в парах. У каждого из них свой план. Их задача - найти сходства и различия планов по устному описанию с помощью речевых образцов: I have got a lake on my plan. Have you got a lake on your plan? В предлагаемом задании представлены два компонента метода – коммуникация и мышление (communication, cognition). Учащиеся выстраивают диалог с целью выяснить сходства их планов и различия.

Дальнейшая тренировка направлена на узнавание плана по описанию. Учащимся предлагается прочитать описание движения по плану местности и выбрать соответствующее изображение плана. Здесь помимо новых лексических единиц, включены предлоги направления. Приведем вариант текста для чтения.

Go along the road. There are two houses. There is a river on the left. Go across the river. There are some bushes. Go through the bushes. You can see a house and a big hill.

В следующем задании, дети, опираясь на указанный выше образец, описывают движение по плану самостоятельно. Партнёр должен прослушать описание и указать, какой план был описан. Таким образом, происходит тренировка в речи.

Теперь учащимся предлагается нарисовать план по инструкции. Работа организуется в парах. У одного учащегося есть изображение плана, и он должен описать его. Партнёр по общению слушает описание и рисует план с помощью изученных топографических значков. Для того, чтобы осуществить данное задание нужно, чтобы у слушающего был заранее отмечен какой-то стартовый значок, например – дом. Описание может быть следующим: I have got a big house on the field. Go through the field. There are bushes on the left and a lake on the right. There is a big hill behind the house

Как видно, все указанные выше задания направлены на коммуникацию и развитие мышления (communication and cognition).

Последний этап работы по методу CLIL включает культурный компонент. Опираясь на карту Северной Шотландии из детского иллюстрированного атласа (Sticker Atlas... 2005), нужно составить план и нарисовать его с помощью топографических значков. Здесь мы вводим дополнительные ЛЕ отражающие страноведческие особенности (meadow, grassland, mountain). Затем сравниваем культурные и страноведческие особенности России в целом и конкретной местности, где проживают учащиеся, и страны изучаемого языка по рассматриваемой теме. В данном случае это рельеф Шотландии и типичный рельеф нашей области.

Возможно продолжение практического изучения данной темы на занятиях внеурочной деятельности с выходом на местность, где детям можно предложить составить план местности или, пользуясь определённым планом, найти нужный объект.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что метод предметно-языкового интегрированного обучения предполагает двуаспектное обучение, направленное на приобретение нового знания о предметах и явлениях, отвечающих интересам и потребностям учащихся и, имеющего практическую направленность, а также формирование иноязычных речевых навыков и умений, определённых основным УМК по иностранному языку. Обучение по данному методу включает 4 компонента (4 C): содержание, коммуникация, развитие мышления и культура, которые являются обязательными при работе над любой предметной темой.

В рассматриваемой методической разработке представлена попытка содержательной интеграции учебных предметов: окружающий мир и английский язык в 3 классе начальной школы с помощью метода CLIL. В статье определены особенности предметно-языковой интеграции. Авторы определили интеграционное ядро и выделили тему «План местности» для изучения младшими школьниками. В содержании обучения определены как тематические понятия, такие как топографический план и топографические знаки, так и языковое лексико-грамматическое наполнение, выделены умения читать план местности и составлять его, а также речевые навыки и коммуникативные умения. Представлена подробная методическая разработка по теме «План местности», которая может быть использована в практике обучения английскому языку в 3 классе начальной школы.

Литература

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва: Издательство Икар, 2009. – 448 с. – EDN XQRFTT)
2. Баркова, А. Ф. Использование метода предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) при обучении дошкольников английскому языку / А. Ф. Баркова, О. А. Селивановская // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5. – № 1. – С. 27-32. – DOI 10.30853/pedagogy.2020.1.5. – EDN EFHSZP.
3. Баркова, А. Ф. Использование метода предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) английскому языку в начальной школе / А. Ф. Баркова, В. В. Рогова, А. А. Ким //

Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 6. – № 5. – С. 813-819. – DOI 10.30853/ped210105. – EDN GOZHNY.

4. Верещагина И. Н., Притыкина Т. А. Английский язык. 3 класс. – Просвещение, - 2013.

5. Гудкова С. А., Яшина Н. В. Методические возможности использования CLIL- технологии при преподавании английского языка в начальной школе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2017. – № 2 (29) – С. 31–35.

6. Качкина И. И., Мишланова С. Л. Особенности предметно-языкового интегрированного обучения английскому языку учащихся начальной школы (на примере межпредметного обучения: окружающий мир и английский язык) // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур // Сборник статей молодых ученых, Министерство науки и высшего образования российской федерации. – Пермь, 2018. – с. 323-333.

7. Колеченко А.К. Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателя. СПб. : КАРО, 2002.

8. Паршуткина Т. В. Использование методики CLIL на начальной ступени обучения иностранным языкам (из зарубежного опыта) / Т. В. Паршуткина // Образование детей дошкольного и младшего школьного возраста: диалог наук о детстве. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2019. – Часть II. – 88 с.

9. Плешаков А. А. Окружающий мир. Рабочие программы. Предметная линия учебников системы «Школа России». 1-4 классы: пособие для учителей общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2014.

10.Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Начального Общего Образования // требования к структуре основной образовательной программы начального образования // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=193503&fld=134&dst=100009,0&rnd=0.9746379171393744#06624607218701495> (дата обращения: 26.08.2022)

11.Blair Alison, Cadwallader Jane. 2017. Academy Stars 3. Macmillan.

12.Bradshaw Coralyn, Jill Hadfield. 2003. Excellent 2. Longman, Pearson Education Limited.<https://oupeltglobalblog.com/2014/05/01/engaging-young-learners-through-clil/> дата обращения 27.08.2022).

13.Charles Vilina. Engaging Young Learners Through CLIL. Oxford University Press.

14.Coil James, - Teacher’s Guide on CLIL Methodology in Primary Schools – Volume 1 [Электронный ресурс] // Chief author: Instituto Politecnico de Castelo Branco– P5 // CLIL for Children. – 2018. – Режим доступа:http://www.clil4children.eu/wpcontent/uploads/2018/06/Guide_Addressed_to_Teachers_Vol01.pdf,(дата обращения: 13.12.20)).

15.Ivana Duskoва. Implementation of CLIL into lower-secondary school curriculum https://www.academia.edu/39095584/Implementation_of_CLIL_into_lower_secondary_school_curriculum (дата 27.08.2022).

16.Kay, B. 2010. The TKT Course CLIL Module. Cambridge University Press.

17.Korosidou Eleni, Griva Eleni “It’s the same world through different eyes”: a content and language integrated learning project for young EFL learnersttps://www.academia.edu/40057943/_It_s_the_same_world_through_different_eyes_a_content_and_language_integrated_learning_project_for_young_EFL_learners (дата обращения 27.08.2022).

18.Laid Kamel raising intercultural awareness at primary level through storytelling with a CLILapproachhttps://www.academia.edu/29821486/RAISING_INTERCULTURAL_AWARENESS_AT_PRIMARY_LEVEL_THROUGH_STORYTELLING_WITHIN_A_CLIL_APPROACH (дата обращения 27.08.2022).

19.Marsh D. The relevance and potential of content and language integrated learning (CLIL) for achieving MT+2 in Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://userpage.fu-berlin.de/elc/bulletin/9/en/marsh.html> (дата обращения: 14.12.2020).

20.Marsh, D. 2002. Content and Language Integrated Learning: The European Dimension - Actions, Trends and Foresight Potential. <http://europa.eu.int/comm/education/languages/index.html> (дата обращения: 27.11.2019).

21.Patchett F., Turnbull S.R. 2005. Sticker Atlas of Britain and Ireland Item: Usborne.

Бушков И.К.

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия*

Научный руководитель – кандидат филологических наук, Телегуз А. А.

*Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия*

Лексическая система языка в эпоху «новой нормальности»

Аннотация. В эпоху «новой нормальности», наступившей в связи с изменением геополитической ситуации, происходит активная «милитаризация языка». Это связано с широким использованием узкоспециализированной военной лексики в политическом дискурсе. Возникает тенденция детерминологизации значительной части военных терминов и расширению лексических средств, используемых в общеупотребительном языке.

Ключевые слова: «новая нормальность», политический дискурс, военная терминология, метафора, дисфемизм, конфликтоген.

Термин *новая нормальность* вошёл в терминологический аппарат целого ряда гуманитарных наук, и это, прежде всего, экономика, политика, история и культурология. Следует отметить, что этот термин не является порождением «коронавирусной эпохи». Появившись в сфере экономической науки во время Первой мировой войны, термин *новая нормальность* широко употреблялся в период Великой депрессии. «Возвращение» термина произошло с приходом экономического кризиса 2008 года. Под новой нормальностью тогда понимали продолжительный процесс стабилизации экономики при невозможности вернуться к докризисным показателям (Бугреева 2021, с. 25)

Однако когда мир был охвачен пандемией COVID-19, данный термин стал употребляться в более широком смысле, как качественные изменения в социально-экономической жизни людей, когда «то, что совсем недавно было ненормальным, становится обычным явлением» (Аймалетдинов 2020, с. 5).

Как отмечают многочисленные исследователи, русский язык отреагировал на резкое изменение уклада жизни людей интенсивным словообразованием. Многоаспектный анализ словотворчества детально проанализирован в коллективной монографии «Русский язык коронавирусной эпохи» (2021 г.), в статьях Журавлевой Е. А., Редкозубовой Е. А., Катерминой В. В. и др.

Однако для России «новая нормальность» стала следствием не только пандемии коронавируса, но и жизни в условиях ожесточающихся санкций со стороны США и Европы, когда происходит перестройка не только политических взаимоотношений между странами, но и многоуровневая экономическая реструктуризация.

Подобные изменения нашли широкое отражение в политическом дискурсе.

Целью настоящей работы является изучение особенностей функционирования лексики в эпоху «новой нормальности» в американском политическом дискурсе в текстах, посвященных российско-украинскому конфликту 2022 года.

Объект исследования – лексические и терминологические единицы в политическом дискурсе.

Предмет – особенности употребления военных терминов и оценочной лексики в период «новой нормальности» в текстах ключевых политиков США.

В качестве **материала** исследования было использовано 24 устных текстов президента США Дж. Байдена, вице-президента США К. Харрис, официального представителя

Совета национальной безопасности Э. Хорн, пресс-секретаря США Дж. Псаки и др., размещённых на сайте Белого дома.

Выбор указанного материала обусловлен тем, что политические элиты общаются с целевой аудиторией посредством СМИ, формируя общественное мнение. Взаимодействие происходит, главным образом, через новостные каналы, когда политики, участвуя в борьбе за власть и оправдывая свои действия, при помощи специально отобранных лексических средств воздействуют на целевую аудиторию, а официальные СМИ активно создают стереотипные образы «своих» и «чужих» (врагов).

Политический дискурс является видом практической речевой деятельности, в котором происходит «толкование социальной реальности в ключевых терминах и категориях политики» (Пырма 2019, с. 165).

Одной из ключевых целей политического дискурса является оказание воздействия на получателя информации. Особенности политического дискурса посвящены многочисленные труды как зарубежных (Т. ван Дейк, Амаглобели Д., Блок Д, Джонсон Д. В., Лайонз Дж, Липпманн У., Лассуэл Г. Д., Муди С., Окулска У, Пан Дж., Рандор Ф., Уилсон Дж., Чулиараки Л.), так и отечественных исследователей (Базылев В. Н., Будаев Э. В., Демьянков В. З., Маслова В. А., Переверзев Е. В., Пырма Р. В., Суханов Ю. Ю., Чудинов А. П., Шейгал Е. И. и др.).

Помимо этого, Чудинов А. П. отмечает высокий уровень агрессивности политического дискурса, использование конфронтационных стратегий и тактик, к которым он относит угрозы, игнорирование, дискредитацию, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др. На лексическом уровне это выражается в широком использовании конфликтогенов.

Данное явление становится всё более очевидным в эпоху «новой нормальности», когда Россия оказалась под давлением санкций со стороны США и их союзников. В 2022 году наблюдается резкая смена риторики политиков Белого дома и официальных американских СМИ в сторону усиления конфликтогенности по отношению к России.

В данной статье автор под конфликтогенами понимает действия или слова, порождающие или способные породить конфликт (Егидес, 2011). Лингвистическими, или вербальными, конфликтогенами являются слова, выражающие насмешки, угрозы, а также отрицательное отношение говорящего к собеседнику или иному лицу (Уланов, 2014).

Конфликтогены в политическом и медийном дискурсах выполняют информационную и прагматическую функцию. Они помогают создать ситуацию передачи информации, когда адресат осведомлён обо всех деталях конфликта (используются точные названия вооружения, войск, военных операций и т.д.), что позволяет вызвать доверие адресанта. В то же время, как сами термины, так и окружающий их ближайший контекст содержит многочисленную эмоционально-оценочную лексику, что помогает адресату осуществить прагматическое воздействие на читателя.

Во-первых, анализ речей первых лиц США показал, что количество используемых ими военных терминов возросло после начала Специальной операции в Украине в феврале 2022 года.

Если на начальном этапе введения санкций в отношении России первые лица США использовали в основном общеизвестную военную терминологию, то в 2022 году стали широко употребляться узкоспециализированные военные термины. При этом для них характерно кластерное употребление, например:

“... I am proud to announce our biggest tranche of security assistance to date: approximately \$2.98 billion of weapons and equipment to be provided through the Ukraine Security Assistance Initiative. This will allow Ukraine to acquire **air defense systems, artillery systems and munitions, counter-unmanned aerial systems, and radars** to ensure it can continue to defend itself over the long term (White House).

Термины *air defense system* (система противовоздушной обороны), *artillery system* (артиллерийский комплекс), *munitions* (боеприпасы), *counter-unmanned aerial system*

(система борьбы с БПЛА (беспилотный авиационный комплекс)) и др. входят в активное употребление, что указывает на тенденцию к их постепенной детерминологизации.

Проанализированный материал демонстрирует, что постепенно происходит «милитаризация» американского политического дискурса посредством использования многокомпонентных военных терминов:

“I informed President Zelenskyy that the United States is providing another \$1 billion in security assistance for Ukraine, including additional artillery and **coastal defense weapons**, as well as ammunition for the artillery and **advanced rocket systems** that the Ukrainians need to support their **defensive operations** in the Donbas” (White House).

Следует также отметить, что многокомпонентные термины зачастую подвергаются аббревиации. Американские политики используют такие аббревиатуры, которые малоизвестны целевой аудитории, при этом не поясняя их, например:

“... the United States will be able to keep providing Ukraine with more of the weapons that they are using so effectively to repel Russian attacks. This new package will arm them with new capabilities and advanced weaponry, including **HIMARS** with battlefield munitions, to defend their territory from Russian advances” (White House).

В данном фрагменте использована аббревиатура **HIMARS** (high mobility advanced rocket system) - реактивные системы залпового огня. При этом эта терминологическая единица окружена несколькими одно- и двухкомпонентными терминами, что помогает политику создать образ эксперта в военной области, которому можно доверять.

Более того, в лексическую систему языка проникают и военные номены, являющиеся ещё более узкоспециализированной частью терминосистемы военного дела:

“I would also highlight for you that the Ukrainians had told us, in the middle of April and continuing through May, that they needed artillery, and so that became mission number one to try to get as much artillery into Ukrainian hands as possible. And PDAs 7 through 10 included 108 American **M777** 155-millimeter howitzers and over 200,000 rounds of ammunition, which nearly all had been delivered to the Ukrainians” (White House).

Так, номен **M777**, используемый президентом США в своём обращении, неизвестен широкой аудитории, поэтому его значение раскрывается в ближайшем контексте.

Его принадлежность к терминосистеме военного дела подтверждается следующим определением:

“The **M777** lightweight 155mm **howitzer** provides timely, accurate and continuous firepower in support of Marine and Army infantry forces” (Military).

Принадлежность номенов к терминосистеме военного дела ощущается наиболее отчётливо благодаря их структуре, когда при образовании терминологической единицы используются цифровые обозначения.

Ещё одной особенностью языка новой нормальности является широкое использование оценочности.

Согласно Баженовой Е. А., оценочность - это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» (Баженова, 2006, с. 139). Как отмечает Вольф Е. М., оценочность может быть выражена как элементами, меньшими, чем слово, так и несколькими словами и высказываниями (Вольф, 1985). Как отмечает Вестфальская А.В., «оценка сопряжена с коннотацией и составляет ее основу» (Вестфальская 2015, с. 3).

В политическом и медийном дискурсах эмоционально-оценочная лексика с резко негативным значением по отношению к России стала использоваться намного чаще.

Об этом свидетельствуют следующие примеры:

“Putin is inflicting **appalling** - appalling devastation and **horror** on Ukraine - bombing apartment buildings, maternity wards, hospitals” (White House).

Наличие отрицательной коннотации раскрывают определения слов *appalling* (ужасающий, шокирующий) и *horror* (ужас):

“Something that is **appalling** is *so bad or unpleasant* that it *shocks* you” (Collins).

“**Horror** is a feeling of *great shock, fear, and worry* caused by something *extremely unpleasant*” (Collins).

Данные определения подтверждают наличие резко негативной коннотации. Таким образом, благодаря такой лексике политики и СМИ создают отрицательное отношение к России и её действиям.

Для рассматриваемого периода характерно наклеивание ярлыков и использование дисфемизмов. Например, в следующем фрагменте военная операция в Украине трактуется как «Путинская безжалостная война»:

“... we know that the United States is leading our Allies and partners around the world to make sure that courageous Ukrainians who are fighting for the future of their nation have the weapons and the capacity and ammunition and equipment to defend themselves against **Putin’s brutal war**” (White House).

Таким образом, в американских новостных источниках происходит целенаправленное осуждение России и гипертрофированная положительная оценка действий США.

Своеобразного «пика» отрицательная оценочность достигает в словах *aggression* и *tyranny*:

“And, once again, we’re going to prove him wrong. We will not lessen our resolve. We’re going to continue to stand with the brave and proud people of Ukraine. We will never fail in our determination to defend freedom and oppose **tyranny**” (White House).

Дефиниция слова *tyranny* подтверждает указанное наблюдение:

“A **tyranny** is a *cruel, harsh, and unfair government* in which a person or small group of people have power over everyone else” (Collins).

“The people of Ukraine continue to inspire the world with their courage and resolve as they fight bravely to defend their country and their democracy against **Russian aggression**” (White House).

“**Aggression** is a quality of *anger and determination* that makes you *ready to attack* other people” (Collins).

Также нужно отметить, что политики используют целые группы слов, принадлежащие одному словообразовательному гнезду. Например, целые цепочки слов с корнем **tyran-**:

“They cannot be extinguished by **tyrants** like Putin and his armies” (White House).

В 2022 году в американском политическом дискурсе наблюдается рост числа дисфемизмов, употребляемых по отношению к России:

“It was always about naked aggression, about Putin’s desire for empire by any means necessary - by **bullying** Russia’s neighbors through coercion and corruption, by changing borders by force, and, ultimately, by choosing a war without a cause” (White House).

Слово *bully* (терроризировать, третировать) используется для осуждения действий России, что подтверждает определение данного слова:

“If someone **bullies** you into something, they make you do it by *using force or threats*” (Collins).

Зачастую лексические единицы (термины и слова) становятся основой для создания метафорических переносов, имеющих отрицательное значение, например:

“Are you saying that we would rather have lower gas prices in America and **Putin’s iron fist** in Europe?”

В данном случае стёртая метафора **iron fist** (ежовые рукавицы) сочетается с «навешиванием ярлыка», что заставляет её звучать по-новому:

“An **iron fist** policy or approach is one which deals with people and situations in a *very strict and cruel way*” (Collins).

«Милитарные метафоры» помогают политикам одновременно воздействовать на мысли и чувства целевой аудитории (Телегуз, 2019), формируя своеобразное отношение к России.

Таким образом, политики США в период обострения конфликта между Россией и Украиной и перехода к жёсткой санкционной политике стали широко использовать узкоспециализированную терминологию, дисфемизмы и милитарные метафоры для многостороннего воздействия на целевую аудиторию с целью формирования своеобразного отношения к России с негативными коннотациями.

Литература

1. Бугреева Е. А. Эффективность вербального и невербального поведения в онлайн коммуникации периода «новой нормальности» // Service Plus. Т. 15. № 2. 2021. С. 24-34. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-2-24-34.
2. Вестфальская А. В. Оценка и коннотация: современные подходы // Язык и текст. – 2015. – Том. 2. – № 3. – С. 3–11.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS. 2020. – 278 с.
4. Журавлева Е. А. Словотворчество в период пандемии COVID-19 // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. С. 136-140.
5. Егидес А. П. Психология конфликта. М.: Издательский дом «Университет Синергия», 2013. – 230 с.
6. Катермина В. В., Яченко Е. А. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2020. № 3(108). С. 51058. DOI 10.37972/chgpu.2020.108.3.007
7. Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии. Аналитический центр НАФИ, авторы: Т.А. Аймалетдинов, И.А. Гильдебрандт, Е. Н. Никишова, Д. С. Рассадина. М.: НАФИ, 2020. 73 с.
8. Пырма Р. В., Белугина Н. Б. Политический дискурс: место и границы в системе научного знания // Власть. – 2019. – № 5. – С. 163–168.
9. Редкозубова Е. А. COVID-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 193-200. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200
10. Телегуз А. А., Балобанова А. Г., Фомин А. Г. Словообразовательное гнездо как способ систематизации англоязычных военных терминов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 582–590. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-582-590>
11. Телегуз А.А. Метафоризация военной терминологии в медийном дискурсе // Направления и перспективы развития образования в военных институтах Войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2019. – С. 209-213.
12. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция. – Омск, 2014. – 40 с.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. - М.: Флинта, Наука, 2006. - 256 с.
14. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/tyranny>. Дата обращения: 24.08.2022.
15. Military.com. URL: <https://www.military.com/equipment/m777-howitzer>
16. White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/10/statement-by-press-secretary-jen-psaki-on-house-passage-of-the-ukraine-supplemental>. Дата обращения: 15.08.2022.

Васильев Д.И., Шамина Е.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Влияние японско-русской и японско-английской интерференции на восприятие слоговой структуры слова

***Аннотация.** Проведённое экспериментальное исследование, в основе которого лежит понятие лингвистической интерференции, посвящено выявлению закономерностей функционирования перцептивной базы генетических носителей японского языка, которые обуславливают искажённое восприятие слоговой структуры английских и русских слов. В качестве материала были отобраны русские и английские слова с разной слоговой структурой и этимологией. В результате проведения эксперимента было обнаружено влияние функционирующей в японском языке минимальной рече-языковой единицы – моры – на перцепцию. Интерференция законов фонотактики японского языка, которая выражается в невозможности консонантного завершения слога, а также в доминировании слогов открытого типа, предопределила ошибочное деление русских и английских слов генетическими носителями японского языка в сторону увеличения в них сегментов (добавление гласных и слогов).*

***Ключевые слова:** интерференция, перцептивная база, слоговая структура слова, мора, японский язык.*

1. Введение

В основе данного исследования лежит понятие лингвистической интерференции – взаимодействия языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковых контактах, либо при индивидуальном освоении неродного языка. Она выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного. Изучение этого явления в лингвистическом аспекте представляется актуальным в условиях активной глобализации и увеличения языковых контактов.

Русский, английский и японский являются фонемными языками, однако слог, как это свойственно языкам такого типа, является минимальным сегментом членения речевого потока только в двух первых (Зиндер, 1979, с. 251). В японском языке также наличествует рече-языковая единица, выступающая в качестве связующего звена между уровнем фонем и уровнем слогов и морфем, – мора (Рыбин, 2012, с. 75). Она представляет собой глубинно фонологический слог и занимает центральное место в его фонологической системе.

Основной целью текущей работы стало выявление закономерностей восприятия генетическими носителями японского языка слоговой структуры слова в русском и американском варианте английского языка. Его основную цель определили специфические характеристики моры, а именно: недопустимость стечения разнородных согласных в её пределах, а также невозможность её завершения шумным согласным (Рыбин, 2012, с. 107).

В настоящем исследовании осуществляется междисциплинарный подход к рассмотрению явления интерференции на уровне перцепции: использованы подходы общего и частного языкознания, экспериментальной фонетики, социолингвистики и теории межкультурной коммуникации.

2. Эксперимент

2.1. Гипотеза исследования

В русском языке можно проследить тенденцию к образованию открытых слогов. Однако закрытые слоги, заканчивающиеся шумными согласными и сонантами, отнюдь не

представляют редкость (Бондарко, 1977, с. 129). То же самое можно сказать и об английском языке, который отличается большим разнообразием слоговых структур (Курат, 1964, с. 18-19). В японском языке, напротив, работают строгие законы фонотактики, запрещающие стечение разнородных согласных в пределах слога и его консонантное завершение (Рыбин, 2012, с. 107). Таким образом, японский язык отличается от русского и английского меньшим разнообразием слоговых структур. Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что слова с сочетаниями «согласный + согласный» и консонантными кластерами в позиции конца слова будут восприняты генетическими носителями японского языка как состоящие из большего количества сегментов.

Наличие в английском языке гласных сложного образования и их отсутствие в японском языке послужили основанием к выдвиганию предположения о том, что дифтонги будут восприниматься респондентами как бифонемные сочетания (Джуди, 1993, с. 18-19; Кеньйон, 1958, с. 17). Также предполагалось, что долгий шумный двухфокусный (шипящий) палатализованный согласный /ʃ:/ в русских словах будет воспринят как сегмент, состоящий из двух произносительных элементов, поскольку его долгота может быть воспринята носителями японского языка как сочетание двух мор на стыке морфов (Рыбин, 2012, с. 158-159).

2.2. Материал и методология исследования

Непосредственным поводом для организации настоящего экспериментального исследования стала диссертация В. Л. Завьяловой, в которой автор описывал специфику восприятия звукового строя нормативной английской речи носителями языков Восточной Азии. В качестве экспериментального материала исследователем были отобраны существительные английского языка разной силлабической структуры (Завьялова, 2018, с. 332-336). Эксперимент проводился на английском языке, стимулы предъявлялись в звучании и графически, а задания к нему были сформулированы в виде вопросов.

Вышеупомянутая методология проведения эксперимента могла негативно сказаться на точности полученных данных. Так, наличие визуальных стимулов могло создавать привходящую интерференцию, выраженную в стремлении информантов опираться не на звучание, а на написание слов или количество гласных букв. Учитывая особенности орфографии английского языка, это могло напрямую отразиться на достоверности приводимых результатов исследования.

При разработке методики настоящей серии экспериментов были предприняты попытки избежать указанных обстоятельств, способных скомпрометировать интерпретацию данных. Эксперимент, проводимый в рамках данного исследования, включал в себя два этапа: перцептивный (основной) и генеративный (дополнительный). Японский язык был выбран в качестве рабочего. Так, опросный лист, содержательная часть анкеты, а также раздел для комментариев были переведены на японский язык. Для записи инструкции был приглашён диктор - носитель стандартного токийского диалекта японского языка. Во избежание привходящей интерференции графического написания стимулы предъявлялись респондентам исключительно на слух. Для их записи были приглашены диктор - носитель русского (для записи русских слов) и диктор – носитель американского варианта английского языка (для записи английских слов).

Выбор материала для перцептивного эксперимента был произведён на основе сравнения фонологических систем японского, русского и английского (в его американском варианте) языков. Объектами сравнения стали строй языков, слоговая структура, характер ударения, а также наличие в них дифтонгов и долгих гласных и геминированных согласных.

Всего в экспериментальный материал было включено 38 русских и английских слов. По фонетическому принципу их можно разделить на слова, состоящие из одного, двух и трёх слогов разного типа. Исходя из принадлежности к тому или иному пласту лексики, их можно разбить на три группы: 1) современные английские и русские слова; 2)

заимствованные из современного японского русские и английские слова; 3) русские и английские слова, закрепившиеся в современном японском языке как ярко выраженные русизмы и англицизмы.

Первая стадия эксперимента проводилась на платформе Google Forms. Информантам позволялось прослушать отобранные в программу эксперимента слова неограниченное количество раз, чтобы выбрать количество сегментов в них (от 1 до 5 и больше). Примером деления слов на части стало слово 寿司 – *susi* – «суши», в котором выделяются две моры и два слога – су-си.

В ходе второго (дополнительного) этапа эксперимента были сделаны записи монологических высказываний на русском и английском языках на заданную тему, произнесённых носителями японского языка, которые ранее приняли участие в первом этапе эксперимента (два мужчины и две женщины возрастом от 20 до 30 лет). Предполагалось, что анализ слоговой структуры слов в упомянутых высказываниях даст более полное понимание закономерностей восприятия респондентов и позволит добиться большей объективности всего исследования.

2.3. Обсуждение результатов

В эксперименте принял участие 51 генетический носитель японского языка разного возраста, пола и социального статуса. Многие, помимо родного, японского языка, владели и другими иностранными языками, среди которых русский, английский, китайский и немецкий.

Анализ результатов перцептивного эксперимента подтвердил гипотезу, о том, что русские и английские слова с сочетаниями «согласный + согласный» и консонантным завершением будут восприняты респондентами-японцами как состоящие из большего количества сегментов. В Таблице 1, приведённой ниже, содержатся примеры восприятия количества сегментов в русских и английских словах с различной слоговой структурой.

Таблица 1. Количество воспринятых респондентами сегментов в русских и английских словах с различной слоговой структурой

Слово	Ответы респондентов	
	Количество сегментов	%
кот	1	37
	2	52
норма	2	23
	3	66
try	1	33
	3	55

Односложное слово *кот* было воспринято 52% респондентов как двусложное, что, вероятно, вызвано запретом на консонантное завершение слога. Две трети участников эксперимента разделили двусложное слово *норма* на три сегмента, что, судя по всему, было продиктовано той же самой причиной. Английское слово *try* было воспринято 54.9% респондентов как состоящее из трёх сегментов. Вероятно, сочетание двух согласных в начале слова и следующий за ним гласный сложного образования /aɪ/ были интерпретированы как следующая последовательность: CV-CV-V.

Таким образом, подавляющее большинство информантов восприняло английские и русские лексемы как слова, состоящие из большего количества сегментов.

Однако начальные предположения не нашли подтверждения. Результаты перцептивного эксперимента опровергли гипотезу о том, что длина сегмента влияет на его восприятие респондентами. Долгий глухой двухфокусный (шипящий) палатализованный согласный /ʃ:/ не был интерпретирован как состоящий из двух произносительных

элементов. Гласные сложного образования, дифтонги, в английских словах не всегда членились участниками эксперимента, что также не позволило сделать окончательных выводов о стратегиях их восприятия. Так, не вызывает сомнений, что членение на сегменты слова *try* носителями японского языка было выполнено именно так, как указано выше (CV-CV-V). Однако, если обратиться к слову *chain*, в котором 27% респондентов выделило 1, 41% - 2 и 27% - 3 сегмента, невозможно с уверенностью сказать, какой стратегией пользовались носители японского языка. Что касается интерпретации заимствований, слов со схожей японской слоговой структурой, а также англицизмов и русизмов, то данные лексемы тоже не всегда членились респондентами в соответствии с правилами слогаделения в японском языке.

Предположения, которые не нашли доказательства в основной стадии эксперимента, были опровергнуты и на его дополнительной, генеративной стадии. И, напротив, гипотеза об интерпретации сочетаний «согласный + согласный» как отрезка звучания, включающего в себя два сегмента, нашла в ней окончательное подтверждение.

3. Заключение

Стечение разнородных согласных в пределах одного слога и его консонантное завершение в односложных, двусложных и трёхсложных словах английского и русского языков, включённых в программу первой стадии эксперимента, с высокой частотностью воспринимались носителями японского языка как структурно более сложные сегменты. Так односложные лексемы апперципировались как двусложные, двусложные – как трёхсложные, а трёхсложные – как четырёхсложные. На втором этапе эксперимента данная тенденция прослеживалась в речи некоторых информантов-японцев на русском языке, в то время как в речи на английском языке она не наблюдалась ни у одного из испытуемых, поскольку они продолжительное время изучали соответствующий язык. Основываясь на данном наблюдении, можно сделать вывод, что знание иностранного языка влияет на стратегии слогаобразования и слогочленения.

Результаты настоящего исследования могут послужить для дальнейшего изучения и осмысления глубинных структур языка и языковой типологии (Касевич, 1983, с. 5-8), привлечь внимание к изучению феномена интерференции на уровне перцепции. Они также могут стать основой для проведения новых экспериментов, опирающихся на сравнение таких более крупных сегментов речевого потока, как синтагм на материале как японского, так и других языков. Кроме того, данная работа посвящена очень неоднозначному явлению в фонетике и фонологии – слогу, чей фонологический статус оказывается не вполне определенным в большинстве языковых систем (Бондарко, 2004, с. 105-111).

Быстрый темп роста языковых контактов и глобализация заставляют убедиться в том, что изучение явлений интерференции как на фонетическом, так и на других уровнях языка обладает большим значением с точки зрения лингвистики и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.
2. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. - 4-е изд., испр. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. - 160 с.
3. Завьялова В.Л. Автореферат. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования. ДФУ. Владивосток: 2018. 42с.
4. Завьялова В.Л. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования. ДФУ. Владивосток: 2018. 587 с.
5. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

6. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 301 с.
7. Рыбин В.В. Фонетика японского языка. СПб.: Гиперион, 2012. 343 с.
8. Judy B. G. Clear Speech. Pronunciation and Listening Comprehension in North American English. Second Edition. Cambridge University Press, 1993.
9. Kenyon J., Knott K. A Pronouncing Dictionary of American English. Springfield, Mass., USA: Merriam-Webster Inc., Publishers, 1958. 484p.
10. Kurath H. A Phonology and Prosody of Modern English. University of Michigan Press, 1964. 158 p.

УДК 811; 811.133.1

Вдовиченко Е.А., Каменева В.А.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Функции иллюстративно-изобразительного материала новостного франкоязычного политического дискурса, адресованного детско-подростковой аудитории

***Аннотация.** Креолизованный новостной политический дискурс – актуальный научный объект современных лингвистических исследований. В данной статье представлены результаты исследования функций иллюстративно-изобразительного материала политических новостей, адресованных детско-подростковой аудитории 10–15 лет во французском журнале GEO за период 2014–2022 гг. Для формирования генеральной совокупности исследования применялся прием направленной выборки. Было отобрано 50 статей политической тематики на французском языке. Для проведения анализа фактологического материала применялись метод контент-анализа, описательный и сопоставительный методы. Проведенный анализ позволяет говорить о шестикомпонентном функциональном потенциале креолизованного новостного политического дискурса, ориентированного на детей и подростков. Были выявлены и описаны такие функции, как информационная, аргументирующая, аттрактивная, символическая, экспрессивная и функция создания имиджа. В работе было зафиксировано использование фотоизображений, обладающих смешанными функциями, в которых реализуются одновременно две во главе с информационной функцией.*

***Ключевые слова:** новостной политический дискурс, функции креолизации, дети-подростки.*

Введение

В настоящее время исследование креолизованного материала новостного текста политического характера не теряет своей актуальности. В фокус научных исследований попадают разные виды креолизованных текстов: иллюстрации, политическая карикатура, политический плакат (Ворошилова, 2013; Корда, 2013 и др.). Отметим, что основное внимание уделяется изучению новостного политического дискурса, создаваемого для взрослой аудитории. Достаточно тщательно проанализирован функциональный потенциал креолизованных текстов политических новостей для старшей возрастной группы. Несмотря на то, что по всему миру вот уже более десяти лет создаются политические новости для младшей возрастной группы, до сих пор остается малоизученным спектр функций визуально-изобразительной части политических новостей, ориентированных на детей и подростков. В данной статье представлены результаты, полученные в ходе рассмотрения креолизации новостного политического дискурса, адресованного детям-подросткам 10–15 лет. Приемом направленной выборки из франкоязычного журнала GEO

за период 2014–2022 гг. были отобраны 50 статей политической тематики, предназначенных для детей-подростков.

Любой иллюстративно-изобразительный материал обладает своей функцией. В основном ученые выделяют четыре функции визуальной составляющей: аттрактивную, информационную, экспрессивную и эстетическую (Анисимова 2003: 43). А.В. Трифонова и Д.В. Шапочкин в статье «Предвыборный плакат как креолизованный текст» представили более полную классификацию функций креолизованного новостного текста политического характера. Ими были выделены:

- «Аттрактивная функция. Изображение привлекает внимание адресата, вызывает его на коммуникативный контакт.
- Информативная функция. Изображение доносит до адресата определенную информацию.
- Экспрессивная функция. Изображение выражает чувства адресанта и воздействует на эмоции адресата.
- Символическая функция. Изображение выражает абстрактные идеи и понятия с помощью наглядных образов.
- Аргументирующая функция. Изображение является наглядным аргументом в поддержку вербальной части.
- Эвфемистическая функция. Изображение передает информацию, которая не может быть вербализована.
- Функция создания имиджа. Изображение и вербальная часть создают образ политического деятеля» (Трифонова, Шапочкин, 2018, с. 67).

Данная классификация функций применена нами для анализа иллюстративно-изобразительного материала, используемого в отобранных 50 новостных статьях политического характера во французском детско-подростковом журнале GEO за период 2014–2022 гг.

Результаты

Предварительный анализ невербального материала позволил установить, что иллюстративно-изобразительный материал политических новостей, адресованных детско-подростковой аудитории, представлен фото политиков, событий, предметов-символов, схематическими изображениями административно-территориальных единиц, карикатурой и коллажем, созданными при помощи графических редакторов.

Проведенное исследование выявило шестикомпонентный функциональный потенциал креолизованного новостного политического франкоязычного дискурса, ориентированного на детей и подростков. Отметим следующие функции: информативную, аргументирующую, аттрактивную, символическую, экспрессивную и функцию создания имиджа.

Например, в новостной статье *Politique: il prend sa retraite à... 38 ans* (GEO ADO 07.09.2016) (*Политик: он уходит на пенсию в... 38 лет*) сообщается о решении Лорана Гранджийома не баллотироваться во второй раз в депутаты, несмотря на то что ему всего 38 лет, когда другие депутаты находятся на своем посту до пенсионного возраста. После заголовка присутствует предвыборный фотоплакат, на котором изображен Лоран Гранджийом. В данном случае фотоплакат выполняет **информативную функцию**: он знакомит читателя с молодым политиком.

В статье *Élections: le piège des sondages* (GEO ADO 05.04.2017) (*Выборы: ловушка для опросов*) также представлена фотография, выполняющая **информативную функцию**. Она приносит информацию, дополняющую содержание статьи: знакомит молодого читателя с кандидатами на пост президента Франции, так как не отражает содержание статьи, в которой говорится о том, что результаты опросов, проводимые в ходе предвыборной компании, могут быть ложными из-за человеческого фактора.

В статье под названием *Égalité femmes-hommes, le Président s'engage* (GEO ADO 27.11.2017) (*Равенство женщин и мужчин, президент обязуется*) сообщается, что президент Франции выступил с мерами борьбы с неравенством между женским и мужским населением в стране. После заголовка молодой читатель видит фотографию с места событий: Эммануэль Макрон выступает перед французами с речью за равенство прав мужчин и женщин. Фотоизображение выполняет **аргументирующую функцию**, подтверждая, что президент Франции действительно проводит встречи, посвященные данному вопросу, и, соответственно, делает шаги в сторону гендерного равенства во Франции.

Фотоизображение, обладающее **аргументирующей функцией**, встретилось в статье *Arabie Saoudite: les femmes votent pour la 1re fois* (GEO ADO 14.12.2015) (*Саудовская Аравия: женщины голосуют в 1-й раз*), в которой рассказывается о разрешении женскому населению страны принимать участие в выборах. После заголовка молодой читатель видит фотографию, сделанную на избирательном участке, где счастливая девушка, гражданка Саудовской Аравии, опускает свой бюллетень в специальную урну. Данное фотоизображение подтверждает информацию новостного текста.

В новостной статье *Comment le président des États-Unis est-il élu?* (GEO ADO 14.10.2020) (*Как избирается президент Соединенных Штатов?*) представлено фото страницы из журнала на английском языке. На нем изображен Дональд Трамп, уверенно смотрящий вперед с поднятой рукой, а напротив – изображение кричащего Джо Байдена, который указывает на себя пальцем. Данное фото выполняет **аттрактивную функцию**. Эмоциональный настрой представленных политических деятелей привлекает читателя и подталкивает к ознакомлению с новостной информацией, в которой рассказывается не только о ходе выборов в президенты между Дональдом Трампом и Джо Байденом, но и о том, как устроена система выборов в США.

Аттрактивная функция фотоизображения реализована также в новостной статье *Trump a-t-il été élu par...les russes?* (GEO ADO 15.12.2016) (*Трамп был выбран русскими?*). В ней Дональда Трампа обвиняют в том, что он одержал победу в президентских выборах якобы благодаря вмешательству российских спецслужб. После заголовка молодой читатель видит фото карикатуры, сделанное на одной из американских улиц, на котором изображены целующиеся президенты России и США, а сбоку от них нарисован злой поросенок с ярко-зелеными глазами.

В статье под названием *États-Unis: la police coupable de racisme* (GEO ADO 06.03.2015) (*США: полиция виновна в расизме*) идет речь о том, что расследование Министерства юстиции подтвердило расизм и несправедливые действия полиции в городе Фергюсон по отношению к чернокожим гражданам. После заголовка читатель видит фотографию с полицейской машиной, стоящей за сигнальной оградительной лентой с названием *Police line do not cross* (*полицейскую линию не пересекать*). Данное фотоизображение выполняет **символическую функцию**: подчеркивает определенное различие в отношении полиции и жителей страны к чернокожим гражданам.

В статье *États-Unis: des ados contre les flingues* (GEO ADO 23.03.2018) (*США: подростки против оружия*) сообщается о том, что в Вашингтоне и других странах во главе с подростками пройдет демонстрация с призывом запретить продажу огнестрельного оружия в связи с многочисленными убийствами. Иллюстративный материал также обладает **символической функцией**. Читатель после заголовка видит Капитолий в Вашингтоне, впереди которого наполовину опущены американские флаги, символизирующие траур по 17 молодым людям, убитым в Парклэнде.

Экспрессивная функция фотографии была определена в новостной статье *Obama à Hiroshima: pour un monde sans armes nucléaires* (GEO ADO 27.05.2016) (*Обама в Хиросиме: за мир без ядерного оружия*). На фотографии изображен Барак Обама в японском городе Хиросиме, где в 1945 году был осуществлен взрыв ядерной бомбы.

Своим действием президент США решил призвать другие страны к уничтожению ядерного оружия. После заголовка молодой читатель видит черно-белую фотографию Хиросимы после взрыва, которая передает горечь всего разрушенного и страх того, что произошло.

Также было выявлено присутствие иллюстративно-изобразительного материала со **смешанными функциями**, то есть фотоизображения, обладающие одновременно двумя функциями:

- информативной + аттрактивной;
- информативной + создание имиджа;
- информативной + аргументирующей.

Следует отметить, что в каждой перечисленной смешанной функции присутствует информационная, которая является основной.

Например, в статье *1er jour de la présidence de Trump: un grand bazar annoncé?* (GEO ADO 20.01.2017) (*1-й день президентства Трампа: объявлен грандиозный базар?*) рассказывается, что граждане страны хотят сорвать церемонию передачи полномочий Барак Обама новому президенту Соединенных Штатов Америки Дональду Трампу. После заголовка представлена фотография Дональда Трампа за трибуной в момент речи, но лицо нового президента закрывает информационный хэштэг #DISTURPJ20 с надписью *срыв 20 января*. Данная иллюстрация выполняет кроме **информативной** также и **аттрактивную функцию**, призывая читателя узнать причину срыва передачи власти.

В статье под названием *Justice: l'état se resserre sur Trump* (GEO ADO 31.10.2017) (*Правосудие: тиски Трампа сжимаются*) говорится о том, что людям из предвыборной компании Дональда Трампа, президента США, предъявлено обвинение в заговоре против страны и нечестной борьбе на президентских выборах, что отрицается самим президентом. После заголовка представлена фотография недовольного Дональда Трампа, у которого нахмурены брови и сжаты губы. Данное фотоизображение является не просто **информативным**, указывающим на то, кто есть Трамп, но также **создает имидж** политика, у которого подобные обвинения вызывают гнев.

Фотоизображение с **информативной функцией** вместе с **функцией создания имиджа** политика было отмечено в статье *Routine au pouvoir, à nouveau* (GEO ADO 19.03.2018) (*Путин снова у власти*), в которой сообщается, что Владимир Путин был переизбран в четвертый раз на пост президента России, так как значительная часть страны поддерживает его, несмотря на критику из-за рубежа. После заголовка на фотографии изображен Владимир Путин, который выглядит серьезно и сдержанно.

В новостной статье *Une nouvelle capitale pour l'Égypte?* (GEO ADO 16.03.2015) (*Новая столица для Египта?*) речь идет о строительстве второй новой столицы Египта. После заголовка представлена карта страны (схематическое изображение административно-территориальной единицы), на которой отмечена старая и новая столицы. Данное изображение выполняет не только **информативную функцию**, демонстрируя молодому читателю нахождение функционирующей и планируемой столиц, но и **аргументирующую**, подтверждая, что планы по созданию новой столицы Египта действительно разрабатываются.

Смешение **информативной** и **аргументирующей функций** представлено изображением в статье *La Nouvelle-Zélande change de drapeau* (GEO ADO 12.08.2015) (*Новая Зеландия меняет флаг*), в которой молодой читатель узнает о том, что Новая Зеландия решила изменить флаг страны, чтобы показать свою независимость от Соединенного Королевства. На иллюстрации после заголовка изображены разные варианты флага, предложенные населением.

В ходе изучения функций иллюстративно-изобразительного материала в новостных статьях политического характера во французском детско-подростковом журнале GEO был

осуществлен их количественный подсчет, результаты представлены в процентном соотношении (рис.).

Согласно диаграмме (рис. 1), журналисты к новостной статье политического характера в детско-подростковом журнале чаще всего подбирают иллюстративно-изобразительный материал с аргументирующей (32 %) или информативной (30 %) функциями. При этом отметим, что фотоизобразительный материал, выполняющий символическую функцию, составляет 13 %. Что касается иллюстраций с аттрактивной и экспрессивной функциями, то их процент размещения в новостных статьях политического характера в детско-подростковом журнале GEO составил 8 % и 2 % соответственно. Аттрактивная, аргументирующая функции и функция создания имиджа, как правило, совмещены с информативной и составляют смешанную функцию (15 %).

Заключение

Результаты исследования функций визуальной составляющей в новостном политическом дискурсе, ориентированном на детей-подростков в возрасте 10–15 лет, показали, что журналисты в основном используют креолизованный материал в виде фото политиков, событий, предметов-символов, схематических изображений административно-территориальных единиц, карикатур и коллажей, созданных при помощи графических редакторов. Благодаря иллюстративно-изобразительному материалу молодой читатель узнает о политиках разных стран или видит само место политических событий. Фото предмета-символа, карикатуры и коллажи позволяют журналистам визуализировать какие-то абстрактные понятия, чтобы пояснить что-либо молодому читателю, аргументировать излагаемую точку зрения или вызвать интерес к содержанию статьи. Иными словами, иллюстративно-изобразительный материал политических новостей, адресованных детско-подростковой аудитории 10–15 лет во французском журнале GEO, выполняет информативную, аргументирующую, аттрактивную, символическую, экспрессивную и функцию создания имиджа. Аттрактивная, аргументирующая функции и функция создания имиджа, как правило, совмещены с информативной и составляют смешанную функцию.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменимости // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 177–183.

3. Корда О.А. Креолизованный текст в современных печатных СМИ: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.

4. Трифонова А.В., Шапочкин Д.В. Предвыборный плакат как креолизованный текст // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 4. С. 61–73. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2018-4-4-61-73>

5. GEO ADO. URL: <https://www.geoado.com/> (дата обращения: 07.08.2022).

УДК 81'23

Власов М.С., Торопчина О.В., Гришакова Т.В.

АГППУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Почему молодежь использует сленг и зачем педагогу следует его понимать?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках проекта №19-412-220004 «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодёжного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование».

Аннотация. В настоящее время наиболее представительной социальной группой, использующей сленг и жаргон, является молодежь. Функционирование русского молодёжного сленга в 90-годы определялось в основном сферой устного общения городской учащейся молодежи, а также ограничивалось «социальными, временными и пространственными рамками», хотя ему приписывалась «некоторая размытость границ». Вместе с тем, в настоящее время сфера молодёжной коммуникации значительно расширилась благодаря электронным средствам связи. Молодёжный сленг пополняется новыми жаргонизмами из сферы социального нетворкинга, видеоигр, разных субкультур. Стираются границы между устной и письменной коммуникацией, поскольку общение в мессенджерах представлено не только набором текста, но и голосовыми сообщениями, элементами креолизованного текста, сочетающими письменный текст, изображения и видео, мемами. В статье рассматриваются причины и цели использования молодёжного сленга носителями русского языка.

Ключевые слова: молодёжный сленг, жаргон, субкультуры, социальные сети.

В современной лингвистике выделяется понятие *общего сленга*, или *общего жаргона* (*супержаргона*), которое рассматривается как новое языковое явление с неограниченным кругом пользователей (в отличие от «классических» жаргонов), оказывающее влияние на современную разговорную речь и формирующееся на основе прежних многочисленных жаргонов различных социальных групп (Калита, 2013).

Общепринятого научного определения сленга по-прежнему не существует, хотя лингвисты стараются выделить отдельные функциональные особенности сленга, в поисках ответа на вопрос, почему носители языка используют его в речи?

Жаргон рассматривается как разновидность речи, применяемой преимущественно в устной коммуникации конкретной социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства 19 века), интересов (жаргон филателистов), возраста (молодёжный жаргон) и т.д. Часть жаргонизмов принадлежит не одной, а многим социальным группам, в том числе уже несуществующим. Жаргон, как и сленг, характеризуется специфической лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств.

Иногда термин *жаргон* применяют для обозначения искажённой, неправильной речи, поэтому в собственно терминологическом смысле его часто заменяют словосочетаниями типа «язык студенчества» или терминами *арго* и *сленг*» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990).

В наших исследованиях мы используем термины *жаргон*, *жаргонизм* в целях спецификации лексикона конкретной референтной группы, например, пользователей социальных сетей (*сетевой жаргон*), а *молодежный сленг* рассматриваем как социолект, характеризующий современную, как правило эмоционально окрашенную, разговорную письменную и устную речь молодежи (Власов и соавт., 2020).

Каковы причины употребления молодежного сленга с точки зрения психолингвистики и социолингвистики?

В 1933 году Эрик Партридж в своем обзоре «Сленг сегодня и вчера» (Partridge, 1933) предложил ряд функциональных особенностей сленга. Согласно Партриджу сленг используется носителями языка:

1) в исключительно приподнятом настроении, молодыми духом или телом, просто для удовольствия, в состоянии «игривости» или «шутливости»;

2) как упражнение либо в остроумии и изобретательности, либо в юморе (мотивом этого обычно является самовыражение или снобизм, подражание или отзывчивость, удовольствие человека от своей виртуозности);

3) для того, чтобы быть иным, современным;

4) для того, чтобы быть красноречивым, либо избежать невыразительности речи;

5) для того, чтобы избегать клише, быть кратким и лаконичным, что связано с нетерпимостью к уже существующим словам и устойчивым выражениям;

6) для того, чтобы абстрактное сделать конкретным, идеалистическое - приземленным, отдаленное – близким, непосредственным (для людей культурных это делается намеренно и сознательно, в то время как у людей с низкой культурой поведения это делается практически бессознательно);

7) для того, чтобы высказать или написать подчиненному, либо развлечь высшую публику, либо перейти на разговорный язык для конкретной аудитории или по конкретному предмету речи;

8) для облегчения социального взаимодействия (Green, 2016).

Бетани Дюма и Джонатан Лайтер обозначили четыре основные функциональные особенности употребления сленга, хотя и допускали невозможность описания абсолютно всех его функций. По Дюма и Лайтеру, выражение или слово является сленговым, если, по меньшей мере, соответствует двум из указанных критериев:

1) слово или выражение обладает сниженной окраской;

2) использование слова демонстрирует знакомство носителя языка с референтом или людьми более низкого класса, с низкой социальной ответственностью, использующими данный сленгизм;

3) слово или выражение является табуированным при общении с людьми высокого социального статуса или с высокой социальной ответственностью;

4) слово используется как синоним общеупотребительного слова для того, чтобы устранить дискомфорт или необходимость уточнения значения слова другим участником коммуникации (Dumas & Lighter, 1978).

Наиболее представительной социальной группой, использующей сленг и жаргон, является молодежь. Так, функционирование русского молодежного сленга в 90-годы определялось в основном сферой устного общения городской учащейся молодежи, а также ограничивалось «социальными, временными и пространственными рамками», хотя

ему приписывалась «некоторая размытость границ» (Береговская, 1996). Вместе с тем, в настоящее время сфера молодежной коммуникации значительно расширилась благодаря электронным средствам связи. Нередко, выделяют даже отдельное поколение таких пользователей – «цифровые аборигены» (*Digital Natives*). Молодежный сленг пополняется новыми жаргонизмами из сферы социального нетворкинга, видеоигр, разных субкультур. Стираются границы между устной и письменной коммуникацией, поскольку общение в мессенджерах представлено не только набором текста, но и голосовыми сообщениями, элементами креолизованного текста, сочетающими письменный текст, изображения и видео, мемами.

Почему же учителю важно знать молодежный сленг и жаргон различных субкультур?

Несмотря на то, что чрезмерная погруженность индивидов в социальный нетворкинг может быть связана с более высоким риском зависимости от того или иного интернет-контента или социальной сети, в целом использование жаргона предполагает эмоционально окрашенную коммуникацию, которая может использоваться и в продуктивных целях. Так, молодежный сленг второго языка часто вызывает большой интерес у студентов на занятиях по иностранному языку (Lutviana & Mafulah, 2021). Например, китайские студенты при изучении русского языка как иностранного рассматривают знание данного специфического лексикона как «дань моде», как способ интеграции в иноязычную среду через общение на молодежном сленге. Например, для таких практических целей существует ряд русско-китайских словарей сленга и новых слов (Ван, 2017). Кроме того, существует экспериментальное исследование на выборке учащихся США о том, что учителя могут использовать молодежный сленг как стиль коммуникации в образовательной среде (Mazer & Hunt, 2008), в котором авторы пришли к выводу о том, что уместное использование на уроках таких слов, как *cool*, *awesome*, *sweet* улучшает психологический климат в классе, способствует повышению академической мотивации школьников.

Наблюдение за употреблением в речи молодежных сленгизмов, тем не менее, демонстрирует также значительное количество жаргонизмов деструктивных молодежных субкультур, в том числе и в цифровой среде, например, «АУЕ» (арестанское уркаганское единство), «офники» (околофутбольные фанаты) и др. Так, например, социальная сеть *ВКонтакте* насчитывает более 3000 сообществ, посвященных «офникам», которые не являются настоящими футбольными болельщиками, устраивают договорные драки, снимают их на видео и выкладывают в сети. Среди сленгизмов, распространенных в данной субкультуре, встречаются такие как «забива», или «вайн» (договорная драка), «поясни за шмот» (подросток должен объяснить, почему на нем надета определенная одежда, если не сможет, то, скорее всего, его побьют), «паль» (не брендовая, поддельная одежда) и «пальпатруль» (группа ребят, отлавливающая подростков в поддельной одежде). Естественно предположить деструктивный потенциал данных групп, пропагандирующих агрессивное поведение, а употребление подобного жаргона (с учетом частотности, контекста, эмоционально-экспрессивной окраски и др.) – индикатором вовлеченности в данные субкультуры (как в качестве жертвы, так и в качестве агрессора). В целях эксплицитной и имплицитной диагностики степени знакомства обучающихся с молодежным сленгом, а также жаргоном различных деструктивных групп, авторами разработана и в настоящее время пополняется база данных с необходимыми количественными характеристиками (Власов и соавт., 2020). Предполагаем, что ее использование может быть полезно как для диагностических целей, так и для разработки различных методических рекомендаций по профилактике деструктивного поведения обучающихся.

Таким образом, перед учителем стоят две важные задачи: 1) диагностировать частотность и контекст употребления обучающимися «деструктивных» жаргонизмов и 2) использовать молодежный сленг с позитивной эмоциональной окраской только в определенных ситуациях (для налаживания социально-психологического климата в классе и успешной коммуникации с обучающимися).

Литература

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.
2. Ван С. Особенности отражения в словарях единиц русского молодежного жаргона в зеркале восприятия вторичной языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2017. Вып. 2 (179). С. 59–66. DOI: 10.23951/1609–624X2017-2-59-66
3. Власов, М. С., Трофимова, У. М., Подрезов, М. В., Абдуллина, У. В. Связь частотности и эмотивности молодежных сленгизмов русского языка (на материале психолингвистической базы данных) // Вестник Томского государственного университета. 2020. Номер 457. С. 5-15. <https://doi.org/10.17223/15617793/457/1>
4. Калита И. В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге. М.: Дикси Пресс, 2013. 240 с. ISBN 978-5-905490-15-6.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. Москва: «Советская Энциклопедия», 1990. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/151a.html>
6. Dumas, B.K., & Lighter, J. Is Slang a Word for Linguists? // American Speech. Vol. 53. No. 1. 1978. pp. 5-17. <https://doi.org/10.2307/455336>
7. Green, J. Slang: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2016. P. 31-32. ISBN 978–0–19–872953–2
8. Lutviana, R., & Mafulah, S. (2021). The use of slang words in online learning context of EFLclass. EnJourMe (English Journal of Merdeka): Culture, Language, and Teaching of English, 6(1), 55-62. doi: <https://doi.org/10.26905/enjourme.v6i1.6118>
9. Mazer J.P. & Hunt S.K. The Effects of Instructor Use of Positive and Negative Slang on Student Motivation, Affective Learning, and Classroom Climate // Communication Research Reports, 2008, Vol. 25(1), pp. 44-55. DOI: 10.1080/08824090701831792
10. Partridge, E. Slang To-Day & Yesterday. RKP, 1933.

УДК 811.161.1

Жукова Е.Ю., Курьянович А.В.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Лингвоаксиологические характеристики концепта смех в сатирическом тексте (на материале творчества М.М. Жванецкого)

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности выражения лингвоаксиологических характеристик концепта СМЕХ в русском сатирическом тексте. Делается вывод о смещении оценочного компонента сценария СМЕХ в область негативно-сатирической авторской оценки изображаемого. Материалом исследования выступает творчество М.М. Жванецкого.

Ключевые слова: лингвоаксиология, языковая картина мира, сатирический текст, концепт СМЕХ, М.М. Жванецкий.

Новейшие исследования в области лингвистики реализуются в русле концептологического, дискурсивного, культурологического подходов. Актуальным

является также развитие междисциплинарных разработок, в частности, видятся интересными результаты экстраполяции философского знания в поле зрения лингвистов. Так, сегодня востребован аксиологический вектор в изучении языка: в центре внимания оказывается исследование содержательной специфики и средств языковой репрезентации общечеловеческих, национально-коллективных и лично обусловленных ценностей в текстах разной жанрово-стилевой ориентации.

Цель данного исследования заключается в выявлении лингвоаксиологических характеристик концепта СМEX в русском сатирическом тексте.

Постановка цели обуславливает решение *задач*: 1) рассмотрение используемых в работе понятий и категорий: *лингвоаксиология, концепт, сатирический текст*; 2) изучение универсального концепта СМEX с точки зрения выражения его аксиологических характеристик (инвариантных и вариантных) в рамках русской сатирической прозы.

В работе использовались следующие *методы*: метод сплошной выборки, структурно-семантический и аксиологический анализ языкового материала.

Материалом исследования выступает сатирическая миниатюра М.М. Жванецкого «Новые времена, или Игра "Что? Где? Когда?»,».

Одним из первых обратил внимание на присутствие ценностного компонента в смысловом поле текста И.Р. Гальперин. Содержание ценностных категорий ученый рассматривал в контексте эстетических воззрений, отмечая, что тексты, обладающие высокой эстетической ценностью, всегда высокоинформативны (Гальперин, 1981).

Становление лингвоаксиологии как самостоятельной отрасли языкознания связано с работой В.И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» (Карасик, 2002), в которой предпринята попытка теоретического обобщения в представлениях о сущности ценностного фрагмента языковой картины мира.

Теоретико-методологические основы аксиологической лингвистики изложены в докторской диссертации Е.В. Бабаевой «Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира» (Кузина, 2019). На обосновании лингвоаксиологии как самостоятельного направления в лингвистике настаивают Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А.А. Ивин, О.А. Кузина, С.Г. Павлов, Е.Ф. Серебрянникова. Так, О.А. Кузина основной целью аксиологической лингвистики называет «выявление ценностных смыслов, господствующих в обществе, на основании анализа оценочных суждений» (ред. Серебрянникова, 2005, с. 18). По мнению Е.Ф. Серебрянниковой, цель аксиологического анализа языка заключается в «реконструкции аксиосферы языковой картины мира и аксиосфер разных социальных групп и идиолектов» (Коцюбинская, Кузина, 2015, с. 58). Относительно объекта и предмета лингвоаксиологии высказывается С.Г. Павлов, отмечая, что ее объектом является «нерасторжимый комплекс «язык – сознание – общество – культура – человек»» (Павлов, 2013), а предметом – «язык, рассматриваемый как средство формирования, выражения и трансляции ценностей» (Павлов, 2013).

Исследование языка как способа трансляции ценностей представляется актуальным в контексте изучения философско-эстетической сферы комического в целом и сатиры как способа представления комического в частности. Важность рассмотрения сатиры в контексте лингвоаксиологических исследований обуславливается в первую очередь тем, что именно сатира как способ реализации комического в тексте представляет реализацию авторских ценностных установок в сопоставлении с аксиологическими установками, принятыми в социуме, в наиболее адекватной форме. Сатира – это «уничтожающее осмеяние действительности, раскрывающейся в художественном изображении как нечто превратное и внутренне несостоятельное» (Философская энциклопедия). В коммуникативном аспекте сатира реализуется в сатирическом тексте (далее – СТ), который определяется как речевое произведение, основной коммуникативной характеристикой которого является выражение сатиры как способа ретрансляции

авторской негативной оценки действительности. Специфическими жанровыми характеристиками СТ являются информативно-оценочная иллюзия, превалирование регулятивной функции и авторской негативной оценки изображаемого (подробнее о категориальных и дифференциальных признаках СТ см.: (Жукова, 2022)). Кроме того, для СТ характерна дискурсивная обусловленность, включающая национально-исторический контекст и фактор автора, образ которого напрямую влияет на характер изображаемого в СТ.

Прямой реакцией на комическое (и в том числе сатирическое) является смех как физиологическая реакция. Концептуальная структура СТ, понимаемая как система обобщенных представлений, отражающих восприятие человеком реальности, определенным образом (через отношения между отдельными концептами) структурируется и вписывается в организацию текста как его концептуально-смысловой уровень. Организация концептуальных смыслов в СТ строится непосредственно вокруг концепта СМЕХ, определяемого в качестве ядерного для текстов рассматриваемого типа.

Рассматривая историю вопроса, отметим, что термин «концепт» является наиболее распространенным и актуальным для большинства современных лингвистических исследований. Так, ученые-лингвокультурологи (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и др.) под концептом понимают «сложное и многокомпонентное образование», имеющее прямую связь с сознанием и культурой народа. Ю.С. Степанов называет концепт ментальным образованием, состоящим «из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» (Степанов, 1997, с. 40). Исследователи-когнитивисты (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, <...> представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества» (Попова, Стернин, 2007, с. 34). Среди отечественных ученых не существует единого мнения относительно классификации и структуры концептов. Наиболее распространенной среди исследователей принято считать классификацию концептов, предложенную З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. Исследователи выделяют такие виды концептов, как *представления, схемы, понятия, фреймы, сценарии и гештальты* (Попова, Стернин, 2002, с. 72–73).

Концепт СМЕХ представляет собой значимый концепт, входящий в языковую картину мира любого этноса. Вопросами изучения концепта СМЕХ в разное время занимались Ю.А. Кузнецов, С.А. Попова, М.С. Ротова и др., которые отмечали высокую метафоричность выражения, образность в передаче семантики и этноспецифичность как обязательное свойство данного концепта. Концепт СМЕХ характеризуется наличием универсальных (общечеловеческих) и национально-обусловленных смыслов, а также связан со спецификой картины мира конкретной языковой личности, своеобразием ее идиостиля и идиолексикона. Дискурсивная обусловленность концепта СМЕХ позволяет считать его «концептом-сценарием», определяемым как «последовательность нескольких эпизодов во времени; стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» (Попова, Стернин, 2002, с. 74). С.А. Попова, внимание которой сосредоточено на исследовании специфики функционирования ментальной структуры СМЕХ в русском и английском языках, выделяет такие сценарные составляющие концепта СМЕХ, как субъект, объект, каузатор (причина) смеха, взаимоотношения между субъектом и объектом, оценочный компонент, эмоциональный компонент (Попова, 2015, с. 235).

Исследование лингвоаксиологических характеристик сценария СМЕХ в СТ подразумевает использование метода аксиологического анализа языкового материала. С.Г. Павлов отмечает, что целью аксиологического анализа языковых единиц является «реконструкция аксиосферы национальной языковой картины мира и аксиосфер различных социальных групп и идиолектов» (Павлов, 2013). Фундаментальными для аксиологического анализа являются понятия «оценка» и «ценность». По мнению С.Г.

Павлова, ценность – это «положительная или отрицательная значимость экстралингвистического факта (предмета, процесса, события, идеи, чувства, ощущения и т.п.) для конкретного человека, социальной группы или народа» (Павлов, 2013). В монографии «Функциональная семантика оценки» Е.М. Вольф определяет оценку как «один из видов модальности, особенностью которого является присутствие субъективного фактора» (Вольф, 2002, с. 11). Оценка всегда субъективна, поскольку, как отмечает Н.Д. Арутюнова, человек оценивает только то, что ему нужно (Арутюнова, 1988, с. 73). К основным языковым способам выражения оценки и аксиологической позиции говорящего исследователи относят оценочную лексику, однако, поскольку экспрессивно-оценочные возможности языка не ограничены, ценностную ориентацию говорящего возможно исследовать и в текстах, эксплицитное выражение оценки в которых не представлено. Традиционно систему аксиологического оценивания представляют на шкале «отрицательно (–) – нейтрально (0) – положительно (+)», т.е. оценивание того или иного понятия или явления происходит с точки зрения «их способности (положительная аксиологическая значимость) или неспособности (отрицательная аксиологическая значимость) отвечать потребностям и запросам носителя языка» (Андрюхина, 2010, с. 55). Исследование эксплицитно или имплицитно представленной в тексте системы ценностей автора позволяет делать выводы об его представлениях о норме и отступлениях от нее и причинах создания подобных ситуаций.

Рассмотрим лингвоаксиологические характеристики сценария СМEX на примере аксиологического анализа миниатюры М.М. Жванецкого «Новые времена, или Игра "Что? Где? Когда?»,». Выбор материала и автора обусловлен репрезентативностью творчества писателя в контексте аксиологического исследования сценария СМEX. Изучению языковых механизмов комического в творчестве М.М. Жванецкого посвящены исследования С. Бичак, А.С. Трач, Г.Г. Фефеловой. Наиболее пристальное внимание в работе будет обращено на оценочный компонент сценарной составляющей концепта СМEX.

Работы А.С. Трач посвящены изучению творчества М. Жванецкого в жанровом и прагмалингвистическом аспектах. Исследователь отмечает, что для текстов этого автора характерен синкретизм форм комического: сатиры и юмора, лирики и сатиры, иронии и сатиры. В центре внимания С. Бичак и Г.Г. Фефеловой находятся языковые механизмы создания комического в юмористической прозе М. Жванецкого. Новизна данного исследования состоит в том, что сатирическая проза М. Жванецкого рассматривается с точки зрения ее концептуально-смысловой организации.

Сатирическая миниатюра «Новые времена, или Игра «Что? Где? Когда?»,» относится к так называемым трактатам М. Жванецкого, созданным в период с 2000 по 2015 год. Примечательно название текста, содержащее два варианта наименования изображаемой эпохи – «Новые времена» и «Игра «Что? Где? Когда?». Вторая часть названия выполняет роль пояснения, которая эксплицитно относит адресата текста к одноименной телевизионной игре, а имплицитно ассоциируется с необходимостью всегда быть начеку и предвосхищает предмет авторского изображения.

Основным языковым приемом данной миниатюры является прием контраста. Так, миниатюра начинается с фразы «*Время наступило очень бодрое, молодое. Время, когда можно все*» (Жванецкий), однако последующие строки содержат отрицание постулируемой в начале текста свободы: «*Кроме следующего. Не доверять никому. Не откликаться на свое имя. Не оборачиваться на свист. Не открывать дверь на звонок. Не откликаться на стук. Гостей сверять по документам. Документам не верить. Газетам не верить. Смешному не доверять. От грустного не плакать*». Комический эффект создается за счет бисоциативного построения текста, когда один ассоциативный контекст резко сменяется другим (Koestler, 1964). Такое контрастное построение текста обеспечивает не только реализацию комического эффекта, но и вскрывает имплицитно

представленную авторскую оценку изображаемого. Главным объектом смеха автора в данной миниатюре является современное ему время. Антиномия «можно всё» и следующий за ней список запрещенных действий свидетельствуют о резко негативной авторской оценке изображаемой действительности. Понятие свободы, общепринято имеющее положительную аксиологическую значимость, рассматривается автором миниатюры шире – как вседозволенность, и, вследствие этого, приобретает отрицательную аксиологическую значимость в рамках анализируемого текста. Кроме того, завершающая список запрещенного фраза «от грустного не плакать» актуализирует оценочный компонент сценария СМЕХ, содержащий отрицательное отношение автора к изображаемому. Посредством применения приема градации автор акцентирует внимание адресата на мнимости предоставленной ему свободы, вызывая чувство безнадежности от превалирования запретов над дозволенным.

Создание комического эффекта и реализация оценочного компонента сценария СМЕХ обеспечивается и использованием автором приема абсурда и гротеска. Так, в контексте «К тому, кто вам скажет: «Я хочу вам сделать подарок ко дню рождения», не поворачиваться спиной. Отойти на шаг, взять камень. Стать спиной к стене, шипеть: «Документы предъяви, гад...» Документам не верить...» [16], имеющем повелительно-постулирующий характер, абсурдность создается путем предъявления неадекватной реакции на фразу, которая в обыденном сознании оценивается положительно. В подобной форме строится и последующая часть миниатюры: «При повторной фразе «Я все-таки хочу вам подарить ко дню рождения...» бить камнем... И опять рвать когти, метаться, громко звать милицию. При появлении милиционеров бежать еще быстрее и дальше, петлять между деревьями – они могут стрелять... Вам отвечать на огонь не надо – лучше молчать» (Жванецкий). Такая организация текста репрезентирует авторскую систему ценностей, а также реализует прагматический эффект СТ: с целью воздействия на картину мира адресата автор обличает собственные ценности в форму комического и преподносит их в гротесковой форме. Интересна также фраза «Вам отвечать на огонь не надо – лучше молчать», поскольку она реализует резкое негативно-сатирическое отношение автора к поведению обывателей в присутствии представителей власти – милиционеров. С точки зрения автора, способность доверять людям, умение отстаивать свою позицию – важные аксиологические категории, которые, по его мнению, не свойственны людям изображаемого им периода русской истории.

Прием синтаксического параллелизма, довольно часто используемый М. Жванецким в своих миниатюрах (подробнее об этом см.: (Жукова, 2022)) усиливает репрезентацию авторской негативной оценки: «В аптеку заходите осторожно. Лекарства надо тут же пробовать, чтобы не было фальшивых. Если стало плохо – все в порядке»; «Если видите надпись «Китайский ресторан», идите смело, там подадут то, к чему вы привыкли с детства» (Жванецкий). Оценочная составляющая сценария СМЕХ сдвигается в область негативно-сатирической оценки изображаемого, которая связана в первую очередь с несоответствием аксиологической системы автора с ценностными ориентациями изображаемого им общества начала XXI века. Негативную оценку изображаемого усиливает и завершающая миниатюру фраза «Названия, конечно, у них свои – по-сычуаньски, по-кантонски, по-пекински, но это будет тот суп, и тот борщ, и то жаркое, и те макароны по-флотски, на которых с детства держится ваша гордость и независимость» (Жванецкий). Приведенный контекст имеет бисоциативное построение, что создает комический эффект, однако осуждающий тон и высмеивание факта отсутствия у изображаемого автором общества реального, с его точки зрения, чувства независимости и самости снова сдвигает акцент в область негативной оценки. Автор акцентирует внимание адресата на компилятивном характере культуры современного ему общества и изображает в конце миниатюры неприглядный и безрадостный, по его мнению, финал: «Все мы будем китайцами рано или поздно... Но перед тем как влиться в великий

китайский народ, надо выжить в этом» (Жванецкий). Регулятивная функция СТ реализуется в данном контексте в полной мере: за констатирующим тоном автора скрывается стремление воздействовать на адресата, погрузить его в процесс рефлексии и изменить его систему ценностей.

Миниатюра М.М. Жванецкого «Новые времена, или Игра "Что? Где? Когда?»,» построенная в форме трактата и рассказывающая о том, как выжить в современной автору эпохе, констатирует наличие у изображаемого общества начала XXI века свободы, имеющей положительную аксиологическую значимость в общем, но не вызывающей авторской положительной оценки. Авторская интенция реализована в форме СТ, главной характеристикой которого является мощная регулятивная функция. ИмPLICITно представленная авторская негативно-сатирическая оценка реализуется путем смещения оценочного компонента сценария СМЕХ из области положительной аксиологической значимости в область отрицательной с целью изменения картины мира адресата. Языковыми средствами репрезентации аксиологической системы автора являются приемы синтаксического параллелизма, градации, абсурда и гротеска.

Таким образом, анализ оценочного компонента сценарной составляющей концепта СМЕХ в сатирической миниатюре М. Жванецкого «Новые времена, или Игра «Что? Где? Когда?»» позволяет сделать вывод о том, что главной аксиологической характеристикой концепта СМЕХ в СТ является смещение акцента на негативно-сатирическую оценку автора изображаемых явлений действительности с целью изменения картины мира адресата, что находит свое закономерное отражение в языковой организации текста. Языковая организация СТ выдвигает на первый план авторскую систему ценностей, которая не совпадает с универсальной и национально-коллективной аксиологическими системами, хотя и базируется на них, что позволяет говорить о превалировании в СТ оценочного компонента концепта СМЕХ над остальными сценарными составляющими.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
3. Кузина О.А. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа Украины в англоязычных средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2019. – 161 с.
4. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е.Ф. Серебрянниковой. М.: Тезаурус, 2005. – 352 с.
5. Коцюбинская Л.В., Кузина О.А. К вопросу об аксиологии в лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 7. № 1. С. 59–66.
6. Павлов С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/390/366> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Философская энциклопедия: в 5-х т / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://endic.ru/enc_philosophy/Satira-6863.html (дата обращения: 20.08.2022).
8. Жукова Е.Ю. Сатирические тексты: к вопросу определения категориальных и дифференциальных жанровых свойств / Наука и образование: материалы XXIV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых учёных (14-22 апреля 2022 г.): в 3 т. – Т. 1: Филология и филологическое образование. Актуальные вопросы теории и практики преподавания истории и права / науч. ред.: Н.С. Болотнова, Т.В. Галкина [и др.]. Томск: ТГПУ, 2022. С. 159–165.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. М.: Истоки, 2002. 191 с.

12. Попова С.А. Образная и сценарная составляющие ментальной структуры «смех» в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 232–238.
13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УССР, 2002. 280 с.
14. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
15. Андрухина М.С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры // Мир науки, культуры, образования. – Вып. 3. Горно-Алтайск, 2010. С. 54–58.
16. Жванецкий М.М. Новые времена, или Игра «Что? Где? Когда?». Т. 5. Двадцать первый век [Электронный ресурс]. URL: <http://odesskiy.com/zhvanetskiy-tom-5/novye-vremena-ili-igra-chto-gde-kogda.html> (дата обращения: 08.09.2022).
17. Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson, 1964. 751 p.

УДК 81'33

**Здорова Н.С.,^{1,2} Гриднева Е.М.,¹ Иваненко А.А.,¹
Грабовская М.А.,¹ Макарова П.С.,¹ Ладинская Н.С.¹**

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия*

² *Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия*

База русских идиом: нормирование психолингвистических параметров (предварительные результаты)

Исследование выполнено при поддержке конкурса проектов студентов и аспирантов факультета гуманитарных наук ВШЭ 2021-2022 гг.

Аннотация. Настоящее исследование посвящено созданию Базы Русских Идиом (БРИ), которая рассматривается как необходимый инструмент для контролирования экспериментального материала в (психо)лингвистических исследованиях русской идиоматики. БРИ включает следующие объективные, то есть внешне доступные для описания параметры 376 идиом: частотность, синтаксическую структуру и длину. Кроме того, БРИ содержит субъективные рейтинги таких психолингвистических параметров, как встречаемость, знакомость и буквальность, подсчитанные на основании опроса 130 взрослых носителей русского языка. В данной работе представлены предварительные результаты нормирования перечисленных параметров, сбор данных продолжается. Также ведётся работа над нормированием параметра предсказуемости идиомы, который наравне с другими параметрами будет включён в финальную версию БРИ.

Ключевые слова: идиоматика, фразеология, русский язык, экспериментальный материал, контролирование стимулов.

Введение

Под идиомой понимается выражение, значение которого не выводится из значения составляющих его компонентов и которое функционирует в языке и речи как самостоятельная единица (Abel, 2003; Hornby et al., 1999; Irujo, 1986). Основная трудность исследования идиом заключается в большом разнообразии идиоматических выражений по структуре, семантике, длине и их функционированию в речи (изменяемость, дополняемость и пр.). Разработанные для русского языка классификации идиом В.В. Виноградова (Виноградов, 1977) и Н.М. Шанского (Шанский, 1985) опираются частично

на семантический, а частично на морфологический принцип. Однако сами описания классификаций охватывают лишь малую часть идиоматических выражений русского языка и, вместе с тем, не содержат строгих формальных параметров, опираясь на которые можно с лёгкостью отнести не упомянутые в классификации идиомы в ту или иную категорию. Более того, психолингвистические исследования языковой обработки и, в частности, обработки идиом показывают важность таких психолингвистических параметров, как частотность, буквальность (или фигуративность), известность носителям (Cronk et al., 1993; Glass, 1983). Подобное нормирование и описание идиом существует для английского и немецкого языков (Beck & Weber, 2016, 2020; Libben & Titone, 2008), однако идиомы русского языка ранее не были описаны с данной точки зрения, в то время как вопросы изучения русских идиом остаются актуальными (Gridneva, 2018; Gridneva et al., 2022; Kopotev et al., 2020).

Таким образом, настоящее исследование ставит своей целью закрыть эту лакуну путём создания нормированной *Базы Русских Идиом* (БРИ) с приведением их психолингвистических параметров. Параметр встречаемости означает то, как часто носитель языка, на его субъективный взгляд, встречает в жизни ту или иную идиому. Предположительно, встречаемость коррелирует с частотностью. Однако мы не ограничивали поиск по частотности временем создания текстов и/или жанрами, в связи с чем параметр встречаемости - это скорее субъективная мера частотности среди носителей современного русского языка. Знакомость идиомы означает то, насколько легко участник может объяснить значение идиомы. Наконец, буквальность означает степень, с которой можно использовать идиому в её прямом, то есть буквальном значении. В данной работе представлены промежуточные результаты создания базы: подсчёт частотности и длины, описание синтаксических структур, а также предварительные результаты опроса взрослых носителей русского языка для нормирования встречаемости, знакомости и буквальности.

Метод

Для создания БРИ были отобраны 376 идиом из словаря русской идиоматики (Баранов, 2009), которые не содержали пометы *жарг.*, *сниж.*, *журн.*, *книжн.*, *совет.*. Таким образом, БРИ состоит из идиом, употребление которых не ограничено определенной сферой. Частотность идиом была подсчитана на основе двух корпусов: Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru) и SketchEngine (подкорпус ruTenTen11, <https://www.sketchengine.eu/>) и считалась как общее количество вхождений в корпусе, а также как количество вхождений на миллион. Далее идиомы были размечены по структуре. Наконец, для каждой идиомы была подсчитана длина в словах и символах.

Для сбора нормативных значений встречаемости, знакомости и буквальности был проведён опрос взрослых носителей русского языка ($N = 130$, 103 женщины, 24 мужчины и 3 с ответом “иное”, диапазон возрастов 19-75, $M_{age} = 31.19$, $SD_{age} = 11.13$). Для удобства проведения опроса идиомы были разделены на четыре экспериментальных листа по 94 идиомы в каждом. Листы были сбалансированы по структуре идиом. Распределение участников по экспериментальным листам было следующим: 34 человека на 1 лист, 33 на 2 лист, 37 на 3 лист и 26 на 4 лист соответственно). Среднее количество лет образования составило 16.42 лет (в диапазоне 9-21, $SD = 2.16$), 46% участников имели лингвистическое образование и 96.9% владели как минимум одним иностранным языком (из них подавляющее большинство владело английским языком — 91.5%). По месту проживания 0.8% участников пришлось на село, 2.3% - на посёлок городского типа, 25.4% проживали в городе с населением меньше одного миллиона и 71.5% участников проживали в городе-миллионнике.

Опрос проводился онлайн на платформе Google forms. Встречаемость, знакомость и буквальность идиом оценивались участниками по 7-балльной шкале от 1 до 7. Инструкции для оценки каждого параметра приведены ниже.

Встречаемость: “Для каждого выражения в этом разделе вам нужно оценить, как часто вы видели или слышали выражение, независимо от того, знаете ли вы, что оно означает. Поставьте свои оценки по шкале от 1 до 7, где 1 - никогда не видел(а)/слышал(а), 7 - часто вижу/слышу”.

Знакомость: “Оцените те же выражения по шкале от 1 до 7, в зависимости от того, насколько хорошо вы знаете их значение. Оценка 1 будет означать, что вы абсолютно не представляете, что означает это выражение, 4 — что вы вполне уверены в том, что оно означает, а 7 — что вы на 100% уверены в значении и можете легко передать значение своими словами.”

Буквальность: “Для каждого выражения мы просим вас сделать суждение о буквальности. Хотя все идиомы имеют образную интерпретацию, только некоторые из них имеют правильно сформированное буквальное значение. Например, идиома «белая ворона» в переносном смысле означает «отличающегося от общества человека», а буквально — ворону белого цвета. Однако идиома «чесать языками», которая в переносном смысле означает “болтать, сплетничать”, не имеет столь же ясного буквального значения (если вообще имеет) по сравнению с «белой вороной» (например, неясно, что означает буквально чесать языком).

Ваша задача при оценке этих выражений состоит в том, чтобы решить, возможно ли буквальное понимание, и если да, то насколько оно возможно по 7-балльной шкале. Оценка 1 будет означать, что идиома определенно не имеет какой-либо возможной буквальной интерпретации (чесать языками). Оценка 7 будет означать, что идиома определенно имеет четкую и хорошо построенную буквальную интерпретацию (белая ворона), которая вполне адекватна. Промежуточные значения шкалы должны отражать ваши суждения о возможности появления этих выражений в прямом значении.”

Предварительные результаты

Средняя частотность идиом на миллион по НКРЯ составляет 0.74 (диапазон 0.003-13.73, SD=1.53), по SketchEngine — 0.29 (диапазон 0.0001-13.09, SD=0.83). Пример среднечастотной идиомы — *на вес золота* (с частотностью 0.74 по НКРЯ и 0.68 по SketchEngine); низкочастотных идиом: *кричать как полоумный*, *обагрить руки кровью*, *рёва-корова* (с частотностью ниже 0.00 по НКРЯ и SketchEngine); и высокочастотной идиомы — *рано или поздно* (с частотностью 13.73 по НКРЯ и 13.09 по SketchEngine).

По синтаксической структуре идиомы были распределены на 22 категории от 8 до 64 вхождений в каждой ($M = 17.09$, $SD = 13.98$). Категории выделялись по типу вершины идиомы. Например, *деваться некуда* — глагольная группа, *белая ворона* — именная группа, *вверх тормашками* — адвербиальная, *до упаду* - предложная группа и т.д. Крупные категории были разбиты на более мелкие: например, глагольная группа включает 12 подкатегорий в зависимости от типа дополнения (прямое или косвенное), от падежа и предлога. Подробное описание каждой синтаксической категории с примерами и количеством вхождений размещено в открытом доступе на платформе [OSF](#).

Длина идиом, подсчитанная в словах, варьирует от 1 до 5 слов ($M = 2.75$, $SD = 0.79$), в символах (включая буквы, пробелы и знаки пунктуации) — от 6 до 30 символов ($M = 14.05$, $SD = 4.03$). Короткие идиомы, состоящие из одного слова, в базе встречаются 2 раза: *по-чёрному*, *худо-бедно*. Примерами идиом средней длины (2-3 слова) могут служить *дух захватывает*, *зарубить на носу*. Примерами длинных идиом являются *и на старуху бывает проруха*, *дать обе руки на отсечение*.

Средняя встречаемость идиом в базе составляет 5.17 ($SD = 0.88$), пример средневстречаемой идиомы — *вариться в собственном соку* (5.17). Диапазон встречаемости — от 2.24 (*пыль столбом*) до 6.91 (*разорвать в клочья*). Средняя знакомость составила 6.41 ($SD = 0.51$), пример такой идиомы — *отслужить своё* и охватывает диапазон от 3.71 (*пыль столбом*) до 6.97 (*пропащая душа*). Средняя буквальность составила 4.33 ($SD = 1.4$), пример идиомы с близким рейтингом — *идти на*

поводу (4.38). Диапазон буквальности — от 1.58 с идиомой *на седьмом небе* и до 6.8 с идиомой *стоять горой*. Описательные характеристики всех перечисленных параметров сведены в Таблицу 1. База русских идиом на этапе разработки к сентябрю 2022 г. доступна в открытом доступе на платформе [OSF](#).

Таблица 1. Описательные характеристики частотности (число вхождений на миллион по двум корпусам), длины (в символах и словах), встречаемости, знакомости и буквальности.

	НКРЯ _ipm	SE_ipm	Len_sym	Len_w	Встречаемость	Знакомость	Буквальность
Mean	0.78	0.33	14.94	2.75	5.15	6.39	4.31
Median	0.25	0.08	14.50	3.00	5.24	6.58	4.34
SD	1.67	1.06	4.12	0.80	0.92	0.61	1.41
Min	0.00	0.00	4.05	0.79	0.88	0.51	1.40
Max	13.73	13.09	30	5	6.91	6.97	6.80

Примечание: НКРЯ_ipm — частотность идиомы на миллион в Национальном корпусе русского языка, SE_ipm — частотность идиомы на миллион в корпусе Sketch Engine, Len_sym — длина идиомы в символах, Len_w — длина идиомы в словах.

Выводы и заключение

Настоящее исследование ставило своей целью создание базы русских идиом (БРИ) с описанием психолингвистических параметров, важных при контроле экспериментального материала в исследованиях русской идиоматики. В данной работе были описаны предварительные результаты создания базы из 376 идиом, а именно подсчитаны такие параметры идиом, как частотность по двум корпусам и длина идиом в словах и символах. Также все идиомы были размечены по синтаксическим категориям, выделенным по синтаксической вершине. На основании опроса взрослых носителей русского были подсчитаны предварительные нормативные значения для параметров встречаемости, знакомости и буквальности.

БРИ сопоставима с аналогичными базами идиом на английском и немецком языках (Beck & Weber, 2016, 2020; Libben & Titone, 2008), однако её отличает наличие разметки по синтаксическим категориям. По аналогии с зарубежными базами в БРИ войдут также нормативные данные по параметру предсказуемости идиомы. Предсказуемость покажет процент респондентов, которые смогли закончить выражение как существующую идиому. Кроме того, будет учтено, с какого именно слова в идиоматическом выражении наибольшее число участников заканчивало её корректно. Сбор данных продолжается и будет закончен при достижении 100 участников на каждый экспериментальный лист. Такое распределение позволит обоснованно назвать данные базы нормативными и репрезентативными. Стоит отметить, что БРИ имеет широкое практическое применение и может быть ресурсом как для психолингвистических экспериментов, так и для исследований в области корпусной и компьютерной лингвистики.

Литература

1. Abel, B. English Idioms in the First Language and Second Language Lexicon: A Dual Representation Approach // *Second Language Research*. 2003. Vol. 19. P. 329–358. <https://doi.org/10.1191/0267658303sr226oa>
2. Beck, S. D., & Weber, A. Bilingual and Monolingual Idiom Processing Is Cut from the Same Cloth: The Role of the L1 in Literal and Figurative Meaning Activation // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. P. 1350. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01350>

3. Beck, S. D., & Weber, A. Context and Literality in Idiom Processing: Evidence from Self-Paced Reading // Journal of Psycholinguistic Research. 2020. Vol. 49(5). P. 837–863. <https://doi.org/10.1007/s10936-020-09719-2>
4. Cronk, B. C., Lima, S. D., & Schweigert, W. A. Idioms in sentences: Effects of frequency, literalness, and familiarity // Journal of Psycholinguistic Research. 1993. Vol. 22 (1). P. 59–82. <https://doi.org/10.1007/BF01068157>
5. Glass, A. L. The comprehension of idioms // Journal of Psycholinguistic Research. 1983. Vol. 12(4). P. 429–442. <https://doi.org/10.1007/BF01067624>
6. Gridneva, E. Lexical Knowledge in Heritage Russian: Linguistic and Cultural Aspects // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Universitat de Barcelona, 2018. P. 571–579.
7. Gridneva, E., Grabovskaya, M., Ivanenko, A., Zdorova, N., & Ladinskaya, N. The Processing of Russian Idioms in Heritage and L2 Russian Speakers. 2022 (in press).
8. Hornby, A. S., Crowther, J., Kavanagh, K., & Ashby, M. Oxford advanced learner's dictionary of current English. Oxford University Press. 1999
9. Irujo, S. A piece of cake: Earning and teaching idioms // Elt Journal. 1986. Vol. 40. P. 236–243. <https://doi.org/10.1093/elt/40.3.236>
10. Kopotey, M., Kisselev, O., & Polinsky, M. Collocations and near-native competence: Lexical strategies of heritage speakers of Russian // International Journal of Bilingualism. 2020. 1367006920921594. <https://doi.org/10.1177/1367006920921594>
11. Libben, M. R., & Titone, D. A. The multidetermined nature of idiom processing // Memory & Cognition. 2008. Vol. 36(6). P. 1103–1121. <https://doi.org/10.3758/MC.36.6.1103>
12. Баранов, А. Н. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. 2009
13. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. 1977. P. 140–161.
14. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 'Русский язык и литература' (3rd ed.). Москва - Высшая школа. 1985

УДК 811

Исаева И.П.

*Алтайский государственный педагогический университет,
г. Барнаул, Россия*

Аналогичные смыслы в межъязыковой передаче коннотативного содержания (на примере сравнительных конструкций)

Аннотация. В статье рассматривается процесс межъязыковой передачи коннотативного содержания сравнительных конструкций через воссоздание аналогичных смыслов в пространстве иноязычного текста. Вопрос о сохранении тональности смыслового содержания, характерного для русской лингвокультуры, рассматривается на материале переводов романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Ключевые слова: смысл, значение, перевод, аналогия, аналогичные смыслы.

Перевод является сложно организованной когнитивной деятельностью человека, поскольку в процессе ее реализации происходит оперирование структурами знания, репрезентирующими схожие смыслы в двух различных языковых пространствах. Это предполагает создание смысловых корреляций между текстом оригинала и текстом перевода. Для соблюдения подобных корреляций переводчику необходимо «понимать не только общий контекст, но также имплицитный и эксплицитный замысел автора» (Плахотная, 2018, с. 11).

Очевидно, что речь идет о смысловой интерпретации исходного текста через призму личности переводчика. Человеческий фактор в трактовке процесса перевода с когнитивных позиций предполагает обращение к индивидуальному знанию как переводчика, так и участников коммуникации, что в целом задает вектор формирования смысла в двух языковых пространствах.

Таким образом, на этапе понимания исходного текста происходит «постижение его смысла на основе поиска концептуальных соответствий значений, заложенных в тексте, знаниям переводчика» (Зыкова, 2014, с. 20). Собственно на этапе перевода осуществляется сопоставление концептуальных образов, стоящих за текстами языка оригинала и языка перевода, на основе схожести их концептуальных структур. Значение в данном случае выступает инвариантным компонентом, репрезентирующим фактическое знание, при этом смысл сопряжен с представлениями знаний не только фактического, но и оценочного, а также культурно-ценностного характера. Следовательно, в сознании переводчика формируется множество гетерогенных смыслов, которые порождаются личностями субъектов межъязыковой коммуникации, языком и текстом, а также культурой. В этом аспекте суть перевода заключается в гармоничном переносе данной системы «гетерогенных эксплицитно-имплицитных смыслов» из пространства текста оригинала в пространство текста перевода (Кушникова, 2016).

Очевидно, что межъязыковая передача смыслов имеет ряд ограничений. Во-первых, это - объективные различия в бытийных фрагментах реальности, поскольку переводчик и автор текста принадлежат к разным культурам и разным социумам. Во-вторых, может наблюдаться «несовместимость «картин мира», создаваемых языком для отражения внеязыковой реальности» (Усачева, 2011, с. 132). В-третьих, сюда же относится вариативность семантики языковых единиц как фиксаторов смысла в разных языковых пространствах. Таким образом, при межъязыковой передаче смыслов может наблюдаться «асимметрия языковых и культурных систем» (Быкова, 2015). Именно поэтому можно говорить о создании не тождественной системы смыслов, а в большей степени – системы аналогичных смыслов, что предполагает интерпретацию описываемой ситуации с позиций родной и иноязычной культур через выявление схожих признаков в двух картинах мира.

В основе создания системы описанных смыслов лежит когнитивный механизм аналогии. Аналогия позволяет создавать ментальные конструкторы на основе текста оригинала и сопоставлять их, выявляя схожие элементы смысла, с концептуальными структурами в языке перевода. Здесь, главным образом, происходит поиск именно аналогичных смыслов в сопоставляемых образах и нахождение на конечном этапе соответствий со сходным содержанием. Аналогичные смыслы должны обеспечивать вхождение воссоздаваемого образа в иноязычную картину мира.

Генерирование аналогичных смыслов особенно важно при переводе сравнений, так как большинство из них имеет явно выраженный план коннотативного содержания, представленный в оригинале, например, в виде аллюзий, вызывающих культурно-нагруженные ассоциации.

Так, главный герой романа «Над пропастью во ржи» Холден Колфилд описывает свой танец с девушками следующим образом: *“I danced with them all - the whole three of them - one at a time. The one ugly one, Laverne, wasn't too bad a dancer, but the other one, old Marty, was murder. Old Marty was like dragging the Statue of Liberty around the floor. The only way I could even half enjoy myself dragging her around was if I amused myself a little”* (Salinger).

В данном примере очевидна отсылка к весу статуи Свободы – общий вес ее стальной конструкции составляет 125 тонн. Переводчик сохраняет сравнительную конструкцию с тем же концептуальным основанием, поскольку в культуре-реципиенте идентификация концепта «статуя Свободы» и его культурных коннотаций не порождает затруднений, вызывая в сознании адресата аналогичную оригиналу визуализацию: *«Я со всеми тремя перетанцевал по очереди. Одна уродина, Лаверн, не так уж плохо танцевала, но вторая,*

Марти, — убийственно. С ней танцевать — все равно что таскать по залу статую Свободы. Надо было что-то придумать, чтоб не так скучно было таскать ее» (пер. Р. Райт-Ковалевой).

Переводческое решение о сохранении исходного основания сравнения базируется на оценке степени совпадения доминантных понятийных признаков концепта в обеих лингвокультурах. В примере, приведенном ниже, отсылка к длине объекта построена через сравнение лодки с автомобилем марки «Кадиллак»: *“Then you'd pass by this long, long Indian war canoe, about as long as three goddam Cadillacs in a row, with about twenty Indians in it, some of them paddling, some of them just standing around looking tough, and they all had war paint all over their faces” (Salinger).* Отсылка к «кадиллаку» порождает аналогичные смыслы как в пространстве языка оригинала, так и в пространстве языка перевода, визуализируя образ через совпадающий доминантный признак: «“кадиллак” – длинный автомобиль». Данный признак является устойчивым в сознании представителей культуры-реципиента, поэтому воспроизводится в нескольких вариантах перевода: *«Потом мы проходили мимо длинной-предлинной индейской лодки - длинней, чем три «кадиллака», если их поставить один за другим. А в лодке сидело штук двадцать индейцев, один на веслах, другие просто стояли, вид у них был свирепый, и лица у всех раскрашенные» (пер. Р. Райт-Ковалевой) // «Потом проходили возле здорового такого, длинного военного каноэ, как три, на фиг, «кадиллака» в длину, и в нем штук двадцать индейцев: кто-то гребет, кто-то стоит просто и крутого изображает, а на мордах у всех боевая раскраска» (пер. М. Немцова).*

Часто используемые автором сравнения культурно-специфичны. В таком случае коннотативное содержание сравнений оригинала становится источником создания вариантов перевода, отражающих индивидуально-авторский поиск переводчиком элементов смысла по схожим ассоциациям, предполагающих их перенос по аналогии.

Рассмотрим следующий пример: *“You're goddam right they don't,” Horwitz said, and drove off like a bat out of hell” (Salinger).* Здесь автор описывает манеру езды водителя, используя сравнение *«drove off like a bat out of hell // умчался как летучая мышь из ада».* Анализ вариантов перевода позволяет проследить трансформацию исходных понятий, обуславливающую выбор переводческого решения с учетом аналогичных смыслов.

Р. Райт-Ковалева в своем переводе останавливается на следующем варианте: *«Ага! Значит, недохнут! — крикнул Горвиц и умчался как сумасшедший».* Сравнение «умчался как сумасшедший» является результатом соотнесения структур знаний двух лингвокультур с вычленением доминантной характеристики «скорость выполняемого действия», актуализированной в виде схожего по смыслу языкового решения с опорой на иной образ, легко воссоздаваемый в сознании реципиента. Отметим, однако, что за концептом «сумасшедший» в русскоязычном пространстве традиционно закреплены ассоциации отчасти бесконтрольного, неуправляемого поведения, часто имеющего иррациональный характер. В оригинале подобные коннотации отсутствуют, что может быть подтверждено зафиксированным в лексикографических источниках объяснением происхождения значения данной единицы: *Very quickly. Once all the bats were confined in Hell. They still have wings like the Devil. One day someone left the gate open and they quickly darted out and escaped to earth. // Очень быстро. Когда-то все летучие мыши были заточены в аду. У них все еще были крылья, как у Дьявола. Однажды кто-то оставил ворота открытыми, и они быстро выскочили и скрылись на земле (Dialect Notes).*

М. Немцову удается вычленить больше аналогичных смыслов: он сохраняет в переводе смысловые блоки «скорость совершения действия», «спасение бегством», отсылающие к этимологии исходного сравнения, и одновременно актуализирует сему «опасность», вписывающуюся в общий смысловой контекст диалога таксиста и главного героя: *«И ты, на фиг, прав – недохнет она, – говорит Хорвиц и тут же рвет с места, как чертом подпаленный».*

Несомненно, создавая собственные индивидуально-авторские сравнения, переводчик должен учитывать генерализованные смыслы, отсылающие к оценочным коннотациям в сознании представителей культуры реципиента. Выбор в пользу того или иного доминантного признака должен быть мотивирован стремлением сохранить оценочную модальность оригинала в тексте перевода.

Отметим, что иногда переводчик предпочитает использовать идентичные образы, даже при отсутствии устойчивых сравнительных конструкций в плане формального выражения в языке перевода: *They both laughed like hyenas at stuff that wasn't even funny. I didn't even enjoy sitting next to them in the movies (Salinger).* - *Они оба гоготали, как гиены, даже в несмешных местах. Мне и сидеть с ними рядом было противно (пер. Р. Райт-Ковалевой).* Подобный перевод можно считать допустимым, потому что отрицательная культурно-оценочная коннотация, закрепленная за понятием «гиена», усиливается за счет семантики глагола «гоготать», что в целом аналогично по смыслу устойчивому английскому сравнению *to laugh like hyenas – to laugh hysterically in a loud or foolish way*. В этом случае имеет место расщепленное восприятие признаков и их аналитическая обработка на когнитивном уровне в сознании переводчика с последовательным подбором аналогов: 1) *hyenas* - гиены; 2) *laugh hysterically and loudly* - гоготать.

Целостное восприятие описываемой ситуации, как правило, предполагает синтез доминантных смыслов, что фиксируется не в тождественных, но схожих образах, а также в устойчивых структурах, характеризующихся высокой степенью воспроизводимости в иноязычном пространстве: *Они оба ржут, как кони, даже когда не смешно. Мне с ними рядом противно даже сидеть* (пер. М. Немцова).

Аналогичные смыслы являются результатом лингвокреативной деятельности переводчика. Мастерство переводчика состоит в порождении именно таких смыслов, которые бы органично вписывались в иноязычную картину мира: они должны вызывать соответствующие культурные, эмоционально-оценочные коннотации через визуализацию в сознании адресатов типизированных образов. В противном случае, возникает нарушение корреляции между когнитивным пространством переводчика и когнитивным пространством адресата текста.

Например, в одном из вариантов перевода предложения *He still didn't hear me. He slept like a rock (Salinger)* - *Все равно не слышит. Дрыхнет, как бревно* (пер. М. Немцова) мы наблюдаем использование образа, который не находит должного отклика у адресата вследствие доминирования отрицательных эмоционально-оценочных коннотаций в русскоязычной культуре, связанных со словом «бревно»: «ноги как бревна», «безмозглый как бревно». Описываемая в оригинале ситуация предполагает доминанту иного смысла – «крепко спящий человек». Поэтому абсолютно оправданным можно считать использование в переводе Р. Райт-Ковалевой устойчивого сравнения: «*Он ничего не слышал. Спал как убитый*». Данное сравнение позволяет максимально сохранить авторское звучание оригинала за счет экспликации аналогичного смысла в пространстве русскоязычного текста.

Литература

1. Плахотная Ю.И. Понимание как когнитивная основа процесса перевода // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2018. №3(63). С. 10 – 16.
2. Зыкова С.А. Когнитивные стратегии в переводческом процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №6(335). С. 19 – 21.
3. Кушникова Л.В. Когнитивные механизмы перевода / Л.В. Кушникова, А.И. Криворучко, А.О. Ушакова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №3(48). С. 85 – 95.
4. Усачева А.Н. Перевод: от лингвистической теории к когнитивной модели // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание. 2011. №1(13). С. 131 – 137.

5. Быкова И.А. Специфика когнитивных процессов в условиях перевода и межкультурной коммуникации // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. №1. С. 28 – 35.

6. [Dialect Notes](https://archive.org/stream/dialectnotes03newhuoft/dialectnotes03newhuoft_djvu.txt) (Volume III, Part V, 1909). URL: https://archive.org/stream/dialectnotes03newhuoft/dialectnotes03newhuoft_djvu.txt (дата обращения: 15.08.2022).

УДК 81-11

Каменова В.А., Морозова И.С., Белогай К.Н.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

К вопросу об исследовательском потенциале когнитивного подхода в изучении этнической идентичности коренных малочисленных народов юга Западной Сибири

***Аннотация.** Статья посвящена изучению значимости проблемы определения факторов становления этнического самосознания и этнической самоидентификации малых коренных народов юга Западной Сибири. Представлен обзор научных работ, посвященных представителям шорской и телеутской национальностей, рассмотрены актуальные направления исследований XIX–XXI вв. Указаны современные тенденции исследований этнической идентичности. Обозначена актуальность и теоретическая ценность когнитивного подхода для описания этнодифференцирующих факторов.*

***Ключевые слова:** этническое самосознание, этническая самоидентификация, коренной малочисленный народ, шорцы, телеуты.*

Введение

На Дальнем Востоке, Севере и в Сибири России представлено множество коренных малочисленных народов. Сибирь – территория России с богатым этническим составом, на которой проживают такие малочисленные народы, как селькупы, ханты, эвенки, долганы, кеты, нганасаны, ненцы, чулымцы, энцы, тофалары, кумандинцы, шорцы, телеуты, тувинцы-тоджинцы.

Этническое разнообразие страны всегда было под пристальным вниманием ученых гуманитарного направления. Философско-мировоззренческие аспекты жизни и деятельности представителей малочисленных коренных народов Сибири до сих пор остаются среди актуальных и значимых вопросов современных научных изысканий краеведов, культурологов, философов и лингвистов по ряду причин. Как пишет Б.Ф. Чечет, некоторые малочисленные народы Сибири «уже потеряли или теряют свой язык, родные религиозные верования, обрядовые, хозяйственные и семейные традиции» (Чечет 2016, с. 296). Именно поэтому изучение малых коренных народов актуально и значимо для идентичности нации.

Научные исследования, посвященные шорцам

Из всех малочисленных народов, проживающих на юге Западной Сибири, шорцы чаще всего попадают в фокус научных исследований. Работы, связанные с данным народом, относятся ко всем сферам социально-гуманитарного блока научных исследований. Этнографы, краеведы, культурологи, социологи и антропологи тщательно анализируют процессы этнической консолидации шорцев, описывают их традиции и уклад, уделяют внимание аллоэтнонимам и эндоэтнонимам, исследуют значимые аспекты, связанные с

этногенезом данного этноса и мн. др. Первые научные работы, посвященные исследованию шорцев, датируются XVIII в. (Миллер, 1750, с. 417–438) и не теряют актуальности и в настоящее время. Широко известны работы В.В. Радлова (Радлов, 1994), В. И. Вербицкого (Вербицкий, 1871), разрабатывавших данную проблематику в XIX в., и работы современников: А.В. Анохина (Анохин, 1994), Л.С. Бориной (Борина, 2007; 2012), В.М. Кимеева (Кимеев, 1982; 1984; 2014; 2016б) и др.

До сих пор остаются актуальными вопросы этнической идентичности и этнодифференцирующих факторов. Л.С. Борина аргументированно выделяет в числе таких факторов язык, особенности поведения, обычаи и обряды (Борина, 2007). Приводятся как аргументы, подтверждающие утрату данным этносом своей национальной идентичности, так и аргументы, свидетельствующие об обратном. В своей работе О.В. Осипова и Е.Г. Маклашова отмечают утрату идентичности у представителей шорского этноса, а «негативное самовосприятие может быть связано со статусом "коренных малочисленных народов", который с одной стороны призван защищать интересы данной категории населения, с другой стороны зачастую навязывает им идеологию "приниженности и культурной уязвимости"» (Осипова, 2015, с. 537).

Т.И. Кимеева, С.Г. Родионов и П.В. Глушкова пишут о том, что предметы, характеризующие традиционные занятия, элементы костюма, предметы религиозных культов и народного искусства, оказались рассредоточенными по российским музеям и не выступают источниками развития национального самосознания (Кимеева, 2016).

Л.С. Борина отмечает у шорцев так называемую ситуативную самоидентификацию: у них, «как и у других малочисленных народов Сибири, распространена ситуативная самоидентификация: в русской среде определяют свою национальную принадлежность – как русские, в шорской среде – как шорцы» (Борина, 2012, с. 79). А социологический опрос жителей Кемеровской области показал, «что соблюдение большинства национальных традиций характерно лишь для четверти кузбассовцев» (Морозова, 2017, с. 22).

Помимо этнографов, краеведов, социологов и антропологов, шорцы вызывают научный интерес у филологов и литературоведов. Самые первые работы, посвященные изучению литературы шорцев, датируются XIX в. (Радлов, 1866; Штыгашев, 1894). В XX в. интерес к шорской литературе и языку не угас. В работе А. Кручиной читаем легенды шорского народа о Кузнецком крае и о священных реках Мрас-су и Кондоме (Кручина, 1930). В 1933 г. И.И. Тотышев публикует учебник шорского языка, уделяя особое внимание грамматике и правописанию (Тотышев, 1933), а Ф.С. Чиспияков издает шорский букварь для взрослых (Чиспияков, 1933). Спустя 7 лет опубликовано уже второе издание труда Г. Ф. Бабушкина по орфографии шорского литературного языка (Бабушкин, 1940). В это же время увидели свет работы Н.П. Дыренковой, в частности, посвященные шорскому фольклору (Дыренкова, 1940, с. 339–341). В конце XX в. выходит множество работ о топонимике Горной Шории и шорской лексике в целом (Абдрахманов, 1966; 1968; Бонюхов, 1966 и др.), ведутся активные исследования шорской фольклористики, анализируется становление шорского эпоса (Гельгардт, 1966; Функ, 1981; Чудояков, 1967; 1970 и др.). Не остается без внимания и шорский язык. Выходят в свет многочисленные работы по всем уровням шорского языка (Курпешко, 1985; Шавлова, 1986; Шенцова, 1986 и др.). В XXI в. прослеживается преемственность в филологических и литературоведческих исследованиях, работа по изучению шорской литературы и языка продолжается (Арбачакова, 2001; Зыкин, 2007; Косточаков, 2001; Резанова, 2020; Уртегешев, 2002 и др.). В настоящее время этническая самоидентификация шорцев, отраженная в их языковом сознании, стала привлекать ученых при проведении лингвокогнитивных исследований (Каменева, 2022). Данный подход позволяет получить новые данные о том, как шорцы воспринимают свой этнос или этносы, проживающие с ними на одной территории, устанавливать, как это фиксируется в их языковом сознании,

обратившись к самым глубинным пластам этнической идентичности личности. Иными словами, в рамках когнитивного подхода представляется возможным получить новую информацию об этническом самосознании и этнической самоидентификации представителей различных этносов.

Научные исследования, посвященные телеутам

Как показал обзор научной литературы, работы, посвященные исследованию национальной идентичности телеутов – второго малочисленного народа юга Сибири, также относятся ко всем сферам социально-гуманитарного блока научных исследований. Этнографы, краеведы, культурологи, социологи, антропологи, филологи и психологи уделяют пристальное внимание данному этносу, его языку, культуре, традиционным формам хозяйствования и т. д.

Ранние работы по обособленному изучению телеутов датируются началом XX в. В 1915 г. Г.М. Токмашев опубликовал материалы Томского общества Сибири по изучению этого этноса (Токмашев, 1915). В XX в. исследователи уделяли внимание мировоззрению телеутов, их представлениям о душе, своем роде, материнском и отцовском начале, роли шаманов (Анохин, 1929; Дыренкова, 1926; 1927; 1936), разным обрядовым традициям. Например, в своем исследовании А. Ефимова обращается к свадебным обрядам телеутов (Ефимова, 1926). В.Т. Сыркашева подробно описывает погребальные обряды бачатских телеутов (Сыркашева, 1977). Е.П. Батянова анализирует трансформацию религиозных обрядов телеутов (Батянова, 1990).

В настоящее время в фокусе научных исследований находятся вопросы сохранения традиций телеутов, их языка и культуры, осмысляются некоторые аспекты этногенеза. Например, Д.А. Функ и Е.П. Батянова обращаются к вопросам формирования и этнокультурной эволюции телеутов (Функ, 1992; 1993). Этой проблематике пристальное внимание уделяет и Л.И. Шерстова (Шерстова, 2008). В.М. Кимеев поднимает вопросы, связанные с изучением этнокультурных процессов у бачатских телеутов в настоящее время (Кимеев, 2016а). Н.Д. Ултургашева, Д.В. Новиков и И.Г. Ултургашева исследуют традиционность в жизни современных телеутов (Ултургашева, 2014).

Пристальное внимание социально-демографической ситуации этноса и традиционным формам природопользования телеутов уделяется в работах В.В. Поддубикова, М.В. Белозеровой, К.И. Осипова, А.Н. Садового (Поддубиков, 2013; Поддубиков, 2014).

В настоящее время этническая самоидентификация телеутов, отраженная в их этическом и языковом сознании, также стала привлекать ученых. Появляются работы, позволяющие выявить скрытую информацию о том, как себя воспринимают представители данного этноса. Выделим работы Л.А. Араевой, К.Д. Андроновой, А.Н. Зоболевой, Г.Е. Крейдлина, М.Н. Образцовой, А.В. Проскуриной и И.П. Фаломкиной, направленные на выявление, описание и систематизацию явлений телеутского языка и культуры в рамках когнитивного подхода (Араева, 2014а; 2014б; 2017). В похожем ключе современные психологи рассматривают этническое самосознание и самоидентификацию: Г.Н. Кригер и М.С. Яницкий излагают результаты исследований этнического самосознания телеутов. Согласно полученным данным, «ядро этнического мировоззрения телеутов составляют такие ценности, как здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, ответственность, воспитанность, аккуратность и чистоплотность, выступающие важнейшими регуляторами социального поведения» (Кригер, 2004, с. 46). Исследователи приходят к выводу, что «телеуты обладают эмоциональной приверженностью своему этническому статусу, их этническая идентичность обладает для них высокой личностной значимостью, воспринимается как личностная ценность» (Там же).

Выводы

Актуальность изучения проблематики становления и формирования этнической идентичности малочисленных народов юга Западной Сибири бесспорна. Несмотря на то,

что исследования этнического самосознания и этнической самоидентификации имеют богатую историю, данный научный объект обладает значительным научным потенциалом. Применение когнитивного подхода в различных областях научного знания позволяет получить новые данные об этнической идентичности представителей различных этносов. Данное утверждение подтверждается современными работами лингвистов и психологов.

На основе проведенного теоретического анализа считаем обоснованным подчеркнуть необходимость поиска новых подходов к исследованию хорошо изученных научных объектов в целях совершенствования методологии анализа, верификации и углубления уже имеющихся данных.

Литература

1. Абдрахманов М.А. Топонимия Горной Шории: шорские топонимические термины // Некоторые вопросы географии, экономики и культуры Кузбасса / ред. Р.Л. Яворский. Новокузнецк, 1966. С. 115–119.
2. Абдрахманов М.А., Чиспьяков Э.Ф. Заметки о шорской лексике: по материалам полевых записей 1963–1966 гг. // Ученые записки. Кемерово: Кемеровский гос. пед. ин-т, 1968. Вып. 14. С. 168–195.
3. Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. VIII. С. 253–269.
4. Анохин А.В. Кузнецкие инородцы Томской губернии // Шорский сборник: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: КемГУ, 1994. Вып. I. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. С. 49–64.
5. Араева Л.А., Крейдлин Г.Е., Проскурина А.В. Язык телеутов (работа по описанию языка коренного малочисленного народа России) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 288–292.
6. Араева Л.А., Образцова М.Н., Зоболева А.И. Фрагмент языковой картины мира телеутов (на материале фрейма «Шаманизм») // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014а. № 29-2. С. 121–126.
7. Араева Л.А., Фаломкина И.П., Андропова К.Д. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «Телеутская свадьба») // Сибирский филологический журнал. 2014б. № 4. С. 238–245.
8. Арбачакова Л.Н. Поэтика зачина шорских сказаний в исполнении кайчи В.Е. Таннагашева // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 3. С. 34–36.
9. Бабушкин Г.Ф. Орфография шорского литературного языка. 2-е изд., испр. Новосибирск: Новосибгиз, 1940. 28 с.
10. Батянова Е.П. Современная модификация традиционных религиозных представлений и обрядов телеутов // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич, З.П. Соколова. М.: ИЭА РАН, 1990. С. 132–149.
11. Бонюхов А.А. О топонимике Горной Шории // Некоторые вопросы географии, экономики и культуры Кузбасса / ред. Р.Л. Яворский. Новокузнецк, 1966. С. 120–125.
12. Борина Л.С. Этническое самосознание шорцев на современном этапе // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 7-1. С. 78–79.
13. Борина Л.С. Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 94–97.
14. Вербицкий В.И. Кочевья инородцев Кузнецкого округа по реке Томи, Мрассе и Кондоме // Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. Томск: Том. стат. ком., 1871. С. 242–249.
15. Гельгардт Р.Р. Рабочий фольклор и лингвистические аспекты его исследования // Гельгардт Р.Р. Избранные статьи: Языкознание. Фольклористика. Калинин: Моск. рабочий, 1966. С. 439–473.
16. Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР. 1927. Т. VI. С. 63–76.
17. Дыренкова Н.П. Отражение борьбы материнского и отцовского начала в фольклоре телеутов и кумандинцев // СЭ. 1936. № 6. С. 101–115.
18. Дыренкова Н.П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / ред. В.Г. Богораз и

Л. Я. Штернберг. Л.: Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. Вып. I. С. 247–259.

19. Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

20. Ефимова А. Телеутская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / ред. В.Г. Богораз и Л. Я. Штернберг. Л.: Издание Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926. Вып. I. С. 225–246.

21. Зыкин А.В. Полипредикативные конструкции актантажного типа в шорском эпосе (на примере сказаний «Алтын Сырык» и «Кан Перген») // Наука в вузе: современные тенденции: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 23–24 апреля 2007 г.) Новокузнецк: КузГПА, 2007. Т. 2. Филологические науки. С. 28–36.

22. Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В., Картавцева А.П. Этнические стереотипы в языковом сознании подростков шорской национальности // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 1. С. 111–117. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.13>

23. Кимеев В.М. Из истории национального строительства у шорцев // Молодые ученые Кузбасса: материалы к науч. конф. Кемерово, 1982. С. 86–88.

24. Кимеев В.М. Основные этапы формирования шорского этноса // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тезисы конф. Омск, 1984. С. 102–105.

25. Кимеев В.М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-3. С. 56–66.

26. Кимеев В.М. Современные этнокультурные процессы у бачатских телеутов // Алтай – Россия: через века в будущее: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай. (Горно-Алтайск, 9–12 июня 2016 г.) Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016а. Т. 1. С. 45–49.

27. Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? этнографические очерки. 2-е изд., доп. и перераб. Кемерово: КемГУ, 2016б. 254 с.

28. Кимеева Т.И., Родионов С.Г., Глушкова П.В. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 34. С. 148–158.

29. Косточаков Г.В. Шорская литература: прошлое, настоящее и будущее // Туган Чер (Родная земля). 2001. № 1. С. 5–8.

30. Кригер Г.Н., Яницкий М.С. Особенности этнического самосознания коренного малочисленного народа Сибири – телеутов // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 38–46.

31. Кручина А. Преданья старины глубокой // Охотник и рыбак Сибири. 1930. № 5. С. 58–64.

32. Курпешко Н.Н. Функции вспомогательного глагола ТУР в шорском языке // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: тез. докл. обл. науч. конф. по развитию современных сибирских языков в литературе. (Омск, 10–11 сентября 1985 г.) Омск: ОмГУ, 1985. С. 58–59.

33. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства, и всех произведших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сих времен. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1750. 510 с.

34. Морозова Е.А., Кочнева О.П., Сухачева А.В. Этническая идентичность кузбассовцев (по результатам социологического исследования) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 19–24.

35. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Особенности самоидентификации молодежи коренных малочисленных народов Севера // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 4. С. 537–548.

36. Поддубиков В.В., Осипов К.И. Коренные малочисленные этносы Кемеровской области: основные показатели социально-демографического развития по данным этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности / отв. ред. В.В. Поддубиков. Кемерово: Практика, 2013. С. 110–119.

37. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 360 с.

38. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. 1. Поднаречия Алтай: алтайцев, телеутов, и лебединских татар, шорцев, саянцев. СПб.: Тип. Акад. наук, 1866. 419 с.
39. Радлов В.В. Шорцы // Шорский сборник: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: КемГУ, 1994. Вып. I. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. С. 32–43.
40. Резанова З.И. Образ языка в дискурсах этнолингвистической и этнокультурной самоидентификации у современных сибирских шорцев // Interface. 2020. № 13. С. 97–120. <https://doi.org/10.6667/interface.13.2020.118>
41. Сыркашева В.Т. О плаче по покойному «сыгыте» у бачатских телеутов // Языки народов Сибири / под ред. проф. Е.И. Убрятовой. Кемерово, 1977. С. 123–126.
42. Токмашев Г.М. Телеутские материалы // Труды Томского общества Сибири. Томск, 1915. Т. 3. Вып. I. С. 62–96.
43. Тотышев И.И. Учебник шорского языка для начальной школы. Грамматика и правописание. Ч. 1. Первый и второй годы обучения. Новосибирск: Обл. изд-во, 1933.
44. Ултургашева Н.Д., Новиков Д.В., Ултургашева И.Г. Традиционность в повседневной жизнедеятельности современных телеутов (на примере д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 26. С. 75–85.
45. Уртегешев Н.С. Результаты исследования шумного консонантизма шорского языка (мрасский диалект) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 4. С. 16–21.
46. Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993. 325 с.
47. Функ Д.А. К вопросу о так называемом «шорском героическом эпосе» // Молодые ученые Кузбасса в 10-й пятилетке: тезисы докладов предстоящей науч.-практич. конф. Кемерово, 1981. Ч. 2. С. 246–247.
48. Функ Д.А., Батьянова Е.П. Телеуты. М., 1992. Вып. XVII. 270 с. (Материалы к сер. «Народы и культуры»).
49. Чечет Б.Ф. Малые народы Сибири: проблема сохранения идентичности // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2016. № 10. С. 296–300.
50. Чиспияков Ф.С. Шорский букварь для взрослых. Новосибирск: Обл. изд-во, 1933.
51. Чудояков А.И. К изучению быта в шорском эпосе // Ученые записки. Кемерово: Кемеровский гос. пед. ин-т, 1970. Вып. 24. С. 76–82.
52. Чудояков А.И. Развитие шорского эпоса в рамках эпического повествования // Материалы к предстоящей VIII науч. конф. Новокузнецкого пед. ин-та. Сер. филология. Новокузнецк, 1967. С. 10–12.
53. Шавлова Н.В. Длительность гласного основы в шорских дисиллабах // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / отв. ред. В.М. Надеяев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. С. 32–33.
54. Шенцова И.В. Функции вспомогательных глаголов в шорском языке // Социально-культурные процессы в советской Сибири: тез. докл. обл. науч. конф. по развитию современных сибирских языков и литературы. Омск, 1986. С. 52–56.
55. Шерстова Л.И. Томские «выезжие телеуты»: проблемы формирования и этнокультурной эволюции // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского: сб. тр. конф. (Барнаул, 4–6 декабря 2008 г.) Барнаул: БГПУ, 2008. С. 68–76.
56. Штыгашев И. Предание инородцев Кузнецкого округа о сотворении Мира и первого человека // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. XVII. Вып. 1. Омск, 1894. С. 1–12.

Косицина Ю.В.

КГПИ КемГУ, г. Новокузнецк, Россия

Конструкции наложения в аспекте тематической организации высказывания (на материале кузбасского региолекта)

Аннотация. В статье на материале разговорной речи жителей Кузбасса представлен анализ конструкций наложения в рамках тематической организации высказывания, предложена их классификация с точки зрения отнесенности к определенной теме и с точки зрения реализации варианта тематического развития.

Ключевые слова: разговорная речь, конструкция наложения, тематическая организация, тема, вариант тематического развития.

Конструкция наложения, являющаяся одной из ярких особенностей синтаксиса разговорной речи, имеет ряд отличительных признаков (Инфантова, 1973; Косицина, 2020; Лаптева, 1976; Русская разговорная речь, 1973; Харченко, 2010)¹.

1) Состоит из двух связанных между собою предикативных частей, объединенных общим членом (назовем его контаминантом), который является областью их взаимного наложения и синтаксически связывается с каким-либо членом каждой из частей. Две части конструкции, расположенные относительно контаминанта, обозначим как левую и правую стороны высказывания.

2) Общий член является информативным центром и интонационно оформляется понижением тона, при этом паузы после контаминанта не возникает, а правая сторона конструкции, как правило, произносится ускоренно.

Возникновение конструкций наложения связывают с различными причинами. Чаще такие высказывания обусловлены неподготовленностью разговорной речи: «Говорящий, начиная высказывание, часто не планирует его до конца, конец оказывается первоначально не заданным» (Русская разговорная речь, 1973, с. 341). Неподготовленность речи как причина появления конструкций наложения проявляется также в том случае, когда говорящий «не соизмеряет интонационную структуру и лексико-семантическое наполнение этой структуры» (там же). Появление конструкций наложения также объясняется характерным для устной речи стремлением к пояснению сказанного: «Истоком послужило... свойство устно-речевого построения совмещать в себе два предикативных комплекса при общепояснительном значении второго из них, а также свойство ассоциативного нанизывания членов, добавления в конце высказывания необходимого с точки зрения говорящего пояснения, отсутствовавшего в первоначальных коммуникативных установках высказывания» (Лаптева, 1976, с. 340).

А летом мы сидели всегда у нас на улице был стол²...

В примере объединяются две конструкции (*летом мы сидели всегда у нас на улице* и *всегда у нас на улице был стол*), областью наложения (контаминантом) которых являются обстоятельство времени *всегда* и обстоятельства места *у нас, на улице*.

В исследовании конструкций наложения можно выделить несколько взаимосвязанных направлений: структурное, коммуникативное, содержательное (тематическое). Структурный аспект предполагает рассмотрение конструкций наложения с точки зрения синтаксической

¹ Е.Н. Ширяев при описании данных конструкций использует термин «высказывания с интерференцией» (см. Русская разговорная речь: монография. – М.: Изд-во «Наука», 1973). В.К. Харченко относит конструкции наложения к явлению синтаксической контаминации (см. Харченко В.К. Современная повседневная речь: монография. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010).

² Пример взят из текстотеки кафедры русского языка и литературы КГПИ КемГУ.

функции и частеречной принадлежности общего члена, а также с точки зрения характера формально-грамматических связей контаминанта с левой и правой сторонами конструкции (Лаптева, 1976, с. 339–347; Русская разговорная речь, 1973). Коммуникативный аспект связан с анализом конструкций наложения с точки зрения текстопорождения, с выявлением причин и условий возникновения. Содержательный (тематический) аспект предполагает рассмотрение конструкций наложения в контексте тематической организации высказывания: с точки зрения тематической отнесенности и с точки зрения места в текстовом тематическом развитии.

Цель данной статьи – рассмотреть конструкции наложения в содержательном аспекте, представив их классификацию с точки зрения тематической организации. Материалом исследования послужили аудиозаписи живой разговорной речи жителей Кузбасса из аудиотеки кафедры русского языка и литературы Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета. Речь информантов записана в полутранскрипции с отражением всех особенностей произношения.

Тематическая организация высказывания включает в себя тематическую структуру (совокупность тем/подтем/микротем) и тематическое развитие (процесс смены тем/подтем/микротем, реализация темы в том или ином варианте развития). Применительно к разговорной монологической речи можно выделить три варианта тематического развития, обусловленных точкой наблюдения в речевом сознании говорящего относительно жизненного пространства: текущее тематическое развитие (говорящий называет факты и события жизни без подробного пересказа, находясь в непосредственной близости от жизненного пространства), тематическое удаление (говорящий включает факты и события жизни в различного рода смысловые контексты – культурный, социальный, временной, локальный и др., «удаляясь» от жизненного пространства на значительное расстояние), тематическое углубление (говорящий передает конкретное событие в деталях и подробностях, «погружаясь» в жизненное пространство) (Косицина, 2020, с. 116–130).

Конструкции наложения с точки зрения тематической организации можно обозначить как «тематический взрыв», как то место в тексте, которое наглядно демонстрирует процесс зарождения темы или варианта тематического развития, представляя своего рода «поворот» в речевом сознании говорящего. Смена тем (подтем, микротем) и вариантов тематического развития обычно выражается в речи с помощью пауз, вербальных hesitant элементов, особых средств текстовой связи (союзов, анафорических слов, повторов и др.). В конструкциях наложения тематическое движение происходит мгновенно: говорящий, стремясь быстро выразить мысль, не успевает формально обозначить переход к следующей теме (подтеме/микротеме). В данном случае вступает в силу «принцип экономии синтаксических средств, характерный для устной речи» (Лаптева, 1976, с. 340).

Классификация конструкций наложения с точки зрения содержания (тематической организации высказывания) основывается на отнесенности левой и правой сторон конструкции к общим/различным темам (подтемам/микротемам) и к общим/различным вариантам тематического развития. Схематично данную классификацию можно представить в следующей таблице.

Таблица 1. Классификация конструкций наложения в содержательном аспекте

Варианты тематического развития	Темы		Подтемы/микротемы	
	общие	различные	общие	различные
общие	1	2	1	2а
различные	3	4	3	4а

Данная таблица показывает, что с точки зрения тематической организации выделяется четыре основных типа конструкций наложения, обозначенных как 1, 2, 3, 4. В свою очередь, конструкции 2 и 4 имеют разновидности 2а и 4а, выделенные на основании различия подтем/микротем в рамках одной темы в правой и левой сторонах конструкции. Сразу заметим, что тип 4а обозначен как потенциальный: примеры таких конструкций не были найдены в анализируемом языковом материале.

Далее охарактеризуем каждый тип конструкции наложения (в примерах конструкции наложения выделены, контаминант подчеркнут).

1. Конструкции наложения, в которых левая и правая стороны объединены одной темой и одним вариантом тематического развития. Контаминант в данном случае можно назвать знаком изменения мысли о предмете высказывания или сигналом об изменении способа подачи информации. В этом случае левая и правая стороны находятся друг с другом в определённых смысловых отношениях, в результате чего можно условно выделить следующие разновидности такой конструкции:

- 1) с коррекцией;
- 2) с добавлением;
- 3) с уточнением;
- 4) с обобщением;
- 5) с пояснением;
- 6) с повтором.

В некоторых случаях можно наблюдать смешанные разновидности (с повтором и добавлением, с коррекцией и добавлением и др.).

У неё была такая сковородка была большая...

В данном примере две части конструкции наложения (*у неё была такая сковородка* и *сковородка была большая*) имеют общий член, который по отношению к обеим сторонам является подлежащим. Конструкция отражает тему *работа*/микротему *работа по дому* в рамках такого варианта, как текущее тематическое развитие: в данном фрагменте говорящий повествует о бабушке и ее повседневных занятиях, переходя от одного факта к другому. Представленная конструкция может быть отнесена к разновидности, в которой совмещаются повтор с добавлением: в правой стороне повторяется словоформа *была*, после чего говорящий сообщает о предмете речи новую, дополнительную информацию.

Подробная характеристика указанных разновидностей первого типа конструкции наложения не является предметом исследования в данной статье.

2. Конструкции наложения, в которых левая и правая стороны относятся к одному варианту тематического развития, но отражают разные темы: контаминант – переход от одной темы к другой.

И черёмуха помню была с этими косточками потом пулялися...

В приведенном примере две части конструкции наложения (*черёмуха помню была с этими косточками* и *этими косточками потом пулялися*) имеют общий член, который по отношению к левой части является именной частью составного именного сказуемого, а по отношению к правой – косвенным дополнением. Левая часть высказывания выражает тему *устройство дома* / подтему *огород* / микротему *растения*, представленную номинацией *черёмуха*. Словоформа *с этими косточками*, характеризующая черемуху, становится отправной точкой для возникновения темы *детство* / микротемы *игры*, диктуя дальнейшее «ассоциативное нанизывание членов» (Лаптева, 1976, с. 340).

2а. Конструкции наложения, в которых левая и правая стороны относятся к одному варианту тематического развития, но отражают разные подтемы (микротемы) в пределах одной темы: контаминант – переход от одной микротемы к другой.

Голик здесь у бабушки/ всегда чисто всё под метелочку всё подметёт/ в самой летней кухне тоже небольшая печка была/ заходишь печка/ тоже начинала топить с самого утра там эту скотинЯку кормила свою...

В приведенном примере две части конструкции наложения (*начинала топить с самого утра* и *с самого утра там эту скотинЯку кормила свою*) имеют общий член – обстоятельство времени. Левая часть конструкции выражает тему *работа* / микротему *работа по дому*, которая представлена номинацией *топить*. Контаминант *с самого утра* становится переходом к другой микротеме, раскрывающей уже заявленную тему: словосочетание *скотиняку кормила* вводит микротему *уход за скотиной*.

В данном типе конструкции наложения правая сторона возникает в результате ассоциативного присоединения: обстоятельство времени вызывает в речевом сознании говорящего новую информацию, которая вытекает из предыдущей части высказывания, тематически перекликаясь с ней. В результате информант достраивает конструкцию: правая сторона отражает жизненный факт (кормление домашнего скота), который представляет другую составляющую образа бабушки, реализуя при этом микротему *уход за скотиной*.

3. Конструкции наложения, в которых левая и правая стороны отражают одну тему (подтему, микротему), но разные варианты тематического развития: контаминант – переход от одного варианта тематического развития к другому.

И хлебовозка у нас была/ машины не возили хлеб раньше/ они/ лошадь/ будка/ и прям со своей пекарней/ едет тётя Мотя возила/ такой дух шёл от этой будки...

В данном примере две части конструкции наложения (*едет тётя Мотя* и *тётя Мотя возила*) имеют общий член – подлежащее. Обе части отражают тему *жизнь деревни* / подтему *перевозка хлеба* / микротему *тётя Мотя*. С точки зрения содержания левая сторона представляет собой краткое «погружение» говорящего в конкретную ситуацию, в отдельный момент жизни, связанный в речевом сознании с наглядным образом тётки Моти, которая управляет хлебовозкой. Изобразительный коммуникативный регистр левой стороны конструкции подчеркивается глаголом в форме настоящего времени *едет*, свидетельствуя о тематическом углублении как варианте тематического развития. Данная форма выделяется на фоне предшествующих глаголов прошедшего времени (*была, возили*), выражающих типичные события деревенской жизни в рамках текущего тематического развития (*хлебовозка у нас была*) и тематического удаления с социально-временным контекстом (*машины не возили хлеб раньше/ они/ лошадь/ будка/ и прям со своей пекарней*). Переход от тематического удаления к тематическому углублению в левой стороне конструкции наложения отмечен паузой.

Подлежащее *тётя Мотя* является тем текстовым элементом, в ходе произнесения которого в речевом сознании говорящего происходит движение относительно «жизненного пространства». Начав «погружение» в конкретное событие, информант тут же прекращает этот процесс и возвращается к уже привычному способу текстового отражения действительности – к текущему тематическому развитию. В речи это возвращение выражено глаголом прошедшего времени *возила* в правой стороне конструкции, обозначающим действие, регулярно повторяющееся в прошлом. Из действующего лица конкретного жизненного эпизода тётя Мотя превращается в участника событий, периодически происходивших в жизни информанта.

Да// так/ всяка бЫла/ аднажды/ мама у миня купила/ красные/ башмаки/ са шнурками/ я шнурок и патирыла// и спряталась над сипаратар там у нас раньше стаЯл/ прикарываласи и уснула там...

В данном примере контаминантом двух частей конструкции наложения (*спряталась над сипаратар* и *сипаратар там у нас раньше стаЯл*) является словоформа *сепаратор*, которая по отношению к левой стороне высказывания является частью обстоятельства места, по отношению к правой – подлежащим. Представленный текстовый фрагмент с точки зрения тематического развития является частью тематического углубления, выражающего тему *детство*: говорящий повествует о конкретном жизненном событии. Возникшая в ходе рассказа конструкция наложения обусловлена движением в речевом сознании говорящего относительно жизненного пространства. Упоминание о сепараторе как о месте действия

конкретного события вызывает в памяти говорящего условия жизни в прошлом, что приводит к спонтанному переходу к тематическому удалению, включающему сепаратор в локально-временной смысловой контекст (выражен номинациями *там, раньше*). О переходе к тематическому удалению также свидетельствует появление глагола несовершенного вида *стоял* в форме прошедшего времени. Несовершенный вид указывает на регулярную повторяемость действия, выраженного в глаголе *стоял* (ср. с формой глагола совершенного вида *спряталась* в левой стороне конструкции и с формой *уснула* в продолжении высказывания). После конструкции наложения возникает пауза, указывающая на возвращение к исходному варианту тематического развития – тематическому углублению.

4. Конструкции наложения, в которых левая и правая стороны отражают разные темы и разные варианты тематического развития: контаминант – переход от одной темы к другой, от одного варианта тематического развития к другому.

...Закончила я десять классов// восемь классов я вот в селе Усманка у нас была васьмилетняя/ школа...

В данном фрагменте две части конструкции наложения (*восемь классов я вот в селе Усманка* и *в селе Усманка у нас была васьмилетняя/ школа*) имеют контаминант, который по отношению к обеим сторонам конструкции является обстоятельством места. Левая часть высказывания выражает тему *учеба* (номинация *восемь классов*): информант повествует о собственной жизни в рамках текущего тематического развития. Словоформа *в селе Усманка* обуславливает развитие темы *жизнь села* и появление тематического удаления. В рамках конструкции говорящий совершает переход от повествования о собственной жизни к рассказу о родном селе, вписывая факт своей жизни (учебу в сельской школе) в социально-культурный контекст (условия жизни в селе Усманка в 1970-е гг.). Смена варианта тематического развития формально выражается в словоформе *у нас* (ср. с местоимением *я* в левой стороне высказывания), подчеркивающей процесс обобщения, и в форме глагола несовершенного вида *была* (ср. с формой глагола совершенного вида *закончила* в левой стороне).

Анализ живой разговорной речи жителей Кузбасса показывает, что по частоте употребления на первом месте находятся конструкции наложения первого типа, в которых тема и вариант тематического развития являются общими для обеих сторон высказывания относительно контаминанта: к данному типу относятся около девяноста процентов всех найденных конструкций. Второе место занимают конструкции третьего типа, где левая и правая стороны характеризуются общностью темы, но отражают разные варианты тематического развития. Конструкции наложения второго и четвертого типа представлены единичными случаями.

Примечательно, что в исследованиях Е.Н. Ширяева и О.А. Лаптевой все примеры конструкций наложения относятся к первому типу. Из всего массива языкового материала, представленного в (Лаптева, 1976; Русская разговорная речь, 1973) мы выделили три конструкции наложения третьего типа, в которых левая и правая сторона высказывания представляют текущее тематическое развитие и тематическое удаление соответственно (*Ты купи астры у ВДНХ продают цветы обычно; Я ехал летом это было; К нам приходил Склярский был такой у нас*).

Классификация конструкций наложения с точки зрения тематической организации высказывания требует уточнения и доработки с привлечением большего количества языкового материала. Предметом отдельного исследования могут стать конструкции наложения первого типа, которые возможно рассмотреть в содержательном аспекте с представлением типологии на основе смысловых связей между правой и левой сторонами высказывания.

Литература

1. Инфантова Г.Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи: пособие для спецкурса. – Ростов-на-Дону, 1973.

2. Косицина Ю.В. Тематическая организация разговорного монологического текста (на материале диалектной и городской устной речи жителей юга Кузбасса)// Язык и регионы: социокультурное пространство юга Кузбасса: монография. В 2-х тт. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2020. Т.1. С. 108–153.
3. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис: монография. – М.: Изд-во «Наука», 1976.
4. Русская разговорная речь: монография. – М.: Изд-во «Наука», 1973.
5. Харченко В.К. Современная повседневная речь: монография. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

УДК 81-2

Нямдаваа Г.

Ховдский филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия

Особенности происхождения хотонов

***Аннотация.** В Монголии насчитывается двадцать восемь этнических групп, каждая из которых имеет свою самобытную культуру, лексику и фразеологию, но при этом на уровне государства постулируется единая культура монголов. Одна из этих групп, которая обладает особой культурно-языковой традицией, это представители тюркской народности Монголии - хотоны. В настоящее время хотоны в основном проживают в сомоне Тариалан, аймак Увс. Некоторые этнографы их относят к Западным Монголам, к этнической группе ойратов, при этом данная малочисленная этническая группа - тюрко-киргизского происхождения - до сегодняшнего дня сохранила свои традиции. На основе анализа научной литературы было изучено происхождение хотонов.*

***Ключевые слова:** хотоны, уйгуры, тюрки, писание, обычаи, этнос, родословная, происхождение, Монголия*

Введение

В конце XIX века российские учёные во время путешествия по Монголии посещали места компактного проживания хотонов и собирали сведения, о которых писали в своих научных статьях, которые до сих пор не теряли своего исследовательского значения.

В статье (1911) “Турецкий народец хотоны” Б.Я. Владимирцов пишет о происхождении хотонов, об особенностях словообразования в их языке, выяснил и то, что, главным по вероисповеданию и антропологическим признакам они отличаются от монголов, живущих на данных территориях до начала XX века.

Г.Н. Потанин в своём труде “Очерки северо-западной Монголии” опубликовал результаты своего исследования, которые он провёл летом 1876-1877 гг. среди хотонов. В нём автор отметил не только особую культуру, обычаи, религию, одежду, бытовые принадлежности хотонов, но и попытался разъяснить некоторые термины, фразеологизмы в области религии и составил заметки, которые послужили ценным документом для этнологии.

А. Самойлович в статье “Турецкий народец хотоны” (1915) изучая словообразование в хотонском диалекте пришёл к выводу, что народность происходила от рода общин киргизов и от сартов тюркского происхождения Восточного Туркестана, потомков древних уйгуров. Также авторы Г.Е. Грумм-Гризмайло, И.М. Майский выпустили свои труды, в которых описаны особенности хозяйства хотонов, географическое расположение и административная статистика мест их компактного проживания.

Мнение учёных относительно исследования

Этнолог С. Бадамхатан (1985-1988 годы), основываясь на исследованиях, указанных выше, объяснял некоторые особенности культуры, происхождения народности хотонов в книге “Народность хотоны аймака Увс” (1995). Учёный Х. Нямбуу в труде “Введение в монгольскую этнологию” (1985) описал происхождение хотонов, краткую историю народа, истоки рода.

Ниже приведем сопоставительный анализ исследований происхождения хотонов в таблице 1.

Таблица 1. Идеи учёных относительно происхождения хотонов

Н.Потанин (1877 год)	Б.Я.Владимирцов (1911 год)	С.Бадамхатан (1958 год)	Б.Цэрэл 1974 год	Шагдарсүрэн	Ж.Батсуурь
1. Аджу-Курман	1. Шаавай	1. Шаавай	1. Шайвай	1. Шавь	1. Шаавай
2. Бурут	2. Худай-бэрди	2. Бурд	2. Бурдаг	2. Бурдууд	2. Бурд
3. Удэюбек	3. Өзбек	3. Оготор	3. –	3. –	3. Оготор
4. Ильбя	4. Нилва	4. Холидог	4. Нийлбай	4. Хольдог	4. Холидог
5. Жас	5. Жас	5. Зөчгүүд	5. –	5. –	5. Хочхэлд
6. Касыл	6. Хасан	6. Хасан	6. Хаснуу	6. Хаснууд	6. Хаснут
7. Джуппар	7. Шалбак	7. Шалбак	7. Шалбаг	7. Шалва	7. Шалбаг

А. Очир в своём труде “Краткая история Ойрат-монголов” (1993) кратко изложил историю хотонов, историю Бошгот, историю развития сомона Тариалан. В труде Б.Цэрэл “Некоторые исторические проблемы происхождения национальностей и народностей, которые входят в союз ойратов и Четырёх ойратов” (1997) сделал сравнительный анализ рода хотонов с казахским родом, объяснил особенности хозяйства и пищи хотонов.

Исследователи Ц. Нарангэрэл “Преследование монгольских хотонов” (2015), Х. Отгон “Этническая группа хотонов”, (2005), Х. Лхамжав, Ц. Магсар “Колыбель региона хотонов” (2005) также посвятили свои труды истории хотонской этнической группы.

Исследователь хотонов Б. Санхүү защитил докторскую диссертацию по культурологии “Материальная и духовная культура хотонов”, уделив внимание в своем исследовании языку хотонов, культурному наследию, их истории и фольклору и отразив в статьях: “Золотая родовая летопись семих родов” (2005), “Исследование истории и культуры народности хотонов” (2015). Большинство вышеуказанных исследователей считают хотонов потомками тюрков и уйгуров. Например, российский учёный Г.Н.Потанин отмечал: *эти группы людей могут быть пленными солдатами во время войны в Туркестане [прим. наше: во время правления Галдана Бошогту Хана]. Есть воспоминания о городах Ош (Киргизия), Бухар (Узбекистан)-это говорит о том что, потомки хотонов происходили отсюда, среди хотонов есть буруты [прим. наше: один из наиболее многочисленных хакасских сеоков, представленный не только среди качинцев, но и среди кызыльцев и сагайцев; род бурут также присутствует в составе ряда монгольских народов] - это иной раз доказывает, что буруты принадлежат к киргизской народности [прим. наше: джунгары применяли термин «бурут» для обозначения тянь-шаньских киргизов].* Российский учёный монголовед Б.Я. Владимирцов в 1908-1911 гг. после двухкратного исследования народности на территории аймака Увс изложил то, что

хотоны резко отличаются от дурвудов впальми глазами, длинными голеньми и большими бородами. Они более 200 лет живут вместе с дурвудами, почти монголизированы, сами от тюркского происхождения, почти забыли родной язык. Г.Н. Потанин, Б.Я. Владимирцов в своих исследованиях считают хотонов монголами тюркского происхождения. Б. Аристов о происхождении хотонов говорит “Они могут быть потомками местных тюрков, которые были в плену у калмаков в левом и правом Туркестане”. Оценивая язык, Л. Вамберг причисляет хотонов к потомкам древних узбеков или сартов. По словообразованию и диалекту хотонов имеются труды А.Н. Самойловича. Он считает, что народность хотонов Увсунурского аймака происходит от рода общин киргизов и от сартов тюркского происхождения Восточного Туркестана, которые считаются потомками древних уйгуров. По результатам исследований групп учёных происхождения современных хотонов мы приходим к выводу, что хотоны:

- тюркского происхождения, монголизированные тюрки;
- происходят от национальностей Средней Азии (киргизов, уйгуров, казахов, узбеков).

Старшее поколение хотонов, проживающее в Увсунурском аймаке, считает себя уйгурами. Дурвуды их потомками также считали уйгуров. Выделяется два рода монгольских хотонов. Один из них был доставлен из Средней Азии в ханство Галдан Бошготу хана, чтобы заниматься земледелием, другие – *буруты*, которые жили в окрестностях озера Хиргис, реки Енисей - потомки древних уйгуров. Мы придерживаемся мнения доктора Ж. Батсуурь, Ц. Цэрэндаш о том, что монгольские хотоны тюркского происхождения, от рода общин уйгуров, киргизов и узбеков. В исследованиях Г.Н. Потанина, Б.Я. Владимирцова говорится о соотношениях родов и потомков хотонов.

Словарный запас хотонов записали несколько исследователей: Г.Н.Потанин в 1876-1887 гг. выделил 87 слов, Б.Я. Владимирцов в 1911 году 123 слова, С. Бадамхатан в 1985-1987 гг. 130 слов. Эти слова были унаследованы хотонами через религиозные книги и употреблялись в религиозных терапиях. Данные слова вошли в хотонский идиоиз словарного запаса тюрков Орхона VI века, Ближнего Востока, Востока Туркестана, Уйгура, Арабии, Тюрка, из Средней Азии Казахов, Киргизии, а также из монгольских языков. Приведем примеры слов уйгурского, арабского, тюркского происхождения, используемые хотонами:

Уйгурские слова:

<i>Улыб-терпеть</i>	<i>Паш- голова</i>
<i>Чачибак- украшение для волос</i>	<i>Сэгэс- восемь</i>
<i>Агаан- брат</i>	<i>Сэгися- восемьдесят</i>
<i>Алта- шесть</i>	<i>Сэмэз-жирно</i>
<i>Ана-мать</i>	<i>Тогус-девять</i>
<i>Ата-отец</i>	<i>Тиш-зубы</i>
<i>Гол- огонь</i>	<i>Тил-язык</i>
<i>Тур-остановиться, жить</i>	<i>Узн-длинный</i>
<i>Уйу-бык</i>	<i>Он-десять</i>
<i>Уч- три</i>	<i>Чай-чай</i>
<i>Кулак-ухо</i>	

Арабские слова:

<i>Пайгамбер- пророк</i>	<i>Ходжим-хозяин</i>
<i>Худай-бог</i>	<i>Яратканык- мой хозяин</i>
<i>Ярь-помочь</i>	<i>Якша яшь- года в год</i>
<i>Ахн-взрослый</i>	<i>Шитиб-оружие</i>
<i>Бэсте- глупый</i>	

Киргизские слова:

<i>Агач-дерево</i>	<i>Аджу-хурмян- имя человека</i>
--------------------	----------------------------------

Алалы алыб- взять	Алда- бог
Анг тагшиб-давать клятву	Аркар- горный баран
Балякаттан-не путьевый	Баиш-голова
Бос- серый	Джемьис-ягоды
Булгайсынгые-пусть будет	Ильдыс- звёзды
Иты-семь	Кантат-как быть?
Курнёре-не видим, не верить	Кутлалы-ищу спасение
Пейгамбар- пророк	Ялганымга- жалость
Яратканым- бог мой	Тульку-лиса

Выводы

Определенную часть словарного запаса хотонов составляют уйгурские, тюркские, киргизские, арабские слова. Это иной раз доказывает, что они тесно связаны с народами Средней Азии. Считается, что хотоны унаследовали религию, обычаи и некоторые фразеологизмы древних тюрков как написано в рунических надписях в светлом памятнике Орхон VIII века. Данные особенности необходимо исследовать расширенно.

Литература

1. Амаржаргал, Б.(1988). *БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Халх аялгуу*, Улаанбаатар.
2. Бадамхатан, С. (1995). *Увсын хотон ястан*. Эрдэнэт.
3. Базылхан, Б. (2000). *Казах монгол толь*. Улаанбаатар.
4. Владимирцов, Б.Я.(1916). *Түрэг угсаатны хотон ард*. Улаанбаатар.
5. Лхамжав, Х. Магсар Ц. (1995). *Хотон зоны өлгий*. Улаанбаатар.
6. Лхамжав, Х. (2015). *Тариалан сумын он цагийн бичээс*. Улаанбаатар.
7. Нямбуу, Х. (1992). *Угсаатны зүйн удиртгал*. Улаанбаатар.
8. Санхүү, Б. (2014). *Хотон ардын аман зохиол*. Улаанбаатар.
9. Санхүү, Б. (2014). *Хотон Монголчуудын түүх, соёлын судалгаа*. Bibliotheca oiratica, XLIX, Улаанбаатар.

УДК 304

Островая Ю.С.^{1,2}

¹АГГПУ им. В.М.Шукина, г. Бийск, Россия

²НГУЭУ, г.Новосибирск, Россия

К вопросу о социальном конструировании гендера

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с гендерными ролями мужчин и женщин в социуме. Положение и функции мужчины и женщины в обществе – это не только набор определенных качеств, данных от рождения и воспитанных с детства, но еще и то, как именно локализует и видит себя человек в социуме. Автором подробно описываются принципы, лежащие в основе гендерного подхода, а также дается краткая дифференциация понятий «пол» и «гендер».

Ключевые слова: гендер, биологический пол, социальная гендерная роль, проблематика гендерных отношений.

«Гендер» как понятие относится к ролям и обязанностям женщин и мужчин, определенным обществом и закрепленным в нем. Функции и обязанности относятся к разной работе, реализуемой мужчинами и женщинами, к их практическим и

стратегическим потребностям, различным уровням дохода и различным сферам, в которых они могут принимать решения и осуществлять контроль над ресурсами, а также контролировать свой доход. Эти роли и обязанности определены социально и культурно и могут различаться в разных сообществах, в разных странах. Понятие «гендер» определяется как набор социально определенных и разнообразных в культурном отношении ролей, которые мужчины и женщины играют в своей повседневной жизни. Это относится к структурно неравным отношениям между мужчинами и женщинами, которые проявляются на микроуровне (в семье) и на макроуровне (например, на рынке труда). На «гендер» влияют социальные мутации; иногда это влияние зависит от возраста индивидуумов, уровня образования, их социального происхождения, религии и т. д.

Гендерный подход в обществе подразумевает, что проблемы женщин решаются путем разграничения биологических сексуальных характеристик и социальных гендерных ролей, которые исторически сложились. Гендерный подход основан на принципе равенства между полами и опирается на следующие наблюдения:

1) роли женщин и мужчин обозначены социально, а не биологически: понятие «гендер» отличается от понятия «пол». Например, вынашивание детей – это функция, биологически связанная с женщинами; но воспитание детей и уход за домом являются социально назначенными ролями.

Однако важно отметить, что хотя физиологические и биологические функции использовались для обоснования разделения труда и различий между мужчинами и женщинами, тем не менее, важно понимать, что само разделение труда не является ни естественным, ни биологическим. Различия между «маскулинностью» и «фемининностью» также не являются естественными: они могут варьироваться как в зависимости от страны, региона, культуры и религии, так и меняться со временем.

2) социальные отношения пола и ролями, отводимыми женщинам и мужчинам (в семье), в значительной степени определяются экономическими структурами, государственным строем, религией, культурой, а также тесными связями между всеми этими организмами, которые сами могут измениться. Например, государство может установить и поддерживать неравенство между мужчинами и женщинами посредством законов и политики, затрагивающей вопросы брака, развода, воспитания детей, опеки над детьми, имущества и социальной помощи. Однако если более активное участие женщин в экономической и политической жизни может поспособствовать желаемым экономическим изменениям, то само же государство будет содействовать реформам семейного права, чтобы ослабить семейный контроль над женщиной. С другой стороны, если экономическая и политическая ситуация покажет, что государство получит выгоду от увеличения рождаемости и сокращения участия женщин на рынке наемного труда, то ужесточатся законы и будет проведена социальная политика, касающаяся женщин.

3) ежедневный труд мужчин и женщин, их участие в политической жизни, жизненный опыт, способность отстаивать свои права и, конечно, право на жизнь, различаются в зависимости от социальной роли, предписываемой гендером. Например, женщины могут выполнять мужскую работу; разделение домашней работы между мужчинами и женщинами может быть неравным; в некоторых странах только мужчины могут занимать политические должности, а женщины становятся жертвами насилия в семье и т. д.

4) женщины, как и мужчины, не составляют однородную и монолитную группу; профессиональный опыт мужчин и женщин, их участие в политической и экономической жизни и способность отстаивать свои права различаются в зависимости от расы, класса, этнической принадлежности, религии, статуса, сексуальной ориентации и т. д.

5) дискриминация и угнетение женщин носят системный характер и проявляются не только в межличностных отношениях, но также в структурах и функционировании учреждений, в семейных отношениях, в доступе к экономическим ресурсам и правовым системам. Насилие в отношении женщин, например, отражает исторически неравные

властные отношения между мужчинами и женщинами, которые привели к доминированию и дискриминации со стороны первых и сдерживают продвижение последних, и [...] является одним из основных социальных механизмов подчинения женщин мужчинам.

Отношения между мужчинами и женщинами начинаются на уровне семейного круга, где они моделируются, а затем помогают формировать другие отношения на более высоких уровнях. В результате семья является наименьшей социальной единицей, которая предлагает содержательную социологическую интерпретацию гендерных отношений. На уровне семьи существуют различные уровни отношений, которые предоставляют много информации о гендерных связях в семье.

Принимая во внимание, например, разделение ролей и обязанностей в семье, приходится задавать себе ряд вопросов. Фактически, можно проанализировать различные задачи, которые ставятся девочкам, молодым мужчинам, молодым женщинам, взрослым и пожилым людям по сравнению с теми, которые закреплены исключительно за мужчинами. Как такое распределение сделано, и на каком основании? Наследование и совместное использование ресурсов, доступных на уровне семьи? На чем базируется распределение ресурсов? По возрасту, полу? Все ли члены сталкиваются с одинаковым обращением? Если нет, то на чем основано различное обращение: на возрасте и поле? Проведение такого анализа мог бы помочь высветить гендерные проблемы.

Таким образом, анализ гендерного измерения позволяет изучать различные слои в социальных отношениях и выявлять мужчину и женщину, человека и общество, а также сложные взаимосвязи, которые они поддерживают между собой, что способствует:

а) созданию лучшей видимости - показать уровень участия в семье каждого члена данного сообщества: мужчин, женщин, мальчиков и девочек.

б) оценке влияния мужчин, женщин, мальчиков и девочек на их сообщество, потому что они всегда оказывают влияние, независимо от того, учитывается оно или нет.

в) расшифровке сложности разделения власти. Углубленный гендерный анализ освещает тех, кто обладает властью в данном сообществе, и, таким образом, помогает понять властные отношения между мужчинами, женщинами, мальчиками и девочками в сообществе, а также способы вмешательства в случае неравного отношения.

Проанализировав проблематику гендерных отношений, необходимо понять, как воспринимается это понятие в обществе и что подразумевает «гендерный подход».

В 1958 году психоаналитик Роберт Столлер обобщил результаты многолетней работы в нескольких книгах и впервые представил понятие «гендерная идентичность» для научного распространения в 1963 году на Международном психоаналитическом конгрессе в Стокгольме. Концепция гендерной идентичности основывалась на разделении биологического и культурного пола. Р. Столлер предложил различать понятия пола, гендера и ядра родовой сущности. В его понимании слово «секс» («sex») относится к биологии, его определение требует анализа хромосом наружных и внутренних половых органов, половых желез, соотношения гормонов и вторичных половых признаков; «Гендер» подразумевает определенные психологические и культурные нюансы; «родовая сущность» возникает при понимании принадлежности к одному роду, а не к другому; «ядро родового существа» означает веру в то, что человек правильно определил свой пол.

Многими учеными рассматривался вопрос о соотношении понятий «пол» и «гендер», что привело к существованию различных подходов к рассмотрению этих явлений. Однако обобщение основных позиций по данному вопросу позволяет выявить основную составляющую отношения пола и гендера.

М.Л. Бутовская в своей работе «Антропология пола» определяет смысловую составляющую понятий «пол» и «гендер». В русском языке слово «гендер» означает категории «мужскости» и «женскости». Определение «пола» М. Л. Бутовской звучит так: это социокультурная конструкция, определяющая социальные аспекты отношений между

полами. Под этим термином понимают психологические и поведенческие характеристики, связанные с мужественностью и женственностью и отличающие мужчин от женщин.

Гендер сегодня воспринимается как рациональная концепция, ориентированная на новую, более сбалансированную форму социализации. Потому что гендерный подход основан на всей социальной организации экономической и политической жизни, направленный на понимание формирования отдельных аспектов общества. Он интересуется не женщинами как таковыми, а социальным построением пола и ролями, обязанностями и особым поведением, которых общество ожидает от мужчин и женщин. «Гендер» требует постоянного исполнения и подтверждения, произведения и воспроизведения в каждодневных коммуникативных ситуациях.

Литература

1. Климова Т.В. Гендер как социальный конструкт современного общества. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе, Новосибирск, 2005. – с.53-57.
2. Малахова Н.Б. Гендер как социальный конструкт. Российский университет дружбы народов, 2021. – с.46-60.
3. Перельгут Н.М. Гендер как социальный и культурный конструкт. Лингвокультурная и транскультурная медиация как межкультурный феномен: вопросы теории и практики, Уфа, 2018. – с.41-65.
4. Тищенко Ю.Г., Тищенко И.А., Василюк Н.И., Чернецкая С.В., Якунина И.С. Понятие «гендер» в современном научном дискурсе. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: социально-экономические науки, Ростов-на-Дону, 2020. -с.93-99.
5. Черных О.Ю. Гендер как социальный конструкт. Мир науки, культуры, образования, Москва, 2019. – с.537-539.

УДК 81'23,811.133.1

Рабенко Т.Г.¹, Нямжав Б.²

*Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
Ховдский филиал Монгольского государственного университета, г. Ховд, Монголия*

Обыденная семантика бионима «медведь» в русском и монгольском языках (по результатам ассоциативного эксперимента)

***Аннотация.** Настоящее исследование включено в этнолингвистическую проблематику современной науки о языке в той ее части, которая посвящена описанию обыденного метаязыкового сознания. Представлены результаты экспериментального исследования обыденной семантики бионима «медведь», зафиксированной в различных в типологическом и генетическом отношении языках. Выявлены универсальные характеристики бионима, отраженные в языковом сознании носителей различных языков, и идиоэтнические свойства, обусловленные своеобразием национальной картины мира, идиоэтническим обыденным языковым сознанием. Смоделирован «ассоциативный портрет» бионима «медведь», имеющий амбивалентный характер. С одной стороны, при сохранении мифологического восприятия медведя как хозяина тайги обнаружены признаки национально обусловленной символики образа медведя, в основе которой представление о медведе как сильном и мощном животном (русские и монголы). С другой стороны, отмечено негативно-оценочное отношение к медведю как животному неуклюжему, ленивому и агрессивному (такая оценка представлена в обеих*

лингвокультурах), глупому и нечистоплотному (последние качества частотны в ответах монгольских информантов).

Ключевые слова: обыденное метаязыковое сознание, бионим, ассоциативный эксперимент, медведь.

I. Введение

Настоящее исследование включается в современную антропологическую парадигму, связанную с описанием обыденной метаязыковой семантики и ее лексикографическим представлением. Обыденная семантика слова репрезентируется в работе в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Лингвокогнитивный аспект сопрягается с изучением семантики слова, сформированной в повседневном коммуникативном опыте рядовых носителей русского и монгольского языков и зафиксированной в их обыденном метаязыковом сознании. В свою очередь лингвокультурологическая характеристика семантики слова определяется включенностью данного слова в национальную языковую картину мира как форму отражения культуры в сознании носителей языка.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению метаязыкового сознания (работы Л. Вайсгербера, А. Вежбицкой, Л. Витгенштейна, В. фон Гумбольдта, Н. И. Жинкина, Э. Кассирера, Г. В. Колшанского, Э. Сепира, В. Н. Топорова, Б. Уорфа и др.), проблема его исследования сохраняет свою актуальность. Интерес к описанию обыденных знаний о языке в современной лингвистике способствовал формированию особого научного направления – теории обыденной лингвистики, где обыденное метаязыковое сознание становится самостоятельным объектом исследования. В зоне внимания обыденной лингвистики вопросы соотношения научного лингвистического знания с наивным представлением о языке (Кашкин 2009), исследования обыденного метаязыкового сознания, включающего в себя знания о речезыковой действительности как части национальной языковой картины мира (Голев 2013, 2015).

С учетом последнего тезиса о возможном изучении национальной картины мира через посредство описания обыденной семантики слова варианты лексикализованных интерпретаций бионима «медведь» двумя этносами – русским и монгольским – «представляются фрагментами национальных языковых картин мира, которые являются национально-специфической проекцией единого инварианта бытия, обладающей признаками сходства и различия» (Даваа 2018, с. 7).

Предпринимаемое исследование выполнено в рамках международного лексикографического проекта «Опыт разноязычного словаря обыденной семантики бионимов», разрабатываемого научным коллективом под руководством профессора Н.Д. Голева (Голев 2013, 2015; Волобуева 2011; Лебедева 2017, 2019; Рабенко 2021; Словарь 2012 и др.). В основе данного проекта находится экспериментальное исследование различных бионимов с целью установления их обыденной семантики в различных в типологическом и генетическом отношении языках.

Цель настоящего исследования – описание обыденной семантики бионима «медведь» в русской и монгольской национальных языковых картинах мира, направленное на выявление их семантического сходства и различия.

II. Фактологический материал и методика его сбора.

В основе сбора фактологического материала лежит метод ассоциативного эксперимента. Информантам предлагалась анкета, которая включала в себя четыре задания.

1. Назовите первое пришедшее Вам на ум слово, после того как Вы услышали или прочитали данное слово.

2. Что обозначает данное слово (задание давалось в форме типа *медведь – это...*)?

3. Заполните пропуск в предложении типа *Они, как медведи.*

4. Напишите фразу с данным словом, которая сразу приходит Вам на ум.

Все четыре задания выполнялись в одну экспериментальную сессию. Количество информантов, привлекаемых по каждому заданию, составило около 130 человек. В большинстве своем это студенты и преподаватели российских и монгольских вузов. Русских информантов опрашивали через Интернет с помощью анкетирования Google forms. Большая часть монгольских респондентов участвовала в эксперименте в очной форме, остальные респонденты выполняли задание с помощью анкетирования Google forms. При очном анкетировании каждый респондент получал один опросный лист с словом-стимулом и в течение 10–15 минут выполнял задание, отвечая на вопросы.

«Задания формулировались с такой целью, чтобы эксплицировать различные уровни обыденной семантики: понятийной, концептной, ассоциативной, что проявляется в приводимых ассоциативных рядах, типовых сравнениях и прецедентных текстах» (Лебедева 2019, с. 226). Задания предъявлялись респондентам на их родном языке. Метаязыком описания послужил русский язык, на который переводились результаты, полученные в ходе опроса на монгольском языке. Получено следующее количество реакций по четырем типам заданий:

- монг. 1–177, 2–200, 3–160, 4–147 (всего 684 реакций);
- рус. 1–132, 2–303, 3–114, 4–111 (всего 660 реакции).

Полученный в результате анкетирования материал обнаруживает как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков характеристики бионима, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира и историко-национальными традициями носителей русского и монгольского языков. Обобщим результаты данных, полученных в результате эксперимента (после ассоциации указана частотность).

IV. Результаты исследования.

Универсальные характеристики бионима «медведь».

1. Аспект «Хищное животное, зверь». Для представителей русской и монгольской лингвокультур медведь – это, прежде всего, животное. Характеризуя медведя, респонденты отмечают, что данное животное – хищник, зверь: *монг. амьтан 30 (животное), араатан 26 (хищник, зверь); рус. животное 40, хищник 31, зверь 17, хищное животное 4.*

При этом респонденты указывают и представителей этого класса животных: *монг. мазалай 4; рус. панда 3, гималайский медведь, белый медведь, черный медведь.*

2. Аспект «Размер животного». В восприятии русских и монгольских респондентов медведь предстает как крупное, то есть имеющее большие размеры животное: *монг. маш том б (очень большой), том 34 (большой), том биетэй 51 (с большим телом), бүдүүн 11 (толстый); рус. большой 41, огромный 12, крупный 17.*

3. Аспект «Внешний вид». Представители обеих лингвокультур оценивают медведя как животное, обладающее отличительными внешними признаками (характер строения лап, цвет шерсти):

– косолапостью: *монг. баавгайн савар 10 (медвежья лапа), майга 8 (косолапый); косолапый, как медведь 3; рус. косолапый 6, мишка косолапый 4.* Обозначенный признак актуализируется и в прецедентных текстах: детской песенке «*Мишка косолапый по лесу идет ...*»; названии шоколадных конфет «*Мишка косолапый*»;

– (преимущественно) буро-коричневым цветом меха: *монг. хурэн 5 (коричневый), бор өнгөтэй 5 (коричневый цвет); рус. бурый 13, коричневый 2.* Ср. *белый медведь 4, черный медведь 2.*

4. Аспект «Берлога (логово медведя)». В ответах русских и монгольских респондентов эксплицируются многочисленные ассоциации, объединяемые семей 'берлога'. Данный ассоциативный ряд репрезентирует одну из главных особенностей образа жизни медведя – его способность впадать в зимнюю спячку и обустроивать для себя

логово: монг. *ичдэг* 9 (*впадает в спячку*), *ичээ* 4 (*спячка*), *өвөл унтдаг амьтан* (*животное, спящее зимой*); рус. *впадает в спячку в берлоге* 14, *берлога* 11, *спячка* 3, *спит зимой* 3, *сон* 2, *медведь спит в берлоге* 2, *как медведь в спячке (в берлоге)* 2.

5. Аспект «Среда и место обитания». Определяя специфические признаки бионима «медведь», представители обеих лингвокультур отмечают, что данное животное живет в лесу: монг. *ойд амьдардаг* 20 (*в лесу живёт*), *ойн амьтан* 5 (*лесное животное*); рус. *живет в лесах* 11, *тайга* 8, *лесной медведь* 6, *лес* 4.

На место обитания медведя указывают следующие ассоциации: *полярный медведь* 4, *гималайский медведь* 2, *зоопарк*. Обозначенный аспект актуализируется и в прецедентных текстах: песнях «*Где-то на белом свете, там, где всегда мороз ...*», «*Мишка косолапый по лесу идет*», картина Шишкина «*Утро в сосновом лесу*».

6. Аспект «Пища». Определяя образ жизни медведя, русские и монгольские информанты отмечают всеядность животного. Наиболее частотной ассоциацией, актуализирующей аспект «Пища», является лексема «мед»: монг. *зөгийн бал* 13 (*мед*), *самар* 2 (*орехи*), *жимс* (*ягоды*), *ургамлаар хооллодог* (*питается растениями*), *загасаар хооллодог* (*питается рыбой*), *модны самар* (*древесные орехи*), *зөгийн балаар хооллодог* (*питается медом*), *зөгийн балд дуртай* (*любит мед*); рус. *мед* 11, *пасека* 5, *любит мед* 4, *ягоды* 3, *всеядные* 2, *любит ягоды*, *мед – питание*, *малина*, *малинник*, *любит малинку*, *любит рыбу*, *любит сгущенку*, *пытается рыбой*, *нерест*.

Обозначенный аспект представляется в ответах русскоязычных информантов, которые актуализируют внутреннюю форму слова: рус. *мед ведающий*; *ведает, где мед*.

7. Аспект «Опасность». Среди ассоциаций частотны ответы, объединенные семой 'опасность'. Для носителей обоих языков медведь – это животное, внушающее страх и вызывающее опасение: монг. *аймшигтай* 3 (*страшный*), *айж явах* (*идти в страхе*), *аюултай* (*опасный*), *догшин амьтан* (*свирепое животное*); рус. *опасный* 5; *страшный*; *опасный и жестокий*; *опасен, если ранен или ранней весной, когда голоден*; *смертоносный*; *вообще убьёт*; *разрушительные, злые*; *страшный медведь*; *свирепые*; *может напасть на человека*.

Медведь вызывает страх своим громким ревом: рус. *медвежий рев*, *медведь ревет*.

8. Утилитарный аспект. Представители русской и монгольской лингвокультур оценивают медведя как объект охотничьего промысла: монг. *баавгайн цэс* 3 (*медвежья желчь*), *баавгайн арьс* (*медвежья шкура*); рус. *медвежья шуба* 2, *шуба* 2, *медвежья туша*, *медвежья шкура на полу*, *рогатина*, *охота*, *охотник*.

Вместе с тем актуален признак «охраняемое животное»: монг. *ховор* (*редкий*), *дархан цаацат амьтан* 2 (*заповедное животное*); рус. *заповедник* 2, *заповедная зона*.

9. Аксиологический аспект. При восприятии данного животного респонденты оценивают его внутренние (прежде всего) и внешние качества.

Подвергаются пейоративной оценке следующие качества медведя:

– злость, агрессивность: монг. *түрэмгий* 2 (*агрессивный*), *ширүүн* (*грубый*), *их догшин амьтан* (*очень свирепое животное*); рус. *грозный* 2, *свирепые* 2, *злющий*, как *медведь*; *разъяренный*, как *медведь*. Ср. монг. *дориун* (*хороший*);

– лень: монг. *залхуурч байна* (*ленился*), *залхуу* (*ленивый*) 6; рус. *ленивый* 2;

– неуклюжесть: монг. *салан баавгай* 6 (*неуклюжий медведь*), *баавгай шиг болхи* 3 (*неуклюжий, как медведь*), *баавгай шиг эв хавгуй* (*неуклюжий, как медведь*), *баавгай шиг удаан* 2 (*медлительный, как медведь*), *удаан хөдөлгөөнтөй* 21 (*медленный*), *болхи* 2 (*неуклюжий*); рус. *неуклюжие* 18; *он неуклюжий, как медведь* 7; *неповоротливый* 3; *медлительный*; *неуклюжий медведь раздавил валежник*.

Среди положительно оцениваемых качеств медведя, прежде всего, его мощь и сила: монг. *хүчтэй* 53 (*сильный*), *бяр* 2 (*мощь*), *маш хүчирхэг* 3 (*очень сильный*), *хүчирхэг амьтан* (*сильное животное*), *хүчирхэг* 4 (*мощный*), *хүдэр чийрэг* (*сильный, мощный*), *хүчтэн* 2 (*силач*), *баавгай шиг бянтай* (*мощный, как медведь*), *дийлдэшгүй*

(непобедимый); рус. *сильный* 9, *сила* 6, *мощь* 4, *мощный* 2, *могучий*, *сильный*, *крепкий*, *медведь-здоровяк*.

10. Мифологический аспект. В ответах русскоязычных и монгольских информантов прослеживается мифологическое восприятие этого животного как хозяина тайги: монг. *ойн эзэн (хозяин леса)*, *тайгын эзэн (хозяин тайги)*, *таабай (дедушка)*; рус. *хозяин тайги* 3, *король леса*, *царь зверей в тайге*, *царь леса*. Поскольку упоминание этого животного считалось у восточных славян опасным, то вместо него получили распространение иносказания (Марус 2003, с. 96). Такие иносказания зафиксированы и в ответах респондентов: *Михайло Потапыч* 2, *Михаил Потапыч*, *Топтыгин*.

Мифологическое восприятие данного бионима отражается и в следующем ответе: рус. *медвежий коготь (амулет)*.

Общность в восприятии этого животного разными носителями языка обнаруживается на уровне прецедентных текстов. В ответах русских и монгольских респондентов частотны ассоциации, отсылающие к популярным детским мультфильмам: монг. *Мааша Баавгай* 5 (*Мааша и Медведь*), кино, *ойд хоолоо хийж буй баавгай (медведь, готовящий еду в лесу)*, *Поророгийн найз Побби (Побби-друг Пороро)*; рус. *Мааша и Медведь* 5, *Три медведя* 3.

В ответах представителей обеих лингвокультур (преимущественно русской) представлены ассоциации, в основе которых лежит метафорическое сравнение человека по его личностным качествам и внешним признакам с медведем: так говорят о мужчине (порой пренебрежительно), похожем на медведя своей крупной фигурой, неуклюжестью, грубостью и пр.: рус. *неуклюжий человек* 4; *мощный и сильный мужчина* 3; *сильный человек* 2; *человек с дефектной походкой*; *неповоротливый, грубый, массивный человек*; *человек крупный и злой, неуклюжий человек, человек с плоскостопием, человек с громким низким голосом*; *человек, любящий долго поспать*; *неповоротливый или неаккуратный человек, в переносном смысле - о крупном, большом, неуклюжем человеке, про человека здорового телосложения или с огромной силой или явной неуклюжестью*; *суровый, но обстоятельный тип людей*; *крупных габаритов*; *с ним, как с медведем, лучше не связываться*; *большой и злой, как медведь*.

См. монг. *баавгай шиг том хүн (большой человек, как медведь)*, *баавгай шиг бүдүүн (толстый, как медведь)*, *баавгай шиг харцтай (со взглядом, как у медведя)*.

Национально-специфические характеристики бионима «медведь».

В реакциях русскоязычных информантов частотны ассоциации, определяющие медведя как символ России: *символ России* 11, *стереотипным символом России является медведь, «Единая Россия»* (название партии, на логотипе которой помещен медведь), *русский медведь, олимпийский мишка* (См. Кошкарова 2010). Отмечается доброта этого животного: рус. *добрый медведь* 3.

Образ медведя ассоциируется у русскоязычных информантов с рядом прецедентных текстов: знаменитой басней И.А. Крылова *«Проказница-Мартышка, Осёл, Козёл да косолапый Мишка...»*, русской народной сказкой *«Три медведя»* 3; мультсериалами – *Пумба* 8, *Тимон и Пумба, Тимон, Мимимишки, Умка*; сказкой Алана Милна – *Винни-Пух* 2, *Пятачок*; детскими стихами – *«Уронили мишку на пол...» (Агния Барто)*, *«У медведя во бору грибы-ягоды беру»*. Кроме того, в ответах русских информантов представлено немало фразеологизмов: *медведь на ухо наступил* 8, *медвежья услуга* 5, *медвежьи объятия*; *не прав медведь, что корову задрал, не права и корова, что в лес зашла*.

Монгольские информанты отмечают несообразительность, глупость животного: *тэнэг* 3 (*глупый*), *баавгай шиг мангар амьтан юм (тупой, как медведь)*; его нечистоплотность: *бохир* 2 (*нечистоплотный*), *баавгай шиг заваан (грязный, как медведь)*, *баавгай шиг салан (неаккуратный, как медведь)*; беспечность: *хайхрамжгүй (беспечный)*; жадность: *ховдог (ненасытый)*, *идэмхий (жадный)*.

Ответы такого плана у русскоязычных информантов единичны: рус. *тупой, глупые*.

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

В ответах монгольских информантов представлены уникальные для изучаемой лингвокультуры паремиологические единицы.

1. Загадки:

- *хүр хүр дуутай хүрэн бор дээлтэй (издает звук «хүр – хүр» и имеет буро-коричневую шубу);*
- *жин жингээр идэж, жинтүү шиг таргална (Много кушает и полнеет, как подушка);*
- *ах нь айлгадаг хар, дундах нь дуугардаг хар, дүү нь үсэрдэг хар (брат – чёрный, который пугает, средний брат – чёрный, который издает звук, младший брат – чёрный, который прыгает);*
- *газар дор Гандан багш (под землей Учитель Гандан).*

2. Фразеологизмы:

- *алаагүй баавгайн арьсыг 10 хуваах 4 (делить шкуру неубитого медведя на десятизерых);*
- *баавгай шиг харцтай, үнэг шиг овтой 2 (с медвежьим взглядом и с лисьей хитростью);*
- *туулай шиг зүрхтэй баавгай 2 (медведь с заячьим сердцем);*
- *баавгай шиг биетэй, туулайн зүрхтэй (с телом, как у медведя, а с сердцем, как у заяца);*
- *удмаа мэдэхгүй хүн ойд төөрсөн баавгайтай адил (человек, не знающий свое потомство похож на медведя, который заблудился в лесу);*
- *бие том, бэлчээр бага (с большим телом, но пасется на небольшом участке).*

Двое испытуемых вспомнили детскую песенку ойн баавгай, үнэг, чоно бүгд байсан (лесные медведи, лисы, волки – все были 2.

В анкетах монгольских информантов частотны ассоциации, актуализирующие кличку этого животного: *монг. майга бор 9, хөвчийн хүрэн 5.*

V. Выводы

Таким образом, изучение национальной картины мира через посредство описания обыденной семантики слова позволяет смоделировать национально-специфическую проекцию единого инварианта бытия, которая обладает признаками сходства и различия. Национальная специфика обыденной семантики определяется различными условиями жизни этноса, особенностями его мировидения.

По итогам проведенного исследования ассоциативный портрет бионима «медведь», представленный в речи разноязычных информантов, характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, при сохранении мифологического восприятия этого животного, оцениваемого как хозяин тайги, обнаруживаются признаки национально обусловленной символики образа медведя, в основе которой представление о медведе как сильном и мощном животном (русские и монголы). С другой стороны, отмечается негативно-оценочное отношение к медведю как животному неуклюжему, ленивому и агрессивному (такая оценка представлена в обеих лингвокультурах), глупому и нечистоплотному (последние качества частотны в ответах монгольских информантов).

Литература

1. Волобуева Ю. С. Формы репрезентации обыденной семантики бионимической лексики (на материале метаязыковых рефлексий и ассоциаций рядовых носителей русского языка) / Ю. С. Волобуева // Вестник Кемер. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 145–149.
2. Голев Н.Д. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий / Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, С.В. Стеванович // Русин. – 2015. – № 3 (41). – С. – 39–54.
3. Голев Н.Д. Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации / Н.Д. Голев, М. Дебрэн //

Вестник Новосибирского государственного университета: Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 80–92.

4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. Москва: Прогресс, 1984. – 397 с.

5. Даваа Ундармаа Сопоставительное исследование обыденной семантики слов монгольского и русского языков: на материале слов, обозначающих домашних животных / Ундармаа Даваа: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2018. – 139 с.

6. Кашкин В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В. Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 41–60.

7. Кошкарлова Ю.А. Концепции образа медведя в русской ментальности / Ю.А. Кошкарлова // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 266–270.

8. Лебедева Н.Б. Обыденная семантика бионима «мышь» в русском, казахском, сербском и китайском языках (по результатам эксперимента) / Н.Б. Лебедева // Вестник Кыргызско-русского славянского университета. – 2017. – Т. 17, № 9. – С. 135–138.

9. Лебедева Н.Б. Обыденная семантика бионимов в славянских и неславянских лингвокультурах (по результатам эксперимента) / Н.Б. Лебедева, Т.Г. Рабенко // Русин. – 2019. – № 56. – С. 226–241.

10. Марус Р.А. Культ медведя у восточных славян / Р.А. Марус // Россия и АТР. 2003. – № 3(41). – С. 96–100.

11. Рабенко Т.Г., Нямжав Б. Обыденная семантика бионима «кабан» в русском и монгольском языках / Т.Г. Рабенко, Б. Нямжав // Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве: Сборник материалов Международного научного конгресса. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 298–301.

12. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: Том 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2012. – 536 с.

УДК 372.881.1

Селивановская О.А.

РГПУ имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Использование английских детских стихов и их литературных переводов при обучении младших школьников английскому языку

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность использования английских детских стихов и их литературных переводов при обучении детей младшего школьного возраста английскому языку, приведены примеры стихотворений и приемы работы с ними как в рамках уроков, так и во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: детский фольклор, интеграция, социокультурная компетенция, предметные и метапредметные результаты, проектная технология.

В соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) предметные результаты изучения иностранного языка должны быть ориентированы на применение знаний, умений и навыков в типичных учебных ситуациях и реальных жизненных условиях, отражать сформированность иноязычной коммуникативной компетенции на элементарном уровне в совокупности ее составляющих - речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной, метапредметной (учебно-познавательной) (ФГОС НОО). Социокультурная компетенция как компонент

коммуникативной компетенции подразумевает готовность и способность осуществлять межличностное и межкультурное общение на иностранном языке на основе знаний о культуре страны (стран) изучаемого языка: история, традиции, особенности менталитета и т.д. Социокультурный компонент предметных результатов изучения иностранного языка в начальной школе включает овладение следующими знаниями и умениями: знание названий родной страны и страны/стран изучаемого языка, некоторых литературных персонажей, небольших произведений детского фольклора (рифмовок, песен); умение кратко представлять свою страну на иностранном языке в рамках изучаемой тематики (ФГОС НОО).

Произведения детского англоязычного фольклора (рифмовки, стихи, песни) давно уже являются неотъемлемой частью содержания обучения английскому языку в начальной школе. Вместе с тем, поскольку в нашей стране переводом английской детской поэзии занимались такие признанные классики, как К. И. Чуковский, С. Я. Маршак и др., эти литературные переводы вошли в золотой фонд российской (советской) детской литературы. Сложилась по-своему уникальная ситуация, при которой российские дети знают и любят такие стихи, как «Котауси и Мауси», «Шалтай-Болтай», «Робин-Бобин», при этом не всегда понимая, что это переводы английских детских стихов. В рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть возможности использования английских детских стихов и их литературных переводов при обучении младших школьников английскому языку.

Одним из малых жанров устного народного творчества являются загадки, и в частности загадки-шутки. Загадки-шутки - это особая разновидность загадок, которая основана обычно на том, что внимание отгадывающего намеренно отвлекается от существа вопроса построением, формулировкой загадки. Если в обычных загадках раскрываются признаки предметов или явлений, сходство их с другими, то в загадках-шутках вся суть состоит в наличии некоторого "подвоха". Такие загадки, не подразумевают, что спрашиваемый человек знает ответ, а скорее представляют собой настройку к юмористической кульминации шутки. Рассмотрим английские детские загадки-шутки на примере стихотворения "As I was going to St. Ives":

As I was going to St. Ives,

I met a man with seven wives,

Each wife had seven sacks,

Each sack had seven cats,

Each cat had seven kits:

Kits, cats, sacks, and wives,

How many were there going to St. Ives? (Демурова, 1988, с. 201).

Некоторые педагоги используют данное стихотворение для фонетической отработки формы множественного числа имен существительных. Действительно, чередование слов: wives-wife, sacks-sack, cats-cat позволяет привлечь внимание к особенностям произношения и написания формы множественного числа, а разучивание стихотворения позволяет тренировать этот грамматический материал в занимательной форме. Вместе с тем, использование данного стихотворения исключительно для формирования фонетических и грамматических навыков представляется излишне прагматичным и неполным. Целесообразно обратить внимание учеников на то, что данное стихотворение представляет собой загадку-шутку. Ответ на данную загадку - «один»: только рассказчик направлялся в St. Ives, а все остальные перечисленные персонажи двигались ему навстречу. Для правильного ответа на вопрос нет необходимости производить сложные математические вычисления, перечисление в данном случае лишь отвлекает внимание от важной детали – направления движения.

К. И. Чуковский предложил свой литературный аналог данной шутки:
Шел Кондрат в Ленинград,

А навстречу — двенадцать ребят.
У каждого по лукошку,
В каждом лукошке — кошка,
У каждой кошки — двенадцать котят.
У каждого котенка
В зубах по четыре мышонка.
И задумался старый Кондрат:

"Сколько мышат и котят
Ребята несут в Ленинград?" (Демурова, 1988, с. 527).

Познакомив учащихся, с литературным переводом, учитель может предложить детям ответить на следующие вопросы:

1. Какие географические названия встречаются в английском и русском стихотворениях?
2. Какие числа встречаются в английском и русском стихотворениях? Кого и что предлагается посчитать?
3. Что объединяет оба стихотворения? (Это загадки-шутки, считать не нужно).

Рассмотрим еще один пример загадки-шутки:

Elizabeth, Elspeth, Betsy and Bess,
They all went together to seek a bird's nest.
They found a bird's nest with five eggs in,
They all took one, and left four in (Демурова, 1988, с. 89).

Данная загадка-шутка построена на использовании уменьшительных (ласкательных) вариантов личного имени. С. Я. Маршак в рамках литературного перевода данного стихотворения счел целесообразным добавить разгадку:

Загадка

Элизабет, Лиззи,
Бэтси и Бэсс
Весною с корзинкой
Отправились в лес.
В гнезде на березе,
Где не было птиц,
Нашли они пять
Розоватых яиц.
Им всем четверым
По яичку досталось,
И все же четыре
На месте осталось.

Разгадка

Хоть разные
Названы здесь имена
(Элизабет, Лиззи,
Бэтси и Бэсс),
Но так называлась
Девчонка одна.
Она и ходила
С корзинкою в лес (Демурова, 1988, с. 476-477).

Интересно сравнить перевод С. Я. Маршака, который достаточно близок к английскому тексту, со стихотворением К. И. Чуковского, построенным на вариантах русского имени:

Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка
Захотели сладкого сахарного пряничка.
Бабушка по улице старенькая шла,

Девочкам по денежке бабушка дала:
Марьюшке - копеечку,
Марусеньке - копеечку,
Машеньке - копеечку,
Манечке - копеечку, -
Вот какая добрая бабушка была!
Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка
Побежали в лавочку и купили пряничка.
И Кондрат задумался, глядя из угла;
Много ли копеечек бабушка дала? (Демурова, 1988, с. 477).

Поскольку использование уменьшительных (ласкательных) вариантов личного имени характерно и для русского языка, эта тема близка и понятна детям младшего школьного возраста: каждый ребенок может назвать варианты своего имени. Это делает данную тему лично значимой для учащихся. От русского языка учитель может перейти к английскому и познакомить учащихся с уменьшительными вариантами английских имен. Способы образования уменьшительных вариантов личных имен в английском языке можно условно разделить на три группы:

1. Примерами простых сокращений могут послужить следующие имена: Alex от Alexander, Barb от Barbara, Ben от Benjamin, Deb от Deborah, Larry от Laurence, а также Mike от Michael. Иногда после сокращения имени остается не начало, а середина, например, Beth от Elizabeth, Fred от Alfred, Tina от Christina, Tony от Ant(h)ony, Lynn от Carolyn, Trish от Patricia и Lisa от Elisabeth.

2. Некоторые уменьшительные формы личных имен подразумевают не сокращение, а изменение как согласных, так и гласных букв полного варианта имени. Такие формы теряют непосредственную связь с исходным именем, в результате чего не всегда можно легко догадаться, от какого имени образовано данное сокращение: Bill от William, Bob от Robert, Peg от Margaret, Hank от Henry, а также Ted от Edward.

3. Уменьшительные (ласкательные) варианты личного имени могут быть образованы путем прибавления различных суффиксов. Например, суффикса -y/-ie: Abby (Abigail), Debbie (Deborah), Charlie (Charles), Johnny (John), Danny (Daniel) и Sammy (Samuel) (Английские личные имена и их сокращения).

Для тренировки данного материала в коммуникативной ситуации «Знакомство» учитель может предложить детям карточки, содержащие полную и сокращенную формы личных английских имен. Учащимся предлагается познакомиться в парах, где один ребенок из России, а другой из Великобритании. Пример диалога:

- Hello! What is your name?
- My name is *Николай*, *Коля* for short.
- Nice to meet you!
- What is your name?
- My name is William, Bill for short.
- Nice to meet you!

Наблюдение за сходными явлениями в русском и английском языках помогают младшему школьнику лучше усвоить особенности родного языка. Происходит интеграция учебных предметов «Иностранный язык», «Русский язык» и «Литературное чтение». Более того, учащиеся овладевают познавательными УУД, в частности, базовыми логическими действиями: сравнивают объекты, устанавливают основания для сравнения, устанавливают аналогии (ФГОС НОО).

При изучении английских детских стихов и их литературных переводов целесообразно использовать проектную технологию. Как отмечает З. Н. Никитенко, проект представляет собой самостоятельно планируемую и реализуемую школьниками работу, в которой речевое общение органично вплетается в интеллектуально-эмоциональный контекст

другой деятельности (игры, анкетирования, выпуска журнала и др.) (Никитенко, 2007). В данном случае речь может идти об исследовательском групповом проекте, в рамках которого учащиеся выявляют сходное и различное в текстах английского детского стихотворения и его литературного перевода/ов, под руководством учителя выделяют социокультурную информацию: личные имена, географические названия, реалии и т.п. Для организации групповой работы над проектом Р. Е. Фурлетова предлагает распределение ролей и обязанностей между учащимися: в каждой группе определяется издатель, редактор и художник (Фурлетова, Селивановская, 2011). Продуктом проектной деятельности может выступать постер, коллаж, презентация или книжка-игрушка, которую каждая группа представит на завершающем этапе проектной деятельности.

В качестве примера приведем английское народное стихотворение “This is the house that Jack built” и его перевод «Дом, который построил Джэк», написанный С. Я. Маршаком. В таблице ниже приведен список персонажей двух данных стихотворений.

Таблица 1. Список персонажей

This is the house that Jack built	Дом, который построил Джэк
1) the house	1) дом
2) the malt	2) пшеница
3) the rat	3) веселая птица-синица
4) the cat	4) кот
5) the dog	5) пес без хвоста
6) the cow with the crumpled horn	6) корова безрогая
7) the maiden all forlorn	7) старушка, седая и строгая
8) the man all tattered and torn	8) ленивый и толстый пастух
9) the priest all shaven and shorn	9) два петуха
10) the cock	
11) the farmer	

Стихотворение-сказка “This is the house that Jack built” относится к категории цепочных или кумулятивных сказок, в которых диалоги или действия повторяются и развиваются по мере развития сюжета. Эта особенность, в частности, делает данное стихотворение удобным для инсценирования даже на начальном этапе обучения английскому языку. Несмотря на довольно большой объем, роль каждого из персонажей включает всего несколько слов, которые будут повторяться снова и снова по мере развития сюжета.

Безусловно, значительной трудностью в плане использования английских детских стихов и их литературных переводов на уроках английского языка в начальной школе является нехватка времени, с которой сталкиваются многие учителя. На мой взгляд, большие возможности в данном плане представляет внеурочная деятельность и дополнительное образование. Помимо проектной технологии возможно использование различных театральных технологий: инсценирование, шарады, выразительное чтение (например, конкурс чтецов). Нельзя не отметить, что изучение английских детских стихов и их литературных переводов создает условия для развития самых различных творческих видов деятельности младших школьников: выполнение иллюстраций к стихам, а также возможность для желающих написать свой перевод понравившегося английского стихотворения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что использование английских детских стихов и их литературных переводов при обучении младших школьников английскому языку способствует достижению не только предметных результатов, но и образовательных, развивающих и воспитательных целей начального образования. В области гражданско-патриотического воспитания происходит

- осознание своей этнокультурной и российской гражданской идентичности;

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

- воспитание уважения к своему и другим народам (ФГОС НОО).
- В области эстетического воспитания формируется:
- уважительное отношение и интерес к художественной культуре, восприимчивость к разным видам искусства, традициям и творчеству своего и других народов;
 - стремление к самовыражению в разных видах художественной деятельности (ФГОС НОО).

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 14.09.2022).
2. Стихи матушки Гусыни. Сборник /Сост. Н. М. Демурова. На англ. яз. с избранными русскими переводами. – М.: Радуга, 1988. – 684 с.
3. Английские личные имена и их сокращения [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://lingvistov.ru/blog/spoken-english/english-short-names/> (дата обращения: 14.09.2022).
4. Никитенко З.Н. Теория и практика обучения иностранным языкам в начальной школе: учебное пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. – Смоленск: Ассоциация XXI век, 2007. - 159 с.
5. Фурлетова Р. Е., Селивановская О. А. Формирование межкультурной компетенции с использованием проектной деятельности на материале английских и русских сказок // Наша новая школа в поликультурном мире: актуальные проблемы раннего обучения иностранным языкам и подготовки педагогических кадров. Сборник научных статей. Под общей редакцией В. А. Погосян. – СПб.: Политехника-сервис. – 2011. С. 29-33.

УДК 81'11

Спирин А.Н.

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Научный руководитель – кандидат филологических наук, Телегуз А. А.

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Дисфемизация политического дискурса в период военных конфликтов

Аннотация. В связи со столкновением интересов России и США вследствие проведения спецоперации в Украине ключевые политики США стали широко использовать дисфемизмы, число которых увеличивается. Воздействие дисфемизмов усиливается посредством контекста, в который включаются как общеупотребительные слова, так и термины, имеющие отрицательную коннотацию.

Ключевые слова: дисфемизм, эвфемизм, политический дискурс, военно-политический конфликт.

За последнее столетие характер военно-политических конфликтов значительно изменился. Они стали менее масштабными, но при этом более долгосрочными и тянутся на протяжении многих лет. Происходит «регионализация» конфликтов, в контексте которой политические, социально-экономические и военные проблемы в разных государствах одного региона становятся взаимосвязанными и лишь усиливают друг друга (ООН).

В частности, нестабильна ситуация в Восточной Европе. Военно-политический конфликт в Украине вызвал дестабилизацию и в этом регионе, что наиболее ярко видно на

фоне снижения общего числа конфликтов в европейских странах. Конфликт в Украине явился следствием столкновения геополитических интересов России и Америки, в ответ на который последовал ряд пакетов санкций в отношении Российской Федерации. Однако такие действия привели к ухудшению социально-экономической ситуации как в Европе, так и в мире в целом, вызвав системные перестройки в экономиках европейских и азиатских стран. Такая активная геополитическая борьба крупнейших государств находит непосредственное отражение в речи крупных политических деятелей США, которые при помощи дисфемизмов эксплицируют резко негативное отражение к конфликту в Украине.

Если до 2014 года (присоединение республики Крым к Российской Федерации) в политическом дискурсе США наблюдалась тенденция к эвфемизации (Егорова 2018, Кликушина 2017, Миронина 2012, Свицова 2015), то с данного года и по настоящий момент отмечается рост доли *дисфемизмов*. Катализатором в этой ситуации также явилось проведение специальной операции в Украине с февраля 2022 года, которая привела к всплеску числа дисфемизмов в американском политическом дискурсе.

Поэтому **целью** настоящей статьи является изучение особенностей дисфемизмов, функционирующих в американском политическом дискурсе на примере текстов, опубликованных на сайте Белого Дома США в период проведения специальной операции в Украине.

Объект исследования – дисфемизмы в современном американском политическом дискурсе.

Предмет изучения – дисфемизмы как средство целенаправленного формирования отрицательного отношения к Российской Федерации в ходе «информационной войны».

Для анализа данной тенденции в качестве **материала** исследования посредством сплошной выборки были отобраны 25 текстов, размещенных на сайте Белого дома США с февраля по август 2022 г. и посвященных военно-политическому конфликту между Россией и Украиной.

Проведение спецоперации на территории Украины затронуло геополитические интересы НАТО, а именно, США. Согласно Павловой Е. К., в связи с обострением военно-политических конфликтов и ведением США информационной войны, для американского политического дискурса, среди прочего, на данный момент характерно распространение заведомо ложных сведений (дезинформация), а также навешивание ярлыков с целью манипуляции общественным сознанием. Поэтому в первом случае для сокрытия правды используются эвфемизмы, а для создания образа врага – дисфемизмы (Павлова 2017, с. 131).

Если эвфемизмы употребляются для того, чтобы завуалировать либо приукрасить что-либо, то дисфемизмы используются для демонстрации отрицательного и / или уничижительного отношения к коммуниканту и / или коммуникативной ситуации. При употреблении эвфемизмов острота проблемы теряется, а дисфемизмы, наоборот, позволяют заострить на ней внимание (Ищенко 2018, с. 118).

Анализ дефиниций термина *дисфемизм* показал, что данный феномен представляет собой грубое наименование чего-либо: «замена естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» (Ахманова 2004).

Более детальное определение рассматриваемого явления дано в энциклопедическом словаре-справочнике: дисфемизм – это «слово или оборот, противоположный по функции эвфемизму, намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и выражений с целью выражения (резко) отрицательной оценки или создания экспрессии в тех случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление» (ЭСС 2003, с. 169).

Таким образом, дисфемизмы – это слова, используемые взамен стилистически нейтральных лексических единиц и содержащие «коннотации, оскорбительные по отношению к предмету разговора или адресату (Малюга, Орлова 2019, с. 74).

Однако дисфемизмы – это не всегда бранные и грубые наименования. Так, Лысякова М. В. и Гаевая А. А. отмечают, что дисфемизмом может также выступать стилистически нейтральное слово или выражение, иногда обладающее мелиоративной окраской, «употребленное с целью дискредитации адресата или выражения негативной оценки со значением неодобрения, пренебрежения, презрения» (Лысякова, Гаевская 2018, с. 52), используемое в политическом дискурсе для оказания воздействия на целевую аудиторию с целью формирования определенного отношения к чему-либо или кому-либо. Такое мнение разделяет и Бех Е. Ф., подчёркивая, что в политическом дискурсе дискредитация явления / предмета происходит посредством прямого выражения негативного отношения к данному феномену (Бех 2018, с. 63), то есть, через дисфемизмы.

Согласно Пастуховой О. Д., в определенном контексте даже стилистически нейтральные лексические единицы могут обретать дисфемистические свойства, «подвергшись изменениям в денотативном плане, вследствие чего происходят изменения и в коннотативном аспекте» (Пастухова 2014, с. 71).

Эта позиция является важной для данной работы, поскольку первые лица государства не могут в своей речи употреблять сниженную лексику. Однако они могут это компенсировать посредством использования общеупотребительной лексики, которая в рамках контекста может приобретать черты дисфемизмов.

В связи с этим следует упомянуть, что Чепорухина М. Г. выделяет чистые и скрытые дисфемизмы. Под чистыми дисфемизмами исследователь понимает слова и выражения, имеющие негативные семы, эксплицитно реализующиеся в данной коммуникативной ситуации, в то время как скрытые дисфемизмы – это лексические единицы, «имеющие нейтральное или положительное значение в языке, ... но приобретающее негативные коннотации в ситуации общения и выражающие негативное или уничижительное отношение...» (Чепорухина 2021, с. 98-99).

Исследованию дисфемизмов как средства дискредитации и дезинформации посвящены работы Абаковой Т. Н., Катеневой И. Г., Навасартян Л. Г., Обвинцевой О. В. и т.д., в которых рассматривается функционирование данных лексических единиц в СМИ. Однако функционирование дисфемизмов в политическом дискурсе остаётся недостаточно изученным.

В результате анализа отобранного материала в речах первых лиц США, опубликованных на официальном сайте Белого дома, были найдены собственно дисфемизмы, контекстуальные и семантически производные дисфемизмы, выделенные Гаевой А. А., Гуриным В. В. и Петровой И. П. с учётом их семантико-прагматических особенностей (Гаевая, Гурин 2016, с. 61).

Прежде всего, было выявлено, что группа собственно дисфемизмов постепенно расширяется. Если Гаевая А. А., Гурин В. В. и Петрова И. П. отмечали, что вследствие политкорректности доля собственно дисфемизмов невелика, что исследованный материал показал, что первые политики США стали гораздо более резко выражать свою позицию, включая в речи слова, носящие оскорбительное значение.

Например, в следующем примере вместо термина *government departments and agencies* (*правительственные органы и учреждения*) используется слово *kleptocracy* (*клеттократия, правление воров*):

“Our measures will continue to sap Putin’s military-industrial complex of critical components, prevent the central bank’s foreign reserves from propping up an ailing economy and deprive Putin of the resources he needs to wage his war, and hold the **kleptocracy** to account for its **ill-gotten gains**” [White House].

Наличие сем с отрицательным значением подтверждают определения данных слов:

Kleptocracy [informal] a government where officials are *politically corrupt and financially self-interested* [Collins].

В русском языке это соответствует словосочетанию «правление воров».

Присутствие пометы *informal* свидетельствует о том, что данное слово можно отнести к группе дисфемизмов.

Также следует отметить, что отрицательное воздействие рассматриваемого дисфемизма усиливается через контекст, в котором используется ряд слов и выражений, имеющих отрицательную коннотацию и относящихся к разговорному стилю. Сюда, например, можно отнести выражение *ill-gotten gains*:

Ill-gotten gains are things that someone has obtained in *a dishonest or illegal way* (Collins).

Таким образом, **ill-gotten gains** - деньги или имущество, добытые незаконным путём (награбленное добро).

С помощью цепочки дисфемизмов президент США Дж. Байден формирует образ России, как врага, вторгшегося на территорию суверенного государства. В данном фрагменте помимо рассмотренных лексических единиц президент США также намеренно вместо термина *special operation* (*спецоперация*) использует слово *war* (*война*), имеющее ярко выраженное коннотативное значение.

Подобное кластерное использование позволяет значительно усилить «негативный заряд» сообщения, презентуя информацию под «нужным» углом.

В следующем примере прослеживается аналогичная тенденция: слово **slog** (каторга), являющееся дисфемизмом, сопровождается цепочкой военных терминов, имеющих в своих семантических структурах семы с отрицательным значением.

“Ten years later, the Soviet Union collapsed, and Poland and Central and Eastern Europe would soon be free. Nothing about that **battle** for freedom was simple or easy. It was a long, painful **slog fought** over not days and months, but years and decades” (White House, 26.03.2022)].

Центральное положение занимает дисфемизм *slog*:

Slog, US [informal] noun. 1. hard work done persistently; 2. an arduous, lengthy, and, sometimes, boring trip, effort, or task [Collins].

Он с обеих сторон окружён военными терминами (*battle* и *fight*):

Battle, noun. - a prolonged engagement between large numbers of opposing troops [Bowyer 2001, p. 25].

Fight, verb. - to use physical force against another person, army, etc., in order to defend yourself or to inflict injury [Bowyer 2001, p. 94].

При этом указанные термины тесно связаны друг с другом, что подтверждает

Battle (noun) “fight or hostile engagement between opposing forces”, from Old French *bataille* “battle, single combat,” from Latin *battuere* “to beat, to strike” (Телегуз 2021, с. 585)

Более того, рассматриваемый контекст содержит также общеупотребительную лексику, имеющую отрицательную коннотацию (*collapse*, *painful*), усиливающую воздействие дисфемизма на целевую аудиторию.

В следующем примере используется термин *autocrat*, который в рамках контекста становится дисфемизмом:

“President Zelensky was democratically elected. He’s Jewish. His father’s family was **wiped out** in the Nazi Holocaust. And Putin has the audacity, like all **autocrats** before him, to believe that might will make right” (White House, 21.08.2022).

Дефиниция лексической единицы *autocrat* подтверждает ее принадлежность к терминосистеме права:

Autocrat, noun (US). 1. an absolute ruler, esp. a monarch who holds and exercises the powers of government as by inherent right, not subject to restrictions; 2. a person invested with or claiming to exercise absolute authority; 3. a person who behaves in an authoritarian manner; a domineering person [Collins].

Однако в рассматриваемом контексте термин приобретает резко негативное значение – dictator, despot.

Также данный фрагмент содержит контекстуальный дисфемизм *wipe out* (*вырезать, изничтожить*):

Wipe out, verb (US) - a. to destroy completely; demolish; b. (informal) to murder; kill (Collins).

При употреблении в рамках ближайшего контекста, рассмотренные дисфемизмы приобретают «синергетический эффект», усиливая действие друг друга. С помощью них США открыто выражают негативную коннотацию по отношению к России, сопоставляя ее с Германией времён Второй мировой войны.

В коллекции отобранных текстов встречается также семантически производные дисфемизмы, не имеющие в своём ядерном значении сему уничтожения, например:

“But he, Putin, thought Ukrainians would **roll over** and not fight” (White House, 15.08.2022).

Об этом свидетельствует определение глагола *roll over*, зафиксированное в словаре:

Roll over - 1. Phrasal verb. If you are lying down and you roll over, you turn your body so that a different part of you is facing upward; 2. If a moving vehicle such as a car rolls over, it turns over many times, usually because it has crashed; 3. If you say that someone rolls over, you mean that they stop resisting someone and do what the other person wants them to do [Collins].

Однако в данном контексте реализуется производное значение этого слова, что превращает его в дисфемизм:

Roll over (slang) - to surrender (Collins).

Следовательно, в контексте происходит противопоставление значения термина (*fight*) и дисфемизма (*roll over*), что усиливает контраст между обозначаемыми ими действиями.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в речах ключевых политиков США присутствуют различные типы дисфемизмов, употребляемых с целью формирования отрицательного отношения целевой аудитории к России в процессе «информационной войны».

Литература

1. Абакова Т.Н. Парадигматические отношения и семантико-прагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов современного английского языка: на материале текстов британской прессы: дис. ... канд. филол. наук; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2007. – 144 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
3. Бех Е.Ф. Функциональная классификация дисфемизмов в художественном дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Т.4, №3, 2018. С. 60-66. DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-3-0-6
4. Гаевая А.А., Гурин В. В., Петрова И. П. Семантико-прагматический анализ лексических дисфемизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (65) 2016. Ч. 2. С. 61-64.
5. Егорова О.А. Эвфемизмы в современном политическом дискурсе США и особенности их передачи при переводе на русский язык [Электронный ресурс] // Научное обозрение: электрон. журн. – 2018. – № 3.
6. Иванов Л.Ю., Сквородников А. П., Ширяев Е. Н. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
7. Ищенко И.Г. Современные тенденции использования эвфемизмов и дисфемизмов в британской прессе // Известия ВГПУ. 2018. С. 116-119.
8. Катенева И.Г. Намеренная дисфемизация текстов как характеристика коммуникативной политики современной оппозиционной прессы // Вестник ЧелГУ. 2013. – С. 269-276.
9. Кликушина Т.Г. Эвфемизмы в политическом дискурсе // Дискурсивное пространство в лингвистическом ракурсе. Коллективная монография. Под редакцией Е.В. Поляковой. М.: Перо, 2017. С. 60-109.

10. Лысякова М. В., Гаевая А. А. Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. Т. 8. № 9 (1). С. 50-76. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-50-76
11. Малюга Е. Н., Орлова С. Н. Лексико-семантические свойства дисфемизмов в корпоративной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 72-81. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-72-81.
12. Миронина А. Ю. Политические эвфемизмы как средство реализации стратегии уклонения от истины в современном политическом дискурсе: на материале публичных выступлений Б. Обамы. Дис. ... канд. филол. н. 2012. Н. Новгород. 177 с.
13. Навасартян, Л. Г. Дисфемизмы как средство искажения информации в печатных СМИ / Л. Г. Навасартян // Современная филология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2017 г.). — Самара: ООО "Издательство АСГАРД", 2017. — С. 88-90.
14. Обвинцева О.В. Дисфемизмы как средства реализации стратегии дискредитации в англоязычных средствах массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 63-68.
15. Организация объединенных наций URL: <https://www.un.org/ru>. Дата обращения: 02.03.2022.
16. Павлова Е.К. Эмоционально-оценочная лексика в политическом дискурсе в условиях современной информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 129-131.
17. Пастухова О. Д. Основные функции дисфемизмов и причина их употребления в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 69-72.
18. Свицова А. А., Сулопарова М. М., Дудина Е. Д. Эвфемизмы в политическом дискурсе (на примере публикаций в The New York Times) // Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 176-179.
19. Телегуз А. А., Балобанова А. Г., Фомин А. Г. Словообразовательное гнездо как способ систематизации англоязычных военных терминов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 582–590. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-582-590>
20. Чепорухина М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 95-102. DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_08
21. Bowyer R. Dictionary of Military Terms. London: A & C Black Publishers Ltd, 2001. 287 p.
22. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov>. Дата обращения: 26.02.2022-23.08.2022).

УДК 811. 161. 1

Сухова Е.А.

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Россия*

История связанного корня *хут

Аннотация. *Статья посвящена проблеме возникновения особых корней – радикасоидов, которые характеризуются отсутствием способности употребляться без аффиксов. Цель данной статьи – установить причину формирования лексики со связанным корнем *хут. Исследование выполнено на материале толковых исторических и этимологических словарей. В результате рассмотрения истории формирования лексики со связанным корнем установлено наличие семантических сдвигов, архаизации производящего, деэтимологизации производных, сформировавших свои словообразовательные гнезда.*

Ключевые слова: *связанный корень, радикасоид, этимология, словообразовательное гнездо, этимологическое гнездо, историческое словообразование, деэтимологизация.*

Явление связанности корней изучается как синхронистами (Самойлова, 2008), так и историками языка (Пятаева, 1997). В данной статье пойдет речь об историческом корневом гнезде, в состав которого входили современные слова *похитить, расхитить, хищение, хищник, восхитить, хватать, хитрый*. В работе предполагается рассмотреть те исторические пути, которые привели к разрыву семантических связей между исторически родственными словами и формированию лексики, характеризующейся особым морфемным составом: корень таких слов оказывается в зависимости от окружающих его аффиксов и без них функционировать не может. В лингвистике такие морфемы получили название связанных. Истоки формирования связанности уходят корнями в древность, поэтому выявить причины ее становления можно только при диахроническом подходе к изучению лингвистических явлений. Именно история языка богата тем иллюстративным материалом, анализ которого позволяет отследить фонетическую трансформацию, семантические сдвиги, изменение словообразовательных отношений и морфемной структуры слова. Большую роль в формировании связанного корня играет процесс деэтимологизации.

Слово – основная единица языка – уже в момент своего возникновения начинает отвлекаться от того первоначального значения, которое дало ему жизнь, и становится лишь именованьем предмета, признака, действия. В каждом слове, как считал Н. Д. Голев, заключается диалектическое единство противоположностей: мотивизации и деэтимологизации (Голев, 1989). Деэтимологизация объективна в силу знаковой природы слова: значение лексемы всегда шире первичной мотивации и отличается от нее. Л. А. Булаховский выделяет следующие наиболее регулярные причины демотивации: малую частотность слова-мотиватора, связанность корня, стилистическую или территориальную ограниченность функционирования или полное исчезновение из языка, архаизацию мотиватора или мотивирующего значения, специализацию мотиватора, меньшую употребительность означаемого мотиватора по сравнению с означаемым мотивата (Булаховский, 1988). По словам В. И. Абаева, причины деэтимологизации связаны с технизацией значения: речевое образование в момент своего возникновения имеет не только техническую значимость, но и идеологическую, в дальнейшем именно идеологическая значимость забывается, продолжает существовать лишь материальная форма в десемантизированном виде (Абаев, 2006, с. 32). Процесс семантической редукции, специализации и технизации идет в языке непрерывно. При этом он всегда развивается по пути затемнения семантической связи между словами. При восстановлении истории слова и выявлении тех или иных семантических сдвигов необходимым этапом становится обращение к этимологии, которая признается ученым не самостоятельной отраслью знаний, а частью исторической лексикологии, которая призвана рассматривать семантическую структуру слова в динамике, учитывая в том числе его первоначальное значение. Учет семантического критерия важен на всех этапах рассмотрения формирования лексики со связанным корнем: при установлении родственности слов, решения вопросов о деэтимологизации, изменении словообразовательной мотивации и морфемной структуры слова.

В древнерусском языке глагол *хытати* употреблялся в значении '*хватать, похищать*'. Параллели в других славянских языках представлены лексемами, значение которых совпадает или пересекается со значением древнерусского слова: укр. *хитати* имеет значение '*шатасть*', болг. *хитам* – '*спешу*', сербохорв. *хитати* – '*хватать, бросать, спешить*', словен. *hitati* – '*похищать, бросать*', чеш. *chytiti, chytati* – '*хватать, ловить*', словц. *chytit', chytat'* – то же, в.-луж. *chycić* – '*хватать*', н.-луж. *chysis', chytaś* – '*бросать*' (Фасмер, 1996, с. 239). В этимологическом словаре славянских языков отмечается, что от глагола *хытати* образовалось слово *хытити*, эти слова признаются связанными с *хватати* и *хытрити* (Этимологический словарь славянских языков, 1990, с. 160–162).

При этом глагол *хытрити* был образован от краткого прилагательного *хытръ*, которое в свою очередь образовалось от глагола *хытити*. Таким образом, словообразовательная цепочка может выглядеть так: *хытати* – *хытити* – *хытръ* – *хытрити*, а цепочка семантических изменений – *хватать* – *похищать* – *проворный* – *выманивать*.

За период с XI по XVIII вв. о употреблении глагола *хитить* данных нет в связи с тем, что необходимые тома словарей еще не изданы, поэтому в статье будет сделан упор на анализ тех производных, информация о значении которых оказалась доступной. В Национальном корпусе русского языка глагол *хитить* обнаружен в четырех документах, первый из которых датирован 1941–1948 гг., а последний – 2015 г.: «Он громит их всячески: «Это не только аморально хитить у государства в наше время», «Какое же такое право имеете чужих детей хитить?», «Время хитить хотите, сволочи?!», «Сразу схватила ручонками, на себя тянет, верещит, что так она и знала, что это дело малолетних негодяев, папки с документами хитить и на хороших людей тень бросать» (Национальный корпус русского языка). При этом современные словари не фиксируют данное слово, в текстах оно функционирует как архаизм, используемый для придания выразительности. Столь немногочисленные примеры не могут служить поводом к разговору об освобождении связанного корня.

Обратимся к семантике глагола *восхитить*. В XI–XVII вв. слово употребляется в значениях ‘подхватить, поднять на высоту’, ‘выхватить, вынуть, вытащить’, ‘похитить, унести’, ‘взять, приобрести’: «Чюдно бо видѣти, братие, мучение его, овогда бо бяше главою потчен, овогда жѣ от земля восхищен и раздражен о землю» (Словарь русского языка, 1975, вып. 3, с. 66–67). Производные соотносятся по семантике с производящим: *восхитникъ* – ‘хищник’: «Въсхытъници врани исклюють ему очи»; *восхитница* – ‘хищница’: «Сънь иже еси видѣлъ, орел ес(ть) твое мѣздоимание, яко бо та птица насильна и въсхитница ес(ть), и те грѣх изьотъмет твои очи, яже ес(ть) власть твоя и жена твоя» (Словарь русского языка, 1975, вып. 3, с. 67). Наряду с именем *восхитник* употребляется слово *восхищник* в значениях ‘стяжатель, лихоимец’; ‘хищник’: «Иже своею волею ходять к поганымъ купля ради, и скверное ѣдят, сихъ отвѣщаваемъ въсхищники, и лихоиманники, и неправедники, и мездники, и сребролюбца» (Словарь русского языка, 1975, вып. 3, с. 68).

К XVIII в. слово имеет следующие значения: ‘схватить, выхватить’, ‘насильственно увести, унести, похитить’, ‘поднять на высоту, вверх; вознести к небу, на небо’, ‘привести в восторг, радостное воодушевление; чрезмерно обрадовать’: «Превосходное восхищает, плѣняет, оковывает, раждает благоговѣние» (Словарь русского языка). Таким образом, к XVIII в. у слова появляется современное абстрактное значение. В XIX в. семантика глагола выглядит так: ‘восхитить кого, похищать, выхватывать, уносить, уводить силою; увлечь в высоту’; ‘возносить кого духом, приводить в восторженное состояние, в восторг, восхищение’; ‘радовать, утешать в высшей степени’ (Даль). Ныне слово *восхищать* имеет всего одно значение ‘привести в восхищение, вызвать восторг’ (Грамота.ру). Итак, слово пережило деэтимологизацию и сформировало свое собственное словообразовательное гнездо (Тихонов, 1990), а его морфемная структура подверглась опрощению (Фасмер, 1996), в результате которого историческая приставка слилась с корнем, так как все конкретные значения были утрачены, а связи с однокоренными словами разорваны. Значение слова технизировалось и оторвалось от первичной мотивации, а ударение переместилось со второго слога на третий.

Еще одним из слов, которые пережили деэтимологизацию, является прилагательное *хитрый*. Этимологические данные свидетельствуют о том, что первоначальное значение слова *хитрый* – ‘хватаящий, быстро схватывающий’, потом возникло значение ‘умный, сообразительный, хитрый’. Слово было образовано с помощью суффикса *-р-* от глагола *хытити* по аналогии со словами *бодрый, старый* (Фасмер, 1996, с. 240) В словаре И. В. Даля оно трактуется как ‘искусный, мудреный, изобретательный, замысловатый,

затейливый’ (Даль). Анализ статистических данных Национального корпуса русского языка позволяет сделать вывод, что всплеск употребительности данного слова наблюдался во второй четверти XIX в., затем наметился спад. Данный спад связан с тем, что с течением времени слово *хитрый* утратило положительную оценку *‘быстро схватывающий’* и ныне демонстрирует следующие значения: *‘скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л.; лукавый’*, *‘проникнутый хитростью, лукавством; выражающий их’*, *‘изобретательный, искусный в чём-л.; хитроумный’*, *‘не простой, мудрёный, замысловатый’* (Грамота.ру). Утрата положительного значения стала причиной разрыва семантических связей с исторически однокоренными словами *хитить* и *хватать*. Слово, утратив общие с однокоренными словами значения, подверглось десемантизации.

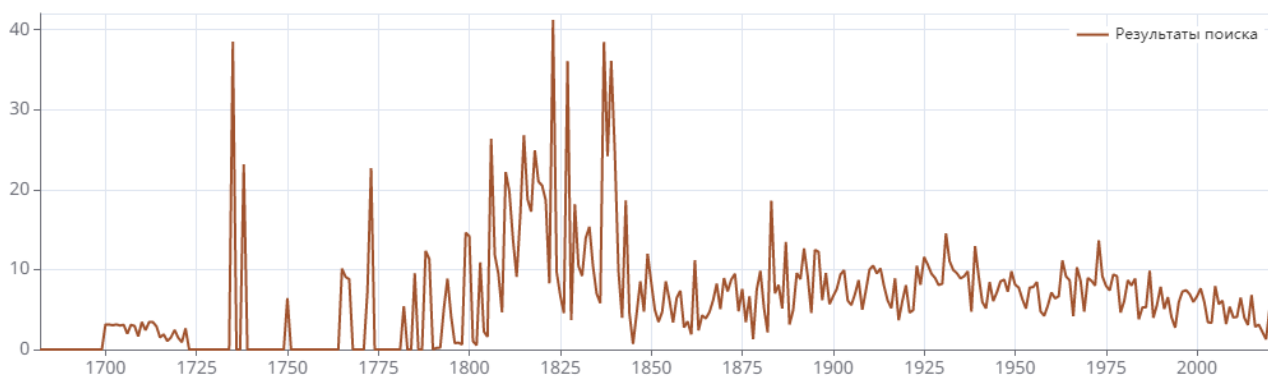

Рис. 1. Частность употребления слова *хитрый*; 1682–2021 гг. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 14.09.2022

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что единое этимологическое гнездо распалось в связи с семантическими сдвигами. Слова *хватать*, *восхитить*, *хитрый* пережили деэтимологизацию. Лексемы *похитить*, *расхитить*, *хищение*, *хищник* продолжают сохранять между собой семантическую близость, однако они вынуждены находиться в разных словообразовательных гнездах, так как объединяющее их производящее *хитить* пережило архаизацию. Слова *похитить*, *расхитить* и их производные стали словами со связанным корнем, несмотря на то что в языке продолжает существовать слово с односторонне связанным корнем *хищение*, с которым сохраняется семантическая близость.

Литература

1. Абаев, В. И. Язык как идеология и язык как техника / В. И. Абаев // Статьи по теории и истории языкознания. – Москва, 2006. – С. 27–44.
2. Булаховский, Л. А. Деэтимологизация в русском языке / Булаховский Л. А. // История советского языкознания. – Москва: Высш. шк., 1988. – С. 42 – 46.
3. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск: изд. Томск. ун., 1989. – 249 с.
4. Грамота.ру. – URL: <http://new.gramota.ru/> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-quote.html> (дата обращения: 10.09.2022).
7. Пятаева, Н. В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em - и *beg «брать, взять» в истории русского языка / Н. В. Пятаева // Этимология 1994–1996 / под. ред. О. Н. Трубачева. – Москва: Наука, 1997. – С. 140–146.
8. Самойлова, Ю. В. Тенденция к освобождению связанных корней / Ю. В. Самойлова // Русская речь. – 2008. – № 1. – С. 46–50.

9. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва: Наука, 1975 –.
10. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1–19. – Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1984–2011. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения 20.03.2022).
11. Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь / А. Н. Тихонов. – Москва: Астрель: АСТ, 2007. – 700 с.
12. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь: в 2 т / А. Н. Тихонов. – Москва: Русский язык, 1990.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / М. Фасмер. – Москва: Санкт-Петербург: Азбука, 1996.
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский фонд. Вып. 16 / под ред. О. Н. Трубачева. – Москва: Наука, 1990. – 264 с.

УДК 81'25

Толкачевски Ф.

Университет Казимира Великого, г Быдгощ, Польша

«Лучше, чем сказал народ, не скажешь» (диалектная лексика произведений Василия Шукшина в переводах на английский язык)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты перевода на английский язык диалектизмов находящихся в рассказах В. М. Шукшина. Их региональный характер является настоящим вызовом для переводчиков, поскольку эти единицы не имеют «готовых» эквивалентов в языке перевода. Передача диалектной лексики требует креативного подхода и немалых интеллектуальных усилий.

Ключевые слова: диалект, диалектная лексика, переводное соответствие, перевод, английский язык.

Василий Макарович Шукшин – человек многих талантов – писатель, сценарист, режиссер и актер (Pawlak, 1981, с. 16–17). Мастер слова. Известный не только в России, но также за ее пределами. Произведения писателя были переведены на близко 50 языков мира (Чеснокова, 2004, с. 47).

Начальный этап ознакомления англоязычных читателей с рассказами Шукшина пришелся на 60-ые годы XX столетия. Ранние переводы рассказов на английский язык появились прежде всего в периодической печати (в 1964 году на страницах ежемесячника «Soviet Literature» появились первые переводы 4 рассказов Шукшина *Chief Accountant's Nephew* (Племянник главбуха), *A Classy Driver* (Классный водитель), *The Examination* (Экзамен), а также *Stepan in Love* (Степкина любовь) в переводе Р. Паркера), коллективных сборниках произведений русских и советских писателей, а также в сборниках рассказов самого Шукшина. Первый такой сборник был опубликован в 1973 году под названием *I Want to Live*. В последующее время популяризации творчества писателя в англоязычных странах способствовало издание четырех очередных сборников: *Snowball Berry Red and Other Stories* (1979), *Roubles in Words, Kopeks in Figures and Other Stories* (1985), *Short Stories* (1990), *Stories from a Siberian Village* (1996). В целом распоряжении современной англоязычной аудитории имеются переводы 74 произведений (70 рассказов, 1 повесть, 1 сказка, 1 пьеса и 1 сценарий). Вне того коммуникативного пространства остаются все романы писателя.

Шукшин в своих произведениях «стремился к простоте повествования, обогащая литературный язык за счет живой разговорной речи народа» (Горн, 1977, с. 24).

Словестная ткань произведений писателя разнообразна. Нередко он обращался к народно-разговорному языку. В составе этой лексики выделяются, кроме разговорных, просторечные и диалектные слова (Байрамова), т.е. те единицы, которые традиционно считаются ядром народно-разговорной лексики. «Именно с народной языковой культурой тесно связано искусство слова Шукшина» (Байрамова).

Диалектная лексика – не входит в общенародную систему языка. Принадлежит к лексическим пластам ограниченного употребления. Диалектная лексика, как и общенародные лексические ресурсы, включает в себя одноэлементные единицы, т.е. слова, а также многоэлементные единицы, т.е. различные словосочетания (Marszałek, 2002 с. 11). Это слова или выражения из диалекта, свойственны людям, живущим в определенной местности, регионе. Диалектные слова и обороты используются преимущественно в устной речи. Для их обозначения употребляются и другие термины: провинциализмы, областные слова, региональные и территориальные единицы.

Диалект в творчестве Шукшина нашел широкое отражение. В его произведениях можно найти все типы диалектной лексики: фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, лексические: а) собственно лексические, б) семантические, в) этнографизмы, а также диалектные фразеологизмы (Федоров, 1980; Шанский, 1972, с. 118–120; Marszałek, 2002, с. 11–12; PSWP¹, с. 362). Диалектная лексика включена и в диалоги, и в повествование. Диалектизмы являются средством социальной или культурной характеристики, передают местный колорит, отражая особенности быта, образа жизни и деятельности персонажей, а также необычные черты их речи. Региональная лексика в художественном произведении выполняет определенную стилистическую функцию, создает своеобразную достоверность, неповторимость. Обогащает современную речь. Диалектная лексика обладает яркой экспрессией (Байрамова; Горн, 1977, с. 29; Горн, 1990, с. 225; Шанский, 1972, с. 117–118; Gierczyńska, 1996, с. 41; Handke, 2001, с. 215–216; Marszałek, 2002, с. 13–14).

Шукшин во многих своих произведениях отразил говор села Сrostки – говор алтайской деревни. Там он родился (Pawlak, 1981). По воспоминаниям односельчанки писателя, учительницы Надежды Алексеевны Ядыкиной «слова, характерные для сибирского говора, были из уст матери, с ними он вырос» (Байрамова). Из этого следует, что он хорошо знал специфику народной речи и не интуитивно, а целенаправленно употреблял региональную лексику.

«Русские говоры Алтая относятся традиционно к периферийным говорам вторичного образования» (Шелепова, 2012, с. 46).

[...] они сложились поздно, в конце XVII – начале XVIII века, когда переселенцы уже прошли огромные пространства Сибири от Урала до Тихого океана. Здесь носители и севернорусских, и южнорусских, и среднерусских, и сибирских говоров – все смешано (Хомайко, 2013).

Исследователи художественного языка Шукшина нередко упрекали писателя в злоупотреблении диалектизмами. Но суть, как справедливо отмечает В. Ф. Горн, не находится в их количестве, а в чувстве художественной меры (Горн, 1977, с. 29). Благодаря рассказом Шукшина и их гетерогенной лексике, читатели оригинала могли получить представление об Алтае, его жителях, языке и культуре этого сибирского региона.

Дж. Гивенс – американский литературовед, исследователь творчества Шукшина и переводчик его произведений на английский язык (Марьин, 2004, с. 18–20) – изучив переводы в британском варианте английского языка, пришел к выводу, что проза Шукшина за пределами русской лингвокультурной общности «существенно отчуждается в интерпретации переводчика и в восприятии иностранного читателя» (Гивенс, 1992, с. 11). Англоязычная аудитория сталкивается с трудностями восприятия рассказов, связанными в

¹Список использованных словарей помещен в конце статьи.

главной мере, как считают исследователи, с языком и изображением местного колорита (Гивенс, 1994, с. 184–191). «Шукшинские герои говорят как англичане, подобно героям Диккенса. При этом почти не ощущается и русская среда» (Гивенс, 1994, с. 186).

В данной статье мы рассмотрим основные способы воспроизведения диалектных особенностей (находящихся в рассказах В. М. Шукшина) в переводах на английский язык. Небольшой объем статьи не позволяет проанализировать в аспекте перевода все найденные региональные единицы.

Материалом для анализа послужило 20 рассказов В. М. Шукшина и 33 перевода¹ на английский язык – некоторые рассказы были переведены 2 или 3 раза. Переводы выполнили: Роберт Даглиш, Лаура Майкл, Джон Гивенс, Хильда Перхам, Эндрю Бромфилд, Дональд М. Фиене, Холли Смит, Аврил Пайман, Джеффри А. Хоскинг, Наташа Уорд, Дэвид Айлифф, Джордж Гуче, Кэтлин М. Кук.

Смысловое содержание диалектизмов устанавливается на основе словарей, которые одновременно удостоверяют их областную принадлежность: *Словарь диалектизмов в произведениях В. М. Шукшина* (далее СДПШ), *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая* (ИЭСРГА), *Словарь русских говоров Алтая* (СРГА), *Словарь русских говоров Новосибирской области* (СРГНО), *Словарь русских народных говоров* (СРНГ), *Словарь языка рассказов В. М. Шукшина* (СЯРШ).

Семантика и стилистические особенности соответствий устанавливаются на основании данных толковых словарей английского языка.

Исследователи полагают, что перервод диалектизмов это непростая задача. «Диалектная лексика в силу ее локальной ограниченности и непредставленности в нормативных словарях оказывается наиболее сложной для понимания значения и передачи на другой язык» (Чеснокова, 2004, с. 54). Диалектизмы это один из типов безэквивалентной лексики. Трудность заключается также в том, что «невозможно использовать диалектные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют иную группу людей» (Комиссаров, 2002, с. 75). Ученые подчеркивают:

[...] использование элементов того или иного территориального диалекта языка перевода неизбежно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия, с его обстановкой, с принадлежностью действующих лиц, как и самого автора, к определенной национальности (Федорова, 2002, с. 343–344).

Собранный и проанализированный нами языковой материал позволяет отметить, что авторы художественных переводов отражают диалектизмы при помощи: (1) нейтральной лексики (2) разговорной лексики, (3) устаревшей лексики, (4) дефиниции диалектизма, (5) грамматических трансформаций.

1. Перевод нейтральной лексикой

Суть перевода диалектизмов при помощи стилистически немаркированной лексики заключается в том, что в качестве их эквивалентов используются существующие в переводном языке межстилевые слова, обладающие достаточной общностью значений с единицами оригинала. В ряде случаев достигается совпадение объема денотативных значений при неизбежном расхождении в функционально-стилистическом и коннотативном планах, ср.:

апосля ‘после, потом’ (СДПШ) → **after** (LDOCE) ∇ – *Я дам... Апосля привезешь. – Все вышло? – Ага* (КН, 150); "*Run short, have you?*" "*Uh-huh.*" "*I'll let you have something and you can take it up after*" (OS, 49);

базланить ‘сильно, громко кричать’ (СДПШ) → **yell** (OALD) ∇ *Она видит, дело плохо, давай базланить* (СМВ, 518); *She saw I had her on the spot, so she started to yell* (TSu, 56);

¹ Список сокращений рассказов и их переводов прилагается в конце статьи.

воротчки ‘калитка, небольшие ворота’ (ИЭСРГА, СРГА) → **gate** (OALD) ∇ **Воротчки** только закрыть не забудь (КН, 155); *Only don't forget to shut the gate after you* (OS, 58);

глазыньки ‘орган зрения’ (СЯРШ обл.) → **eyes** (LDOCE) ∇ *Совесть-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тьфу! – в твои глазыньки бесстыжие! Пупок!..* (МПМ, 259); “[...] *Don't you have any conscience at all, or did you blow it away along with your fingers?*” *With that, she spit at him and added, "You and your shameless eyes! You ass-hole!"* (IBY, 126);

клюка ‘то же, что кочерга’ (СРНГ) → **poker** (LDOCE) ∇ *Никитич пошуровал короткой клюкой в камельке, набил трубочку и стал думать про парня* (ОЖ, 167); *Nikitich raked the fire with a small poker, filled his pipe and began thinking about the young man* (IWL, 72);

куржак ‘иней; осадки в виде мелкого снега’ (СРГНО) → **frost** (LDOCE) ∇ *На стенах, в пазах, куржак в ладонь толщиной, промозглый запах застоялого дыма* (ОЖ, 161); **Frost** as thick as your hand on the walls and in every cranny, and a dank, lingering smell of smoke (IWL, 59);

матерщинничать ‘ругаться матом’ (СДПШ) → **swear** (CALD) ∇ *Знает свое – матерщинничать да к одиноким бабам по ночам шастать* (Су, 350); *He knows his business – swearing and straying off nights to single women...* (TB2, 58);

обочь ‘сбоку, около, в стороне от чего-либо’ (СРНГ) → **beside** (MEDAL) ∇ *В одном месте парень останавливался закурить: обочь лыжни ямка – палки втыкал. На снегу крошки листовухи и обгоревшая спичка* (ОЖ, 169); *At one point he had stopped for a smoke; beside the trail were the marks where he had plunged his sticks into the snow, a few scraps of leaf tobacco and a burnt match* (IWL, 77);

робить ‘работать’ (СДПШ, СРГНО) → **work** (CALD) ∇ *Робить надо, вот и благодать настанет* (КН, 150); *Work—that's the only answer. Then there'll be peace and plenty* (OS, 51);

скотинёшка ‘сельскохозяйственное животное, скот’ (СРНГ уничиж.) → **livestock** (LDOCE) ∇– *Ну, пойду я, дядя Степан, – сказал Егор. – Скотинёшку попить да корма ей задать...* (КПС, 239); *"Well, I'd better get going, Uncle Stepan," Yegor said. "I've got to feed and water the livestock yet..."* (НТО2, 94); *"Well, I have to go now, Uncle Stepan," said Pronka. "Got to water the livestock and give them some feed"* (НТО1, 32);

слухать ‘слушаться’ (СДПШ) → **listen** (OALD) ∇– *А вы не слухайте. Вы спите* (Д, 228); *You don't have to listen to him. Go to sleep* (Th, 85); *So don't listen. Go to sleep* (Me, 98);

стретить ‘встретить’ (СДПШ) → **meet** (MEDAL) ∇ *Ефиму придешь и скажешь: стретил, мол, Никитича в тайге, он повел иологов в Змеиную согзу* (ОЖ, 172); *You'll go and tell Yefim that you met me in the taiga and I'm guiding a party of geol'gists to Snake Marsh* (IWL, 83);

сурьёзно ‘серьезно, нелегкомысленно’ (СРНГ) → **seriously** (LDOCE) ∇– *Ты никак выпил? – Да нет!.. Ты любила меня или так... по привычке вышла? Я сурьёзно спрашиваю* (Д, 229); *Are you drunk? Certainly not!.. Did you love me or what was it—habit that made you marry me? I'm asking you seriously* (Th, 91);

сымать ‘снимать что-л. надетое (одежду, обувь и т. п.)’ (СРНГ) → **take sth off** (CALD) ∇ [...] – *ружье не сымай, а достань сзади руками, переломи и выкинь из казенника патроны* (ОЖ, 170); *Don't take the gun off your back, just reach behind you and empty the magazine* (IWL, 78);

шяять ‘тлеть’ (СРГНО) → **smoulder** (LDOCE) ∇ *А чтоб навоз хорошо прогрелся, она его, который посуше, подожгла снизу паяльной лампой, а сверху навалила что посырей и оставила шяять на ночь. Он шяял, шяял, высох и загорелся огнем* (Сд, 346); *She heaped up a big pile of manure and good earth and then, to heat the manure thoroughly, she lit the drier stuff at the bottom with a soldering-iron, heaped the damper mulch on top and left it to smoulder overnight. It smouldered for hours, then eventually all dried through and burst into flames* (TC, 98); *She dragged bushels of manure over to the beds and made a big pile. To make sure the*

manure was good and dry, she lit the drier cow patties on the bottom with a soldering lamp and heaped the soggy patties on top. Then she left the whole mess to smoulder overnight. And smoulder it did. It smouldered and smouldered until it finally dried out all the way, and then the whole manure pile caught fire (TF, 140);

ярманка ‘ярмарка’ (СДПШ) → **fair** (CALD) ∇ – *А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярманку возил?* (О, 120); *"Hey, Antip, do you remember how you took me to the fair in the big city that time?"* (АА, 41).

Воссоздание денотативного значения диалектизмов при помощи стилистически немаркированной лексики не всегда обеспечивает достижение семантической конгруэнтности. Соответствие со смещенным значением иллюстрирует следующий пример, ср.:

завóзня ‘сарай для телег, саней, утвари и т.п.’ (ИЭСРГА) → **shed** ‘крытое, деревянное строение для хранения различного имущества’ (LDOCE) ∇ *Ермолай Воеводин копался еще в своей завозне – тесал дышло для брички* (Ст, 141); *Yermolay was still busy in his shed, making a shaft for his cart* (Ste, 25); *Yermolai Voyevodin was still pottering around in his shed – planning a shaft for a wagon* (Sty, 47).

Некоторые неполно совпадающие переводные эквиваленты характеризуются расширением значения по сравнению с единицами ИЯ, не нарушая при этом коммуникативной функции текста оригинала. Происходит замена культурно-специфичной единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводного языка с более широким значением, которая однако уже культурно не окрашена, ср. напр.:

битióрь ‘местное название пескаря’ (СЯРШ обл.) → **fish** ‘рыба’ (LDCOE) ∇ – *На битюря похожая? – Ну. Щучья. – Я ее, видно, зажарила по ошибке* (Ч, 249); *"It looks like a fish?" "Suppose so. It's for pike." "I must've fried it up by accident"* (Odd, 81);

медовуха ‘хмельной медовый напиток’ (СРГНО) → **mead** ‘алкогольный напиток сделанный из меда’ (LDOCE) ∇ *Бабка слезила под пол, достала четверть с медовухой* (СЖ, 79); *Grandma Malanya went down into the cellar and returned with a large bottle of mead* (CD, 20); *The old woman went down into the cellar and brought up a giant bottle of mead* (CF, 8);

пимокáт ‘человек, катающий пимы – меховые сапоги или валенки’ (СДПШ, СРГНО) → **shoe-maker** ‘сапожник – мастер по шитью и починке обуви’ (LDOCE) ∇ *Пимокат Валиков подал в суд на новых соседей своих, Гребеничиковых* (Сд, 346); *Efim Valikov took his new neighbours, the Grebenshikovs, to court. Efim was the village shoe-maker* (ТС, 98);

скотинёшка ‘сельскохозяйственное животное, скот’ (СРНГ уничиж.) → **animal** ‘животное’ (MEDAL) ∇ – *Ну, пойду я, дядя Степан, – сказал Егор. – Скотинёшку попоить да корма ей задать...* (КПС, 239); *"Well, I'll be off, old Stepan," said Yegor. "I've got to water my animals and feed them"* (ТОМ, 85);

спиртя́га ‘спирт’ (СДПШ экстр.) → **grog** ‘любой алкогольный напиток’ (LDOCE разг.) ∇ – *Спиртяги? Есть маленько. Пей, я не хочу больше* (ОЖ, 167); *Grog? Just a drop. You have it, I don't want any more* (IWL, 72);

щербá из чебачков ‘уха из плотвы’ (СДПШ) → **fish soup** ‘рыбный суп’ ∇ *Пока варилась щербá из чебачков, пропускали по первой, беседовали* (МПМ, 255); *While the fish soup was cooking, they would down the first round and converse* (IBY, 119).

Встречаются и случаи переводческих неудач, которые связаны, пожалуй, с неверной дешифровкой авторских единиц, напр.:

дровосéка ‘обрубок дерева, приспособленный для колки дров’ (СДПШ) → **wood pile** ‘штабель древесного топлива’ (LDOCE) ∇ *Вышел во двор, сел на дровосеку, закурил* (ВС, 226); *He went out into the yard, sat down on the wood pile and lighted a cigarette* (INC, 144);

со́гра ‘заболоченная низина, поросшая лесом’ (СЯРШ обл.) → **hill** ‘холм, пригорок, возвышенность’ (LDOCE) ∇ *Недалеко тут кержацкий скит стоял, за согрой, семья жила: старик со старухой да дочь ихняя годов двадцати* (ОЖ, 166); *There used to be an*

Old Believers' chapel the other side of the hill. There was a family living there, an old man and his wife and their daughter—about twenty she was (IWL, 71);

щербá из чебачков ‘уха из плотвы’ (СДПШ) → **bream fish soup** ‘суп из леща’ – в донском диалекте функционирует лексема *чебак* – *лещ* [21, с. 85]; **carp broth** ‘бульон из карпа’ ∇ *Пока варилась щербá из чебачков, пропускали по первой, беседовали* (МПМ, 255); *While the bream fish soup simmered, they'd toss back the first round and chat* (ММ2, 91); *While the carp broth was cooking, they took their first glass and started to chat* (ММ1, 43).

Перевод диалектизмов посредством нейтральных слов английского языка, передающих лишь денотативное значение диалектного слова, приводит к потере экспрессивно-стилистической окраски диалектизма, обедняет речевую характеристику персонажей и культурную специфику подлинника. Исчезает оттенок простонародности и провинциальности исходного текста.

2. Перевод разговорной лексикой

Для квалификации слов как разговорных мы пользовались данными словарей английского языка: CALD, LDOCE, MEDAL. Среди переводческих соответствий данного типа находятся:

1. передающие полное денотативное значение, напр.:

базлáнить ‘сильно, громко кричать’ (СДПШ) → **holler** (LDOCE разг.) ∇ *Она видит, дело плохо, давай базланить* (СМВ, 518); *She sees things aren't too good and starts hollering* (TSO, 284);

налупíться ‘наестся до отвала’ (СДПШ *экспр.*); ‘наестся досыта’ (СРГНО *экспр.*) → **stuff oneself** (LDOCE разг.) ∇ *Мать сварила жито, а он есть отказался, да тоже весело, бодро: «Вы ешьте, а я уж налутился дорогой – сырой!»* (КЗЛ, 540); *Their mother had boiled up grain, but he refused to eat, in the same cheerful, jolly voice: "You eat, I already stuffed myself on the way with raw grain! My belly's swelling up"* (НТВ, 310);

пáря ‘мужчина, приятель (чаще в обращении) (СРНГ); ‘ласково-фамильярное обращение к собеседнику’ (СДПШ, СРГНО) → **lad** (MEDAL разг.) ∇ *Старик качнул головой: – Не пойму, пáря, к чему ты?* (ОЖ, 164); *Nikitich shook his head. "I don't see what you're driving at, lad"* (IWL, 67);

тáтя ‘то же, что отец’ (СРНГ) → **pop** (CALD разг.) ∇ *Игнатий захохотал: – Слышь, тáть!.. Не знает, как называть тебя! Старик тоже засмеялся: Отцом вроде довожусь... (ИП, 111); Ignaty roared with laughter. "Listen here, Pop!... She doesn't know what to call you!" The old man laughed. "I guess this makes me her father..."* (ИЧ, 59);

2. ошибочно передающие значение диалектного слова, ср.:

глазыньки ‘орган зрения’ (СЯРШ обл.) → **toady** ‘тот, кто стремится угодить кому-л., расположить в свою пользу’ (LDOCE разг. *уничиж.*) ∇ *Совесть-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тьфу! – в твои глазыньки бесстыжие! Пупок!.. (МПМ, 259); "[...] Have you any self-respect, or has it all been knocked out of you? Pah!" she spat. "Shameless toady. Bronislav Pupkov, huh!"* (ММ1, 48);

сура́з ‘внебрачный ребенок’ (СРГНО) → **brat** ‘щенок, сопляк’ (CALD разг. *уничиж.*) ∇ *Спирька закурил. – Я – сураз, – начал он* (Су, 353); *Spirka lit a cigarette. "I'm a brat," he began* (ТВ1, 156–157).

Все элементы территориального диалекта являются отклонением от литературной нормы. В нашем материале эта особенность стилистического использования диалектизмов воспроизводится в переводе при помощи разговорной лексики английского языка, так как «в основе этой функциональной лексической замены лежит стремление сохранить основную функциональную характеристику текста – факт ненормативности текста» (Алексеева, 2004, с. 195). Переводческая единица, равно как и соответствующий ей диалектизм оригинала, не принадлежит к стандартному языку (Lewicki, 1986, с. 25). Такие переводческие эквиваленты диалектных слов в переводах на английский язык

немногочисленные, тем не менее переводчики порой неправильно передавали денотативное значение подлинника.

3. Перевод устаревшей лексикой

Устаревшая лексика – как и разговорная – вводит в переводной текст оттенок ненормативности. Она используется в нашем материале только раз, ср.:

сурáz ‘внебрачный ребенок’ (СРГНО) → **bastard** (LDOCE *устар.*) ∇ *Спирька закурил. – Я – сураз, – начал он* (Су, 353); *Spirka began to smoke. "I'm a bastard," he began* (ТВ2, 63).

4. Использование результатов описательного перевода

Для передачи диалектной лексики используется также описательный перевод. Представляет он собой воспроизведение диалектизмов описательно, свободными словосочетаниями на уровне речи, близкими семантически, объясняющими их смысл. Они непосредственно включены в текст перевода и не представляют собой выделенной композиционной части. Описательные обороты приводят к увеличению его объема (Lewicki, 2017, с. 252–253), ср.:

актiвничать ‘проявлять активность в решении общественных дел, быть членом деревенского актива’ (СДПШ) → **take an active part in something** ‘активно участвовать в чем-л.’ ∇ *Филипп смолоду был очень активен. Активно включился в новую жизнь, активничал с колхозами...* (Ос, 587); *In his youth Filipp had been very active politically. He'd taken an active part in the new life after the revolution he'd been an activist in the organization of the kolkhozes...* (ИТА, 193);

белковать ‘охотиться на белок’ (СДПШ, СРГНО, СРНГ) → **go for squirrels** ‘охотиться на белок’ ∇ *С малых лет таскался он по тайге – промышлял. Белковал, а случалось, медведя-шатуна укладывал* (ОЖ, 161); *Almost since boyhood he had been roaming the taiga, making his living by hunting. He went mainly for squirrels, but sometimes he had brought down a stray winter bear* (IWL, 60);

вечерять ‘ужинать’ (ИЭСРГА) → **have supper** ‘ужинать’ ∇ *Клавдя и девочки вечеряли* (С, 433); *When he arrived, Klavdia and the girls were having supper* (ВО, 264);

глазыньки ‘орган зрения’ (СЯРШ обл.) → **little eyes** ‘маленькие глаза’ ∇ *Совесть-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тьфу! – в твои глазыньки бесстыжие! Пупок!..* (МПМ, 259); “[...] *Don't you got a conscience? Or did they knock it outta you? Tfu!*” *She spits. "Right between your shameless little eyes! Boob-kov!"* (ММ2, 96);

дровосека ‘обрубок дерева, приспособленный для колки дров’ (СДПШ) → **chopping block** ‘пенек для колки дров’ ∇ *Вышел во двор, сел на дровосеку, закурил* (ВС, 226); *He went out into the yard, sat down on the chopping block, and lighted a cigarette* (IC, 187);

камелёк ‘небольшая печь с плитой, служащая для обогрева и приготовления пищи’ (СРГНО) → **a small stove** ‘небольшая печь, служащая для обогрева и приготовления пищи’ ∇ *Найдется и глина поблизости, и камни – собьют камелек, трубу на крышу выведут, и нары сколотят – живи не хочу!* (ОЖ, 161); *Somewhere nearby they'll find clay and stones and put in a small stove with a chimney-stack and build a rough bunk to sleep on. And there you are—a place to live in for as long as you feel like it* (IWL, 59);

кошенiна ‘скошенная, но еще не убранная трава’ (СРГНО) → **swathes of mown grass** ‘покосы скошенной травы’ ∇ *Анисим взял литовку, подернул ее бруском. Поглядел на ряды кошенины – неплохо с утра помахал* (З, 264); *Anisim picked up his scythe and swept the whetstone along the blade. His eye roamed over the swathes of mown grass—he hadn't done so badly since morning* (МОО, 138);

медовуха ‘хмельной медовый напиток’ (СРГНО) → **sweet home-brewed beer** ‘домашнее сладкое пиво’ ∇ *Бабка слазила под пол, достала четверть с медовухой* (СЖ, 79); *Granny climbed down to the cellar and got a jug of her sweet home-brewed beer* (CFo, 5);

пимокат ‘человек, катающий пимы – меховые сапоги или валенки’ (СДПШ); ‘валяльщик пимов’ (СРГНО) → **sb who made high boots of thick felt** ‘тот кто делает фетровые сапоги’ ∇ *Пимокат Валиков подал в суд на новых соседей своих,*

Гребенщиковых (Сд, 346); *Yefim Valikov, who made high boots of thick felt for a living, took his new neighbors, the Grebenshchikovs, to court* (TF, 140);

поумериться 'проявить меру, стать таким, как все' (СДПШ) → **to become more modest in one's aspirations** 'стать более умеренным в своих стремлениях' ∇ *Крыша – взято в кавычки, потому что дом большой – это уже не крыша. Ивану делают замечание – чтобы он поумерился* (КНГ, 333); *Roof' is quotation marks because the house is so large you can't really talk about its being just a roof over your head. Ivan gets reprimanded in the hopes that he'll become more modest in his aspirations* (ARO, 121);

пýта 'веревка для спутывания ног пасущихся лошадей (СРГНО) → **hobble rope** 'веревка для спутывания' ∇ *Матвей слухом угадал, где пасутся кони, взнуздal Игреньку и, нахлестывая его по бокам волосяной пумой, погнал в деревню* (Д, 228); *Matvei listened for the sound of the horses grazing, caught Igrenka and bridled him and, lashing his flanks with the hobble rope, galloped him to the village* (Th, 87); *Matvei made his way in the dark to where he heard the horses grazing, bridled Igrenka and, whipping him on his sides with the hobble rope, raced to the village* (Me, 99);

стёганка 'теплая, на вате, пуху или шерсти одежда' (СРНГ) → **quilted jacket** 'куртка из стеганного материала' ∇ *Дверь приоткрылась, и в белом облаке пара Никитич едва разглядел высокого парня в подпоясанной стеганке, в ватных штанах, в старой солдатской шапке* (ОЖ, 161); [...] *the door opened, Nikitich was only just able to make out in the steamy white air a tall young man in quilted trousers and jacket, wearing a belt and an old army cap with earflaps* (IWL, 61);

шоферить 'работать шофером' (СДПШ) → **take a job as a driver** 'начать работать шофером'; **begin to work as a driver** 'начать работать шофером' ∇ *Малость погулял, отдал деньги матери, пошел шоферить* (Су, 351); *He enjoyed himself for a bit, gave all his savings to his mother, and took a job as a driver* (ТВ1, 153); *He played around a bit, gave money to his mother, and began to work as a driver* (ТВ2, 61).

Использование результатов описательного перевода, реализующееся при помощи нейтральной английской лексики, способствует воссозданию денотативного значения диалектизмов, но нивелирует их стилистическую нагрузку и другие признаки исходного текста.

5. Использование грамматических трансформаций

В процессе передачи диалектизмов в некоторых случаях применяются трансформации на морфологическом уровне, т.е. производится замена частей речи. Встречаются следующие виды замен:

1) преобразование наречия в прилагательное:

сурьёзно 'серьезно, нелегкомысленно' (СРНГ) → **serious** ∇ – *Ты никак выпил? – Да нет!.. Ты любила меня или так... по привычке вышла? Я сурьезно спрашиваю* (Д, 229); *"You haven't been drinkin', have you?" " course not!... Were you in love with me or did you just... marry me 'cause it was a thing to do? I'm serious about this"* (Me, 101);

2) трансформация существительного в предложное выражение:

ту́лка 'ружьё тульского оружейного завода' (СДПШ) → **from Tula** ∇ *Невольню опытным охотничьим глазом осмотрел ружье: новенькая тулка, блестит и резко пахнет ружейным маслом* (ОЖ, 169); *His hunter's eyes noted the gun he was holding. It was a brand-new one from Tula, shiny and reeking of gunsmith's oil* (IWL, 78).

6. Опущение диалектизма в переводе

Опущение диалектизма в переводе ведет к потере всей информации заложенной в значении территориально-маркированной единицы. Исчезает замысел автора – отразить в своих произведениях «живой» язык народа, язык сибирской деревни, ср.:

битю́рь 'местное название пескаря' (СЯРШ обл.): – *На битюря похожая? – Ну. Щучья. – Я ее, видно, зажарила по ошибке* (Ч, 249); *"What does it look like?" "It's for pike." "I must have fried it by mistake"* (Q, 106);

займка – земельный участок, удаленный от населенного пункта, занятый одним хозяином, с жилыми и хозяйственными постройками на нем (СДПШ, СРГНО): *Только там займка одна попадет, от нее, от займки-то, ишо одна дорога влево пойдет, ты не ходи по ей – это в район* (ОЖ, 172); *Mind you, the road forks at one spot. Don't take the left turn because it leads to the district centre* (IWL, 82).

Собранный и проанализированный нами языковой материал позволяет отметить следующее.

1. Доминирующая часть диалектных слов в переводах на английский язык нашла свою репрезентацию в стилистически немаркированной лексике. Некоторые переводчики использовали разговорную или устаревшую лексику, объясняли смысл диалектизма, либо применяли грамматические трансформации. Однако эти решения являются неоптимальными, поскольку ни один из вышеперечисленных субститутов не дает полностью удовлетворительного результата.

2. Территориальные единицы не сохранились в переводах на английский язык. Диалектным словам оригинального художественного произведения всегда соответствуют «неполные эквиваленты, у которых утрачена социолокальная информация слов оригинала» (Виноградов, 2004, с. 86–87), что обедняет местный колорит и речевую характеристику персонажей.

3. В некоторых случаях переводчики игнорировали диалектизмы подлинника и не воспроизводили их в текстах перевода. В англоязычных переводах опущены следующие диалектные слова – *битюрь*, *займка*.

4. При передаче диалектных слов наблюдается, прежде всего, стремление переводчиков к достижению смысловой соразмерности единиц оригинала и их переводческих соответствий.

5. В некоторых случаях трудности с дешифровкой семантики диалектных слов не удалось преодолеть. Переводчики ошибочно определили их значение – применяемые соответствия являются неверными.

Литература

1. Алексеева И. С., *Введение в переводоведение*, Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, Москва: Издательский центр «Академия», 2004.

2. Байрамова Т. Ф., *«Как будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей ...» Особенности языка прозы Василия Макаровича Шукина*. Режим доступа: http://www2.bigpi.biysk.ru/wwwsite/viewpage.php?page_id=262, (16.03.2017).

3. Виноградов В. С., *Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие*, Москва: Издательство «КДУ», 2004.

4. Гивенс Дж., *Особенности реализации экзистенциалистских идей в прозе В. М. Шукина*, [в:] С. М. Козлова, А. А. Чувакин (ред.), *В. М. Шукин – философ, историк, художник. Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая*, Барнаул: Издательство АГУ, 1992, вып. 3, с. 11–36.

5. Гивенс Дж., *Творчество В. М. Шукина в Соединенных Штатах Америки (проблемы восприятия)*, [в:] А. А. Чувакин (отв. ред.), *Творчество В. М. Шукина: Поэтика. Силь. Язык*, Барнаул: Издательство АГУ, 1994, с. 184–191.

6. Горн В. Ф., *Живой язык Василия Шукина*, «Русская речь» 1977, № 2, с. 24–31.

7. Горн В. Ф., *Василий Шукин: Личность. Книги*, Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1990.

8. *Интервью с создателем словаря русских говоров Алтая Людмилой Шелеповой*. Режим доступа: <https://altapress.ru/afisha/story/intervyu-s-sozdatelem-slovarya-russkih-govorov-altaya-lyudmiloy-shelepovoy-106055>, (10.07.2022).

9. Комиссаров В. Н., *Современное переводоведение. Учебное пособие*, Москва: Издательство «ЭТС», 2002.

10. Марьин Д. В., *Гивенс Джон*, [в:] А. А. Чувакин (науч. ред.), *Творчество В. М. Шукшина: энциклоп. словарь-справочник*, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004, т. 1, с. 18–20.

11. Федоров А. И., *Сибирская диалектная фразеология*, Новосибирск: Издательство «Наука», 1980.

12. Федоров А. В., *Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)*, Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2002.

13. Чеснокова В. А., *Переводы произведений Шукшина*, [в:] А. А. Чувакин (науч. ред.), *Творчество В. М. Шукшина: энциклоп. словарь-справочник*, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004, т. 1, с. 47–50.

14. Чеснокова В. А., *Язык Шукшина как объект перевода*, [в:] А. А. Чувакин (науч. ред.), *Творчество В. М. Шукшина: энциклоп. словарь-справочник*, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004, т. 1, с. 52–60.

15. Шанский Н. М., *Лексикология современного русского языка*, Москва: «Просвещение», 1972.

16. Шелепова Л., *Лексика русских говоров Алтая на славянском фоне (по материалам «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая»)*, «Вестник НГУ» 2012, т. 11, с. 46–50.

17. Gierczyńska D., *Z zagadnień przekładu rosyjskiej „prozy wiejskiej” na język polski*, „Słupskie Prace Humanistyczne” 1996, № 15a, с. 41–47.

18. Handke K., *Terytorialne odmiany polszczyzny*, [в:] *Współczesny język polski*, J. Bartmiński (red.), Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2001, с. 201–221.

19. Lewicki R., *Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej*, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1986.

20. Lewicki R., *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017.

21. Marszałek M., *Dialektyzmy dońskie w rosyjsko-niemieckiej perspektywie leksykograficznej*, Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2002.

22. Pawlak E., *Wasilij Szukszyn*, Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1981.

Список условных обозначений источников материала

Бе – *Бессовестные*, [в:] В. М. Шукшин, *Полное собрание рассказов в одном томе*, Москва: „Эксмо”, 2012, с. 394–399.

ВС – *Внутреннее содержание*, [в:] *Полное...*, с. 222–227.

Д – *Думы*, [в:] *Полное...*, с. 228–231.

З – *Земляки*, [в:] *Полное...*, с. 260–265.

ИП – *Игнаха приехал*, [в:] *Полное...*, с. 111–117.

КЗЛ – *Как зайка летал на воздушных шариках*, [в:] *Полное...*, с. 534–542.

КН – *Космос, нервная система и имат сала*, [в:] *Полное...*, с. 149–155.

КНГ – *Крыша над головой*, [в:] *Полное...*, с. 332–336.

КПС – *Как помирал старик*, [в:] *Полное...*, с. 238–240.

МПМ – *Миль пардон, мадам!*, [в:] *Полное...*, с. 255–259.

О – *Одни*, [в:] *Полное...*, с. 118–122.

ОЖ – *Охота жить*, [в:] *Полное...*, с. 161–173.

Ос – *Осенью*, [в:] *Полное...*, с. 587–591.

С – *Сапожки*, [в:] *Полное...*, с. 430–434.

Сд – *Суд*, [в:] *Полное...*, с. 346–349.

СЖ – *Сельские жители*, [в:] *Полное...*, с. 78–83.

СМВ – *Страдания молодого Ваганова*, [в:] *Полное...*, с. 515–523.

Ст – *Степка*, [в:] *Полное...*, с. 141–148.

Су – Сураз, [В:] *Полное...*, с. 350–362.

Ч – Чудик, [В:] *Полное...*, с. 249–254.

AA – *All Alone*, transl. by Holly Smith, [В:] *Short Stories*, Moscow: Raduga Publishers, 1990, с. 37–46.

AM – *A Matchmaking*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 199–211.

ARO – *A Roof Over Your Head*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories from a Siberian Village*, De Kalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 1996, с. 119–126.

BO – *Boots*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 257–266.

CD – *Country Dwellers*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 17–27.

CF – *Country Folk*, transl. by Hilda Perham, „Soviet Literature” 1975, № 9, с. 5–12.

CFo – *Country Folk*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 3–10.

HTB – *How the Bunny Went for a Balloon Ride*, transl. by Andrew Bromfield, [В:] *Short...*, с. 296–314.

HTO1 – *How the Old Man Died*, transl. by Donald M. Fiene, [В:] *Snowball Berry Red and Other Stories*, Ann Arbor: Ardis Publishers, 1979, с. 31–35.

HTO2 – *How the Old Man Died*, transl. by Holly Smith, [В:] *Short...*, с. 92–97.

IBY – *I Beg Your Pardon, Madam!*, transl. by Holly Smith, [В:] *Short...*, с. 117–127.

IC – *Inner Content*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *I Want to Live*, Moscow: Progress Publishers, 1973, с. 177–189.

ICH – *Ignakha's Come Home*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 58–67.

INC – *Inner Content*, transl. by Avril Pyman, „Soviet Literature” 1968, № 6, с. 138–145.

ITA – *In the Autumn*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 192–200.

IWL – *I Want to Live*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 59–84.

Me – *Meditations*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 98–103.

MM1 – *Mille Pardons, Madame!*, transl. by Geoffrey A. Hosking, [В:] *Snowball...*, с. 42–49.

MM2 – *Mille Pardons, Madame!*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 90–97.

MOO – *Men of One Soil*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 128–139.

Odd – *Oddball*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 81–89.

OS – *Outer Space, the Nervous System and a Slab of Fatback*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 47–58.

Q – *Quirky*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 106–116.

Ste – *Stefan*, transl. by Natasha Ward, David Iliffe, [В:] *Roubles in Words, Kopeks in Figures and Other Stories*, London, New York: Marion Boyars Publishers Ltd., 1985, с. 24–36.

Sty – *Styopka*, transl. by Laura Michael, John Givens, [В:] *Stories...*, с. 46–57.

TB1 – *The Bastard*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 150–175.

TB2 – *The Bastard*, transl. by George Gutsche, [В:] *Snowball...*, с. 58–78.

TC – *The Court Case*, transl. by Natasha Ward, David Iliffe, [В:] *Roubles...*, с. 98–106.

TF – *The Fatback*, transl. by Holly Smith, [В:] *Short...*, с. 140–149.

Th – *Thoughts*, transl. by Robert Daghlish, [В:] *Short...*, с. 85–91.

TOM – *The Old Man's Dying*, transl. by Natasha Ward, David Iliffe, [В:] *Roubles...*, с. 83–88.

TSO – *The Sorrows of Young Vaganov*, transl. by Kathleen M. Cook, [В:] *Short...*, с. 278–295.

TSu – *The Sufferings of Young Vaganov*, transl. by Natasha Ward, David Iliffe, [В:] *Roubles...*, с. 50–67.

Список условных обозначений словарей

ИЭСРГА – Л. И. Шелепова, *Историко-этимологический словарь русских говоров Алтайя*, Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2007–2009, вып. I–III.

СДПШ – И. А. Воробьева, *Словарь диалектизм в произведениях В. М. Шукшина*, Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2002.

СРГА – И. А. Воробьева, А. И. Иванова (ред.), *Словарь русских говоров Алтайя*, Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1993–1998, т. 1–4.

СРГНО – А. И. Федоров (ред.), *Словарь русских говоров Новосибирской области*, Новосибирск: Издательство «Наука», 1979.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–49. Режим доступа: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> (16.07.2022).

СЯРШ – Т. Ф. Байрамова, В. П. Никишаева, *Словарь языка рассказов В. М. Шукшина*, Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшин, 2002–2005, вып. I–III.

CALD – С. McIntosh (Ed.), *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*, Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

CLDER – S. O'Shea (Ed.), *Cambridge Learner's Dictionary English – Russian*, Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

LDOCE – M. Mayjor (Ed.), *Longman Dictionary of Contemporary English*, Harlow: Pearson Education Limited, 2009.

MEDAL – M. Rundell (Ed.), *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*, Oxford: Macmillan Education, 2007.

OALD – M. Deuter, J. Bradbery, J. Turnbull, *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, Oxford: Oxford University Press, 2015.

PSWP – H. Zgółkowa (red.), *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*, Poznań: Wydawnictwo Kurpisz, 1996, т. 8.

УДК 811.161.1

Толмацкий М.А.

Средняя общеобразовательная школа №34, Термезский район, Сурхандарьинская область, Узбекистан

Инсайтные переживания учителей русского языка как возможность ускорить освоение языка

Аннотация. В статье анализируются инсайтные переживания учителя. Предметом анализа являются эти переживания во время урока. Рассматриваются факторы, влияющие на возникновение инсайта. Цель – создать модель управления творческим процессом на уроке. К вопросу управления творческим процессом обращались русские и зарубежные исследователи. Предпосылками к началу такого исследования стало отсутствие оптимального количества часов русского языка в школах Узбекистана. Для возникновения инсайта необходимы специальные условия. Это подтвердил эксперимент.

Ключевые слова: инсайт, модель, система, освоение языка.

В процессе развития педагогической науки вопрос о проявлении способностей поднимался неоднократно. Е.П. Ильин написал труд «Психология творчества, креативности и одарённости», где описал эксперименты учёных, исследовавших психологические процессы, приводящие к открытиям. М. Вертгеймер, А.М.Блох,

П.М.Якобсон, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Генрих Уоллес и другие выделяли разные этапы творческого процесса. Например, Грэхем Уоллес выделил 4 стадии: подготовка (получение информации), инкубация (человек занят чем-то, несвязанным с решением проблемы, а бессознательные процессы перерабатывают информацию), озарение (инсайт) и верификация. Е.П. Ильин описывает инсайт как «внезапное понимание (озарение) того, как можно решить задачу (проблему), открытие принципа ее решения» (Ильин, 2009, с.47-51).

Основой для нашего исследования стало отсутствие должного количества часов в школах с узбекским языком обучения. Чтобы освоить русский язык, обучающимся необходимо работать самостоятельно. Решение данной проблемы лежит в особом творческом процессе во время урока. Задача учителя вдохновить обучающихся на освоение языка. Мы считаем, что управление творческим процессом со стороны учителя может повысить уровень освоения языка без увеличения количества часов.

При описании творческого процесса необходимо особое внимание уделить стадии «озарение». Т. А. Барышева, Ю. А. Жигалов в своей книге дают следующее описание механизма интуиции (то, что приводит к озарению): «объединение нескольких информативных признаков разных модальностей в комплексные ориентиры, направляющие поиск решения, поэтому успешность результата зависит не от одного информативного признака, а от сложившейся в ходе поиска мозаики признаков. Этот механизм притягивает к себе информацию и энергию до тех пор, пока они не приобретут критическую массу. И тогда разрушаются сложившиеся стереотипы и преобразуются в новый образ, мысль или систему мыслей» (Барышева, 2006, с.104). По словам Я.А. Пономарёва, существует множество тенденций управления творческим процессом, а образовательный процесс, без сомнения, является творческим, поэтому для нас это крайне важно. «Одна из этих тенденций принципиально отрицает продуктивность попыток алгоритмизации процесса творчества, считая такие попытки иллюзорными. Однако эта тенденция не отрицает в принципе возможность управления творчеством. Она лишь отвергает возможность прямого пути такого управления и предлагает косвенный путь. Суть его сводится к созданию условий, благоприятствующих творчеству. Комплекс таких условий весьма многообразен. Он начинается с ситуаций, благоприятствующих интуитивному схватыванию идеи решения творческой проблемы, и кончается воспитанием необходимых способностей, качеств личности творца, созданием творческого климата в научно-исследовательском коллективе и т. п.» (Пономарев, 1976, с.289).

В психолингвистике нас интересуют исследования, касающиеся процессов организации речевой деятельности. А точнее один из принципов, который выделял А.А. Леонтьев в модели языковой способности: «Целенаправленность и мотивированность деятельности; иными словами всякая деятельность или её «клеточка», помимо некоторых структурных характеристик, характеризуется а) конечной или промежуточной целью, поставленной предварительно, б) стимулирующей деятельность мотивом или системой мотивов» (Леонтьев, 1969). Этот принцип является основой всех действий на уроке, как учителя, так и учеников. В данной статье мы более детально проанализируем поведение учителя.

Другой принцип, который нас интересует в свете проблемы инсайта, связан с предложенным Н.А.Бернштейном понятием «модели будущего», то есть с физиологией (построением движений). Обратимся к понятию модели. Это «мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте».

А.А.Леонтьев выделил следующие мысли Н.А. Бернштейна: «Основным принципом организации деятельности высших животных и человека является, по Бернштейну, целесообразность. Любой акт произвольной деятельности направлен к достижению

некоторой цели - предвидению будущего. Эта цель и определяет выбор действия и способ учёта условий, в которых оно осуществляется. В ходе осуществления действия используются механизмы контроля и коррекции, которые позволяют сравнивать достигнутый результат с “моделью будущего” и в случае необходимости вносить в действие какие-то изменения» (Леонтьев, 1969 с.30). Важным для нас критерием для создания «модели будущего» является учёт условий. Мотивация без сомнения является таким условием. О её важности писали исследователи речевой деятельности, например, Н.И. Жинкин. Поэтому необходимо, чтобы интенцией учителя была включённость и понимание ученика на уроке, а позволяет это реализовать желание ученика участвовать в различных видах деятельности. Отсутствие понимания какой-либо особенности русского языка или значения какого-либо слова (словосочетания), или задания в целом ведёт к снижению мотивации. Поэтому целеустремлённость учителя в нахождении приёмов обучения поможет обучающимся. Теперь обратимся к цитате физиолога: «Рассматривая возникновение и реализацию произвольного движения, Бернштейн представляет его последовательность в виде следующих этапов: 1) восприятие и оценка ситуации; 2) определение, что должно стать с ситуацией в результате активности; 3) что надо сделать для этого; 4) как сделать это (последние два этапа образуют программирование решения поставленной задачи). Проблема “экстраполяции будущего” соотнесена со вторым этапом» (Леонтьев, 1969, с.33). Леонтьев обращает внимание на то, что осуществление 2 этапа зависит от возможностей мозга «не только отражать уже существующее, но и конструировать модель будущей ситуации» (Леонтьев, 1969, с.33). Об особенностях пишет Бернштейн:

“...В мозгу сосуществуют в своего рода единстве противоположностей две категории (или формы) моделирования воспринимаемого мира: модель прошедшего-настоящего, или ставшего, и модель предстоящего. Вторая непрерывным потоком перетекает и преобразуется в первую. Они необходимо отличны одна от другой, прежде всего тем, что первая модель однозначна и категорична, тогда как вторая может опираться только на экстраполирование с той или иной мерой вероятности” (Бернштейн, 1966, с.288). Из этой теории мы выделили всё, что необходимо для раскрытия темы данной статьи. Возможно в будущем, мы рассмотрим эту модель с другой точки зрения.

Перейдём к тому, как рассматривается проблема создания одного из условий для проведения уроков. Обратимся к труду И.М. Румянцевой. Она считает, что «залог успешной работы любой <...> группы (в том числе и учебной) заключается, прежде всего, в создании доверительной атмосферы, особого климата взаимоотношений, которые формируются благодаря достижению участниками действия взаимного доверия, эмоциональной открытости и внутренней психологической свободы» (Румянцева, 2004, с.425). Автор книги приводит цитату единомышленника: «уровень доверия является решающим фактором в любой обучающей среде» (Рудестам Кьел, 1990, с. 61). По нашему убеждению, возможность управления творческим процессом, существует только при доверительной атмосфере в группе.

Конечно, нельзя оставить без внимания возможность человека конструировать свою собственную систему языка. В случае анализа деятельности учителя, ведущей к инсайту, это связано с выстраиванием той системы, которая способна облегчить обучающемуся освоение языка (например, знание особенностей употребления /и/ или /ы/ в окончании множественного числа). А система является необходимым условием для принятия решения в ситуации непонимания какого-либо явления обучающимися. К вопросу о том, что человек (в частности, ребёнок) создаёт систему языка, обращалась онтолингвист Цейтлин С.Н. (Цейтлин, 1998, с.49) Исследователь детской речи Слобин Д. пишет: «Стратегии восприятия речи дают толчок формированию правил порождения речи. Внутренние языковые структуры с возрастом меняются по мере того, как растёт объём памяти, как возрастающее понимание речевых интенций ведёт ребёнка к овладению

новыми, всё более сложными формальными образованиями, а также по мере того, как устанавливаются взаимосвязи и происходит перегруппировка внутренних структур в соответствии с общими принципами когнитивной организации» (Slobin, 1973, pp.175-208). Такие наблюдения позволяют понять, что способность к выстраиванию системы заложена в человеке.

Теперь перейдём к описанию эксперимента. Площадкой для его проведения стала школа №16 термезского района Сурхандарьинской области. Учителя проводят уроки в 2-11 классах. Родным языком учителей и учеников является узбекский. Учителя владеют русским языком (уровень носителя языка), а также всеми необходимыми для проведения уроков компетенциями. Информанту (Шахло А.) был дан опросник, составленный нами и подразумевающий наблюдение информанта за процессом урока, а также дальнейшую рефлексию. Были заданы следующие вопросы: Какие новые (нестандартные) ситуации на уроках, вы можете вспомнить? Опишите их.

Какие решения вы принимали в подобных ситуациях?

Что помогло вам принять решение?

Как вы себя чувствовали в момент принятия решения?

На какую особенность русского языка или вашего родного языка удалось обратить внимание?

Какие новые ситуации были у ваших учеников во время урока (на примере одного ученика)?

Какое решение он(она) принял(а)?

Как он (она) себя вёл(а)?

Как, по вашему мнению, чувствовал себя ученик?

Что помогло ему (ей) принять такое решение? (альтернативный вопрос: кто помог ему (ей) принять такое решение?)

По результатам опроса была собрана следующая информация: в практике учителя был случай, когда ученикам было трудно освоить категорию рода (в узбекском языке она отсутствует). Шахло А. решила провести соревнования на том же уроке, на котором возникла трудность. Она собрала все предметы и иллюстрации, имеющиеся в классе, поделила обучающихся на 3 команды. Шахло А. показывала предметы, а ребята их называли, но при этом было одно условие: нужно было к каждому слову добавлять притяжательные местоимения в соответствующем роде. При этом ошибка сопровождалась штрафной карточкой. Учитель и обучающиеся были вовлечены в общий процесс, подобный реальной обстановке. Шахло А. указала, что у ребят было восторженное состояние. Обучающиеся были внимательны на уроке и усвоили тему. Состояние учителя в момент решения проблемы описано как спокойное.

Собранные результаты показывают, что для доведения сознания учителя до состояния озарения (инсайта) необходимо соблюдение следующих условий: владение русским языком на уровне носителя языка, знание особенностей методики преподавания данного языка, знание особенностей родного языка обучающихся, педагогический опыт учителя, благоприятная атмосфера на уроке, а также освоение языка в ситуации, приближенной к реальной.

Собранных данных недостаточно, чтобы цель эксперимента была достигнута в полной мере. Следовательно, исследование продолжается. По итогам анализа данных эксперимента предполагается создать методическое пособие для учителей школ с узбекским языком обучения. В пособие должны войти рекомендации для учителей по управлению творческим процессом с описанием созданной модели.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одарённости. Спб. Питер, 2009.
2. Барышева Т. А., Жигалов Ю. А. Психолого-педагогические основы развития креативности. СПб., 2006.

3. Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976.
4. Леонтьев А.А. «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания М.: «Наука», 1969.
5. Н.А.Бернштейн «Очерки по физиологии движений и физиологии активности». 1966. с.288.
6. Румянцева И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология Логос, 2004.
7. Рудестам Кьел. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика / Общ. ред. и вступ. ст. Л. А. Петровской. М., 1990.
8. Цейтлин С. Н. К анализу буквенных замен в письменной речи дошкольников и младших школьников // Проблемы детской речи - 1998: Доклады Всерос.науч. конф. - Череповец: ЧГУ, 1998.
9. Slobin D.I. Cognitive prerequisites for the development of grammar. In C.A. Ferguson, & D.I. Slobin (Eds.), Studies of child language development (pp.175-208). New York: Holt.

УДК 81-25

Толстоухова Е.А.

ПГУ, г. Пенза, Россия

Феминитивы как инструмент гендерного равноправия

***Аннотация.** Предметом изучения в настоящей статье рассматривается многостороннее явление, которое можно охарактеризовать возрастанием средств выражения фемининности в речи современника. Феминитивы это наименования лиц женского пола, альтернативные номинациям мужского пола. Актуальность исследования обусловлена происходящими в настоящее время социальными преобразованиями и потребностью идентичности женщин. Это явление проявляется посредством грамматических механизмов (нарушений в области грамматического согласования), а также явно прослеживается на уровне словообразовательного процесса, содержащегося в возникновении новых феминитивов и обширном их использовании в речи современника. Возросшая активность женщин в структурах социальной жизни требует появления новых языковых единиц для их номинации в контексте их профессиональных занятий. В статье продемонстрирована динамика употребления лексем со значением лица женского пола по профессиональной причастности, начиная с древнерусского языка, акцент делается на современных тенденциях в сфере использования новых наименований лиц женского пола.*

***Ключевые слова:** феминитивы, женскость, русский язык, грамматический род, феменизм.*

В современном мире как в разнообразных Интернет источниках, так и в жизни ведется дискуссия, связанная с наименованием женщин в русском языке. Объективно эта тенденция неустойчива и подвижна, а методы выражения различны и не имеют общие правила. Ни одна часть русского языка не набирает такую тотальную известность в обсуждениях, как феминативы, в чем заключается актуальность темы.

Итак, феминативы – это имена существительные женского рода, обозначающие женщин и образованы от однокоренных существительных мужского рода. Обычно феминативы отмечают профессии, социальную принадлежность, место жительства, которые являются объектом изучения в данной работе. Многие феминативы относятся к «потенциальным словам» — словам, которые не зарегистрированы в словарях, но при употреблении в речи носители понимают их значение (Абреимова, 2001).

Следовательно, предметом изучения в данной работе рассматриваются методы, с помощью которых в русском языке именуется женщины-деятели, - одна из самых

изменчивых частей. В ней и без феминизма в последнее столетие идут диспуты. Поэтому общих правил нет, и почти у каждой профессии свой более или менее принятый женский вариант наименования: писательница, но критик; скорее активистка, чем активист. Молодая лауреат – некорректно, молодая врач – привычно, хотя для формального стиля ещё не нормативно.

Обращаем внимание, что в русском языке значения наименований лиц женского пола в русском языке могут быть разнообразными -указывать на лицо, производящее какое-то действие, имеющее какой-то опознавательный критерий или связанное какими-либо отношениями с иными лицами (Фуфаева, 2020). Лингвисты давно обратили внимание на понятие женскости. Так, В.Г. Белинский писал: «Некоторые имена женского рода, означающие должность или звание, бывают двойкие, смотря по тому, от мужа ли своего заимствует женщина такое название, или от должности, исправляемой ею самой, например, директорша-директрисса, инспекторша-инспектрисса, учительша-учительница, смотрительша-смотрительница, мастерша-мастерица; оканчивающиеся на -ша означают звания жен, занятые от должностей их мужей, а оканчивающиеся на -исса, -ница, -ица означают звания женщин, занятые от собственных их должностей и обязанностей» (Белинский, 1901, 124). Справочники русского языка хотя и не всегда, но системно дифференцируют понятия «жена» и «дочь», с одной стороны, с другой - понятие женскости.

Это позволяет сделать вывод, что общее значение суффиксов феминитивов определяется как «женскость», «женский пол» и вычленяется при сопоставлении с существительными, обозначающими лиц мужского пола.

Существительные со значением женскости занимают особое место среди модификационных образований. По существу, они ничего не модифицируют: сема «женский пол» замещает сему «мужской пол». Правда, в «грубом приближении» мы можем вообразить себе понятие «лицо», которое выступает с чертой или мужского, или женского пола. Но и в этом случае нет той модификации, которую приобретаем, например, в словах домик («маленький дом») или китайчонок («невзрослый китаец»). Понятие женскости — это значение «женский пол», выделяемое по соотношению с существительными мужского рода, подразумевающими лиц мужского пола. Без такого соотношения нет понятия женскости (Фуфаева, 2020).

Как известно, мутационные и модификационные системы разнятся и характером детерминации: в составе первых суффикс предопределяется производящей основой, в составе вторых - наоборот, основа зависит от суффикса. Сравните учитель «тот, кто обучает детей в школе» (мутационные отношения) и учительница - «женщина-учитель», то есть «учитель, являющийся женщиной» (модификационные отношения). В отличие от иных модификационных формирований существительные со значением женскости обычно могут быть интерпретированы через воспроизводящее надлежащих наименований лиц мужского пола, которое в таком случае выступает как стимулирующее и для названий лиц мужского пола и для названий лиц женского пола: учитель «тот, кто обучает детей в школе», учительница «та, которая обучает детей в школе»; москвич «тот, кто проживает в Москве», «житель Москвы», москвичка «та, которая проживает в Москве», «жительница Москвы»; красавец «красивый мужчина (юноша, мальчик и др.)», красавица «красивая женщина (девушка, девочка и др.)». В последнем случае имена лиц женского пола выступают как структуры мутационные (Абреимова, 2001).

Многие феминативы, применявшиеся в старославянском языке, в современном русском не встречаются («казначая», «ткаля»). Исторически в русском языке доминировали наименования лиц мужского пола, оттого что многие отрасли деятельности были закрыты для женщин, впрочем, на некоторых этапы истории случалось возникали новые феминативы. Интенсивное формирование новых феминативов в русском языке происходило на рубеже XIX–XX веков, когда многие специальности, прежде доступные в

России только мужчинам, приобрели распространение и среди женщин («пианистка», «авиатриса», «педагогичка»). Такое словообразование встретило сопротивление части общества. Начиная с 1930-х годов в официальных документах феминативы используются нечасто. Стилистика феминативов может переменяться со временем: так, поэтесса Серебряного века Марина Цветаева в 1930-х годах подчёркивала, что ненавидит, когда её называют «поэтессой» вместо «поэта», полагая, что это слово имеет меньший престиж, хотя в 1910-х это слово было нейтрально (Абреимова, 2001).

С 2010-х годов в русском языке наблюдается новая волна феминативов-неологизмов, к применению которых в речи побуждают многие феминистки в рамках протеста против маскулинности русского языка и общества. По мнению некоторых исследователей, это можно растолковать концепциями лингвистической относительности Сепира-Уорфа и французского структурализма. Согласно этим теориям, язык человека воздействует на метод его мировосприятия, то есть применение феминативов в речи призвано облегчить проблему репрезентации женщин в разнообразных специализациях и сократить сексистские стереотипы в обществе (Wikipedia).

Люди, поддерживающие использование новых феминативов, нередко признают универсальной словообразовательной моделью суффикс -к-, акцентируя внимание на опыт иных славянских языков (польского, чешского, украинского), где феминативы с этим суффиксом значительно более распространены. Как подчёркивает лингвист Александр Пиперски, носители русского скорее предрасположены соизмерять феминативы с суффиксом -к- как более естественные, если ударение в основе падает на последний слог («студэнт» — «студэнт-к-а»), и как менее естественные, если ударение основы на других слогах («áвтор» — «áвтор-к-а») (Фуфаева, 2020).

Восприимчивость на эти неологизмы носителей русского языка, в том числе и женщин, противоречива. Часто к ним относятся негативно. Причинами этого специалисты называют неестественность новых слов и уменьшительно-уничижительный характер суффиксов, издавна применяемых для формирования феминативов. По опросам, около 66 % россиян не признают использование феминативов необходимым. Многие российские общественные деятели, в том числе женщины, высказывались против употребления феминативов: Татьяна Толстая и Елена Черникова. Многие носители русского языка предпочитают не применять даже укоренившиеся феминативы, означающие названия специальностей, из-за отрицательной окраски этих слов, полагая, что феминативы могут спровоцировать неблагоприятные ассоциации, указать на непрофессиональность человека. В этом смысле феминативы, обозначающие профессии, в русском языке можно считать пейоративами, то есть языковой единицей, проявляющейся в способности осуществлять семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества противоречат нравственным и общественным нормам социума, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и причиняет этический, моральный или физический вред остальным представителям социума (Фуфаева, 2020).

Оппоненты применения феминативов-неологизмов указывают на то, что постепенное использование феминативов приведёт к исчезновению гендерно нейтральных обозначений, в современном русском языке в основном имеющих 2-е склонение и грамматический мужской род: «депутат», «лингвист». Многие существительные 2-го склонения мужского рода сегодня могут употребляться то как гендерно-нейтральные («среди респондентов было 100 мужчин и 100 женщин»), то как маркирующие только лиц мужского пола («респонденты и респондентки»); иные же («врач», «нотариус») целиком гендерно-нейтральны. Если планомерно обозначать женщин феминативами, то все перечисленные слова будут опять подразумевать мужчин, и потом соответствующие профессии и состояния людей лишатся гендерно-нейтральных обозначений. Слова 2-го

склонения мужского рода, такие, как «врач», «нотариус», «депутат», отчасти приобрели атрибут общего рода — согласование и по мужскому, и по женскому роду, но только в именительном падеже: «моя врач». Согласование типа «моей врача» иногда и ненормативно, поэтому такие слова, как «врач», пока не поменяли род с мужского на общий. Зато замена рода с мужского на общий совершилась в XX—XXI веках у некоторых существительных 1-го склонения и несклоняемых: «коллега», «судья», «глава», «завкафедрой» и пр (Абреимова, 2001).

Также формирование феминативов путём суффиксации от схожих слов мужского рода приводит к привативной оппозиции: слово мужского рода может рассматриваться «базовым», а феминатив — надстройкой к нему. Вместе с тем отторжение феминативов может быть связано и с негативным отношением многих людей к собирательному образу феминисток и феминистского движения. Все русские слова, которые именуют только женщин, но не мужчин, имеют женский грамматический род. В лингвистике грамматическая родовая система — это особая форма системы классов существительных, в которой существительным присваиваются категории рода, который не обязательно должен согласоваться с естественным родом. Основываясь на определении, обратное высказывание неверно: не все существительные женского рода маркируют только женщин, например, личностью называют человека независимо от пола (Фуфаева, 2020).

Иногда, но человека могут называть словами среднего рода: дитя, существо, чадо и др. «Самое благородное существо в мире пришло к нам, чтобы спасти маленькую, бедную куклу Кэт!» (Л. Петрушевская. «Маленькая волшебница». 1996). Соответственно, эти слова обозначают и мужчин, и женщин.

Около 150 существительных: коллега, сирота, плакса, бедняга и пр. — в контексте приобретают то мужской, то женский род, в строгой зависимости от пола человека. Например, мой коллега — редкий трудяга или мой коллега — редкая умница. Их называют существительными общего рода (Фуфаева, 2020).

Таким образом, род у существительного имеется, а вот пол при определении людей выражается не обязательно.

Понимание о феминитивах как о словах про специализации похоже создано англоязычной полемикой о гендерной нейтральности и слова с гендерной особенностью, в фокусе которые были несправедливо мужские названия профессий типа policeman или chairman (Wikipedia).

Однако в русском языке в сфере обозначения людей по месту проживания, национальности и религии женщины обычно именуется не так как мужчины (Фуфаева, 2020).

Специфика названий жительниц в том, что безусловное их большинство, по сути, вообще не относится к общегосударственному русскому языку, известно далеко не всем носителям. Например, жители Нижегородской области знают, что в областном центре проживают нижегородцы и нижегородки, а в маленьких городах — заволжане и заволжанки, городчане и городчанки, дзержинцы и дзержинки. А другие россияне часто путаются (Фуфаева, 2020).

Воспринимаются эти слова нейтрально и применяется в любом стиле. Показатель пола часто один и тот же: суффикс -к(а), порой с модификацией, предупреждающей омонимию: китайка (женщина), но китайка (ткань) (Фуфаева, 2020).

Среди феминитивов есть и такие, которые имели пару, но по различным причинам её утратили. Например, маникюрша. Образовано от слова маникюр в его современном значении — уход за ногтями. В 19 веке у слова было значение: «Руками он своими любовался, но с ногтями до сих пор не мог сладить — придать им красивую овальную форму и нежный цвет, хотя и «лечился» у всех известных «маникуров»» (П. Боборыкин. «Китай-город». 1882) (Абреимова, 2001).

В отличие от некоторых других славянских языков, даже в самые феменитивные времена от слова судья в русском языке феменитива не было, язык пошёл по другому пути: ситуативного изменения грамматического рода. А судьейкой в 17 веке назывался выборный судья из крестьян в условиях земского самоуправления (Абреимова, 2001).

Среди таких древних названий профессии обильны словообразовательные омонимы. Это когда одно и то же слово, например, крупеница или курятник, будильник или хранительница, обозначает то человека, то помещение, блюдо или приспособление (Абреимова, 2001).

Совсем не осталось следов от древнего суффикса женскости -ля. Все феменитивы, сформированные этим суффиксом: ткаля, браля, пряля - давно забыты (Фуфаева, 2020).

Модный сейчас суффикс -ка в 17 веке в феменитивах встречается не так часто, и то в таких, которые обозначают не занятия, а на веру, место или национальность: волжанка, гречанка, горянка и др (Абреимова, 2001).

А существительные от словосочетаний, как и сейчас, отлично формируются на -ка: московка (то же, что Московская деньга), новгородка (то же, что Новгородская деньга). И уменьшительные: книжка (Фуфаева, 2020).

Суффикс -ыня (в старине -ыни) можно увидеть в феменитивах жён: княгиня, боярыня; в этнонимах болгарыня, жидовыня; в словах рабыня, инокиня, монахиня, богиня; наконец, в названии самки животного – гусыня. «И» вместо «ы» в слова княгиня, инокиня, монахиня и богиня возникла позднее, в результате общезыкового перехода звука «ы» в «и» после согласных «г», «к», «х» (Фуфаева, 2020).

Вариативность при вхождении заимствования в язык практически неминуема. Временами разнообразные варианты слова заимствуются из различных языков, где звучат по-разному, имеют разные суффиксы. А изредка одно и то же заимствование по-разному адаптируется (Wikipedia)

Мы видим формирования на -иса от слов на -ор/-ёр: актриса, инспектриса, импровизатриса, обоссатриса - все эти слова заимствованные французские феменитивы на -ise, такие, как *actrice* и *improvisatrice*. К сожалению, собственной жизнью в русском языке суффикс -иса не зажил, то есть новых слов продуцировать не стал (Фуфаева, 2020).

Ещё лучше замаскировался в русском языке другой иностранный суффикс по происхождению французский -esse. Он встречается в таких заимствованиях, как принцесса и баронесса, то есть жёны или дочери барона (Фуфаева, 2020).

В дискуссиях постоянно можно обнаружить следующее высказывание: женщин не печатали, женщинам не давали созидать, поэтому не было и феменитивов - названий творческих профессий. Язык с этим не согласен. Опровергая действительно применявшиеся тогда и попавшие в письменные источники реальные слова, мы вычёркиваем действительную историю женщин, женских занятий, творчества и достижений. Просто искажаем реальную картину прошлого (Wikipedia)

Конечно, объект исследования – язык, а не жизнь. Но, детально изучая первое, замечаешь, что и второе не так единообразно.

Наивно полагать, что феменитивы отвечали необходимости отражать женщин в языке как полноценных субъектов - скорее потребности отделять их от мужчин как чего-то другого.

Советские феменитивы - гигантский пласт. Среди новых феменитивов много производственных, много относящихся к новой организации труда и жизни вообще, к разным начинаниям много, так или иначе связанных с образованием: трактористки, наладчицы, дружинницы, железнодорожницы, регулировщицы, ударницы и пр. - одним словом, в эту эпоху не составит труда найти доказательство бурного развития феменитивов (Абреимова, 2001).

Позиция приложения — это удобная и удачная синтаксическая позиция для мужского слова. Например, «героиня пьесы – женщина-автор» (А. Тургенев. Дневник. 1825-1826). В

этой фразе из-за слова «автор» ничего не искажается, потому что нет необходимости в проблематичном согласовании его с зависимым прилагательным или глаголом. Даже если это одарённая женщина-автор. Прилагательное женского рода спокойно согласуется с существительным женщина (Фуфаева, 2020).

Так, чем реже слово применяется в отношении определённого человека, тем меньше поводов для нарушений грамматического согласования в пользу согласования по смыслу, то есть по полу. А вот название специальностей чаще выступают как обозначение определённого человека, у которого есть тот или иной пол. Например, забывчивая кассир не пробила чек - не совпадение пола с грамматическим родом заставляет переходить к смысловому согласованию, но в случае несовпадения рода и пола, ведёт к замене грамматического рода. Отсюда следует, грамматически все названия находятся в разной ситуации: одни ближе к общему роду, другие дальше (Абреимова, 2001).

Таким образом, тренд на унисекс, разумеется, существует. Он ещё ведёт к уменьшению роли морфологии, к морфологическому упрощению. И не исключено, что у женщин будет два равно возможных способа наименования по специализации в зависимости от ситуации, контекста и целесообразности. По крайней мере, укоренившиеся или с привычно звучащими финалями, типа космонавтка, водительница, участковая, ученая вполне могут начать использоваться шире в тех случаях, когда нужна более детальная информация, а из контекста не понятна.

Литература

1. Абреимова, Г. Н. Семантическая структура наименований лиц женского пола в современном русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абреимова Галина Николаевна; МГУ. — Москва, 2001. — 206 с.
2. Фуфаева, Ирина Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция / Ирина Фуфаева. — Москва: АСТ, 2020. — 299 с.
3. Feminist language reform. — Текст: электронный // Wikipedia: [сайт]. — UR: (дата обращения: 08.09.2022).

УДК 81'27

Торопчина О.В., Данченко Д.А.

АГППУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Лексико-семантические поля молодежного сленга в песнях современных российских поп-исполнителей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках проекта №19-412-220004 «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодежного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование».

Аннотация. В данной работе описываются лексико-семантические поля молодежного сленга, выделенные на основе анализа песен современных российских поп-исполнителей. Методы исследования: анализ научной литературы по теме, поиск сленговых лексем в текстах песен современных российских поп-исполнителей, выделение основных лексико-семантических полей и микрополей, с входящей в них сленговой лексикой.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, сленг, молодежный сленг, поп-культура, песня.

На сегодняшний день существует множество взглядов на определение «сленг». Затруднения в толковании данного термина связаны с неоднозначностью его понимания, а значит, различиями в его трактовках. Так, например, в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова сленгу даются следующие определения: 1. Речь социально или профессионально обособленной группы; жаргон. 2. Элементы речи, не совпадающие с нормой литературного языка (обычно экспрессивно окрашенные) (БТС: А-Я, 1998).

Эрик Партридж, британский лексикограф, дает определение сленгу как «бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определённой социальной или профессиональной среде». (Partridge, 1979).

В данной работе мы будем придерживаться определения лингвиста В.А. Хомякова, которое является популярным в российском языкознании: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией». (Хомяков, 1971).

Понятие «*молодежный сленг*» является более узким. Это особый пласт языка, который служит для общения людей одной возрастной группы, отличается тем, что в нем преобладают реалии мира молодых. (Касумова, 2019). Цель использования сленгизмов молодыми людьми заключается в том, что с их помощью даются оригинальные названия вещам, которые выступают в качестве предмета разговора молодых людей.

Молодёжный сленг состоит из лексикона на фонетической и грамматической основе общенационального языка, отличается разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской. Лексический состав молодежного сленга отличается динамикой, постоянным развитием, что связано с меняющейся модой и другими социальными изменениями. Такие особенности не присущи, например, военному, профессиональному и любому другому жаргону, где лексический состав, по-видимому, более устойчив, слова могут существовать десятилетиями, тогда как в молодежном сленге только за прошедшие 5-10 лет появилось и ушло из активного словаря в пассивный большое количество лексических единиц.

В лексическом составе молодежного сленга, как и в языке, образуются лексико-семантические поля, которые объединены общностью лексического значения и относятся к определенной тематической группе.

В современной лингвистике существует немало количество теоретических концепций и методологических подходов при изучении понятия «поле». Первым, кто ввел термин «семантическое поле», был Г. Ипсен. В его работе «*Der Alte Orient und die Indogermanen*» 1924 года оно определялось как совокупность слов, которые обладают общим значением. (Ipsen, 1924).

Д.Н. Шмелев отмечает, что лексико-семантическое поле – это иерархическая организация слов, которая объединена одним родовым значением и представляет в языке определенную семантическую сферу, покрывающую определенную область действительности. Лексико-семантическое поле является самой объемной ономаσιологической и семантической группировкой слов. В ономаσιологическое свойство поля входит то, что в его основе находится родовая сема или гиперсема, обозначающая класс объектов, тогда как в семасиологическая характеристика поля

заключается в том, что члены соотносятся друг с другом по интегрально дифференциальным признакам в своих значениях. Это позволяет их объединять и различать в пределах одного лексико-семантического поля (Шмелев, 1973).

В данной работе представлен фрагмент исследования лексико-семантических полей, которые были выделены на основе анализа сленгизмов, используемых в текстах песен современных российских поп-исполнителей. Выбор материала для изучения обусловлен тем, молодежь, как носитель сленга, делает его элементом поп-культуры, что прямым образом оказывает влияние и на музыкальную культуру, практически во всех современных поп-песнях можно наблюдать изобилие сленгизмов, а это в свою очередь приводит к их быстрому распространению и внедрению в словарный состав общества. Таким образом, тексты песен являются одной из сред функционирования молодёжного сленга.

В ходе исследования нами было проанализировано около 100 сленговых единиц, выбранных из текстов песен современных российских поп-исполнителей (Мари Краймбрери, Юлианна Караулова, Мот, группы Filatov & Karas, Cream Soda, Artik & Asti и др.). Анализ собранного материал позволил нам выделить 7 семантических полей молодёжного сленга, которые активно используются в текстах современных российских поп-песнях.

Стоит отметить, что лексико-семантическое поле имеет ядро – это имя поля, важным является выбор лексемы или группы лексем для роли имени поля. В качестве ядерной можно взять любую лексему, но если она будет выбрана неудачно, то и результаты анализа будут бедными. Ядро поля должно обладать таким свойством, как притяжение к себе большого числа лексем, быть достаточно простыми по морфологическому составу, обладать достаточно широкой сочетаемостью, психологической важностью, не являться недавними заимствованиями. (Кузнецов, 1986).

Итак, нами были выделены следующие семантические поля: человек, внешность, одежда и обувь, досуг, интернет и социальные сети, деньги, любовь и отношения.

Рассмотрим некоторые из них подробнее. Семантические поля могут делиться на микрополя, так, например, сленгизмы, входящие в семантическое поле «человек» можно поделить на микрополя «пол» и «оценочная характеристика человека». А семантическое микрополе «пол», в свою очередь, можно поделить на два синонимических ряда «наименование лиц женского пола», куда входят такие сленгизмы: *бейба*, *беби*, *детка*, *крася*, *фрау* и др., например, «И мне мало, мне мало, *бейба*, тебя» (Xcho, MACAN «Memories»), где сленгизм *бейба* – это молодая красивая девушка.

«Наименование лиц мужского пола»: *бойфренд*, *бро*, *пацан* (*пацы*, *панцанва*), *кент* и др., например, «*Пацы* говорили, я не верил словам» (Mitchel «А уже фсё»). *Пацы* – сокращение лексемы *пацаны* – мальчики или молодые мужчины.

Микрополе, куда входят оценочные характеристики человека, может быть проиллюстрировано такими примерами: *суперстар*, *профи*, *хейтер*, *шкура*, *душила*, *токсик*, *лузер*, *абыюзер* и др., например, «*Ты можешь быть суперстар*. Но только всё бред, если устал», где лексема *суперстар* – это звезда первой величины (перен.), артист наивысшей славы. (Мари Краймбрери «Если устал»); «*Хейтеры* хейты сыпят в комменты» (Мот «Черный день»), *хейтер* – ненавистник. «К черту этого *токсика*, он позволить не смог себе быть с тобой, ты брось его» (Bahh Tee «Что ты делаешь Настя»). *Токсик* – это человек неприятный в общении, создающий негативную атмосферу.

Лексико-семантическое поле «досуг» можно поделить на два микрополя, первое из которых будет представлять собой способ проведения времени, характерные сленгизмы: *чил*, *чилить*, *релакс*, *движ*, *вайб* и др., например, «Километры дорог нам заменят мили, где мы будем *чилить*, где мы будем *чилить*» (Filatov & Karas «Чилить»), где сленгизм *чилить* – это отдыхать. Второе микрополе – это место, где проводится досуг молодыми людьми: *рейв*, *тус*, *трэп-хата*, *вписка*. Например, «А ты на *тусе* убиваешь кеды» (Artik

& Asti «Гармония»). *Туса* - место общения, например, клуб, дискотека, площадка; «Ты не со мной, слезы льются на рейве» (Cream Soda, Хлеб «Плачу на техно»), где слово *рейв* – это массовая дискотека с выступлением диджеев и артистов, где каждый может почувствовать мощную энергетику музыки.

В отдельное лексико-семантическое поле выделяются сленгизмы, связанные с пребыванием молодых людей в интернете, что объясняется развивающимися компьютерными технологиями, увлечением молодых людей средствами массовой информации, компьютерными играми и социальными сетями. Данная лексика активно используется в песнях современных российских поп-исполнителей: *сторис, лайк, диз, войс, рек, свайп, скроллить, бан, чекать, шазамить, контра, глок* и др. Например, «Горит луна, а я одна *шазамлю* грустные треки» (Юлианна Караулова «Градусы»). *Шазамить* - определять название и исполнителя песни по её короткому отрывку с помощью приложения Shazam; «Но на утро опять *свайп*» (Artik & Asti «Гармония»), слово *свайп* обозначает движение пальцем по экрану телефона или планшета в одном направлении.

В строчке «Между нами *контра*, это *Mortal Combat* Ты вампир, я *Blade 2*, в первом он без ствола» (NILETTO «Любимка»), перечисляются названия компьютерных видеоигр, где, например, лексема *контра* (сленг геймеров) – компьютерная игра «Counter-Strike», что говорит о пополнении молодежного сленга лексикой из этой сферы, а также возможности её выделения в отдельное микрополе в рамках исследования.

Тема денег для молодежи является актуальной, как и для представителей старшего поколения. В данном поле наиболее часто, как показал анализ, в современных песнях употребляются синонимы-сленгизмы со значением «деньги»: *бабло, нал, налик, мани, лавэ, кеш, капуста*. Например, «Rollie, Rollie на руке, деньги в *налике*» (Dava, Филипп Киркоров «Ролекс»).

Таким образом, в работе были представлены наиболее развитые лексико-семантические поля молодежного сленга, которые активно используются в песнях российских поп-исполнителей. Наблюдение показало, что более популярными в песнях современных поп-исполнителей выступают сленговые слова, относящиеся к описанию человека, образу его жизни, развлекательным мероприятием, а также лексика, связанная с пребыванием и действиями молодых людей в интернете. Лексические единицы, входящие в данные семантические поля и микрополя, не только выполняют базовые функции, присущие сленгизмам (номинативная, когнитивная, оценочная, экспрессивная и др.), но и являются маркерами некоторых увлечений, интересов и проблем современной молодежи, отражают время, в которое живут молодые люди, указывают на то, как молодое поколение смотрит на мир, относится к жизни и происходящим в ней событиям.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.
2. Касумова М.Ю. Молодёжный сленг как компонент молодежного дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 7. с. 63-65.
3. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986.
4. Хомяков В.А. Введение в изучение слэнга – основного компонента английского просторечия. – Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1971. 104 с.
5. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
6. Ipsen, G. The Ancient Orient and Indogermans Feast Scripts for W. Streitburg. Heidelberg, 1924. p. 30-45. (in German)
7. Partridge E. Slang Today and Yesterday. L., 1979. 258 p.

Трофимова С.М.

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Рассадин В.И. как создатель письменности для тофаларов и сойотов

Аннотация. В статье раскрывается личность известного ученого – создателя письменности для тюркских тофаларского и сойотского языков и автора букварей и иных школьных пособий для этих языков.

Ключевые слова: создатель письменности, тюркские языки, тофаларский язык, сойотский язык.

Тема доклада продиктована нашим искренним желанием воздать дань памяти замечательному исследователю, создателю тофаларской и сойотской письменностей, академику РАН, доктору филологических наук, профессору Валентину Ивановичу Рассадину. Труды В. И. Рассадина по праву занимают одно из ведущих мест в истории монголоведения, тюркологии и алтаистики. Он стяжал мировую известность как выдающийся специалист по сравнительно-исторической алтаистике и изучению монгольских и тюркских языков Сибири и Центральной Азии. Его научный вклад настолько значителен, что по праву можно утверждать о рассадинском этапе в развитии алтаистических исследований в России.

Увлечения и интересы В. И. Рассадина были чрезвычайно широки: в частности, он много занимался одной из важнейших и актуальных проблем алтаистики – проблемой сложения и истории развития тюрко-монгольской языковой общности, реальное существование которой и легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков, названных так потому, что их формирование происходило якобы в обширной географической зоне Алтая.

Такие языки как тофаларский и сойотский, были впервые подробно исследованы и описаны именно в работах В.И. Рассадина, которые до сих пор остаются самым ценным, а часто единственным полноценным источником информации об этих практически исчезнувших языках. Многие задаются вопросами: как Валентин Иванович Рассадин начал изучать тофаларский и сойотский языки, почему выбрал именно эти языки, в чём был его исследовательский интерес? Еще в школьные годы В.И. Рассадина интересовали проблемы взаимодействия фино-угорских, монгольских и тюркских языков, будучи учеником 4 класса, заинтересовался и увлёкся восточными языками, в частности татарским языком, самостоятельно изучив при этом арабскую письменность. При поступлении в 1957 г. на учёбу в Ленинградский государственный университет он избрал восточный факультет. Избрав кафедру монгольской филологии, он в течение 5 лет изучал современный монгольский, бурятский и калмыцкий языки, учил старописьменный монгольский язык и ойратский язык на «Тодо бичиг», учил фонетику и морфологию, синтаксис и лексикологию современного монгольского литературного языка, древнюю, средневековую и современную монгольскую литературу, историю Монголии и Китая.

Обучаясь на монгольском отделении, он в то же время интересовался и тюркологией, получив разрешение посещать некоторые лекции и на соседней тюркской кафедре, в качестве второго восточного языка изучал древнетюркский язык. В то же время интересовался фонетикой как наукой, особенно экспериментальной фонетикой, посещал научный фонетический семинар, который вела профессор М. Матусевич при лаборатории экспериментальной фонетики имени академика Л.В. Щербы, где он учился постигать методику определения звукового строя малоизученных языков, что конечно помогло ему в изучении монгольских и тюркских языков. Будучи студентом 3-го курса он уже начал

сотрудничать с Институтом языкознания АН СССР, где помогал составлять картотеку памятника древнетюркской рунической письменности.

Следует отметить, что к этой работе привлек его преподаватель Владимир Михайлович Наделяев, который работал в алтайском секторе Института языкознания и одновременно на монгольской кафедре читал студентам лекции по научной грамматике монгольского языка, поскольку сам он, занимаясь монголистикой и тюркологией, занимался проблемами взаимодействия монгольских и тюркских языков, заметив интерес В.И. Рассадина к этой проблеме, всячески поддерживал и посвящал его в тонкости этой проблемы, рассказывал историю этой проблемы, рисовал ему перспективу, рассказывал, что есть всё еще в контактной зоне, где издавна соприкасаются тюркские и монгольские племена, такие места, где некоторые тюркские языки в этой зоне все еще остаются неизученными и почти неизвестными современной науке, так как эти места труднодоступны для посещения учеными, туда просто нет дорог.

Одно из таких мест находится в Восточных Саянах в Иркутской области, где высоко в горах находится легендарная Тофалария, где живут тофалары - небольшой тюркоязычный народ, ведущий охотничье-оленоводческий образ жизни, весьма редкий и уникальный для тюркских народов.

Их язык был почти неизвестен и представлял собой сплошную загадку. В распоряжении ученых на то время было известно только два относительно небольших языковых материала, записанных в местах поселения тофаларов языковедами.

Один из них финский ученый М.А. Кастрен – знаменитый исследователь языков Сибири, посетивший тофаларов (в прошлом их называли карагасами) в 1840 годах. В 1857 г. был опубликован его «Краткий грамматический очерк карагаского (тофаларского) языка и небольшой карагаско-немецкий словарь примерно 1000 слов (см. Castrén M.A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreise. St.-Pb., 1857).

Другой исследователь был отечественный тюрколог Н.Ф. Катанов, который посетил кочевье тофаларов в 1890 году и записал у них ряд фольклорных произведений. К сожалению, их материалы показали большую разницу в передаче звукового облика тофаларского языка, поскольку их материалы зачастую противоречат друг другу и не позволяют точно определить место тофаларского языка в системе тюркских языков, то эта проблема давно интересовала современных тюркологов.

Труднодоступность местности и отсутствие дорог не позволяли провести среди тофаларов полномасштабной экспедиции языковедов, чтобы выяснить в конце концов каким же является истинный звуковой облик этого языка и каков его статус, толи это самостоятельный язык, толи это диалект какого-то соседнего тюркского языка, например, тувинского, каковым его и считали. В.М. Наделяев заинтересовал его этой проблемой и предложил после окончания университета поступить в аспирантуру к ним в Институт языкознания и заняться изучением тофаларского языка, чтобы определить, наконец, его реальный звуковой облик, грамматический строй и словарный состав.

При этом как раз и пригодилось бы те знания теоретической фонетики, которые Валентин Иванович получил, посещая семинар профессора М. Матусевич, а знание монгольских языков, в том числе и бурятского, позволили бы ему выявить влияние соседних монгольских языков на тофаларский язык, а опыт, полученный при работе над картотекой древнетюркских памятников позволил бы Валентину Ивановичу установить древнетюркский компонент в тофаларском языке.

Таким образом, к 1962 г. – году окончания университета он уже был нацелен на изучение тофаларского языка, поэтому Рассадин В.И. досконально изучил материалы Кастрена и Катанова, изучил также грамматику тувинского языка, поскольку к этому времени среди тюркологов уже было высказано предположение, что тофаларский язык это якобы диалект тувинского языка. Это нужно было проверить, а также установить, какое

отношение тофаларский язык имеет к хакасскому языку, так как в составе родов тофаларов имеется два этнических пласта. Один связан с родом *хаиш*, который соотносится с хакасскими качинцами, а другой *чогды* связан своим происхождением с тувинским *чооду*.

Необходимо было выяснить, какие следы хакасского и тувинского языков могли бы оказаться в тофаларском языке, так что проблема перед ним стояла довольно трудная. К тому же дела осложнялись труднодоступностью мест, где живут тофалары. Только молодость и энтузиазм подвигли Валентина Ивановича на это трудное дело. Но вот после окончания университета ему не пришлось поступить в аспирантуру в Институт языкознания, поскольку после окончания ЛГУ его направили на практическую работу переводчиком монгольского языка в г. Дархан Монгольской народной республики. После работы в Монголии он поступил в аспирантуру Новосибирского госуниверситета, где в то время набирали группу аспирантов для изучения языков народов Сибири, поэтому со своей предполагаемой темой оказался весьма кстати.

Когда Рассадин В.И. летом 1964 года приехал впервые в экспедицию в Тофаларию и услышал тофаларский язык, то сразу понял, что ни материалы Кастрена, ни тем более материалы Катанова, ни тувинский язык, которым он свободно владел не отражают реального произношения тофаларского языка. И когда он провел исследования фонетики тофаларского языка по методике, которой научился, посещая семинар по теоретической фонетике лаборатории имени академика Л. Щербы, то окончательно убедился в правильности своего первого впечатления. Поэтому пришлось отодвинуть в сторону материалы Кастрена и Катанова и записывать тофаларский язык заново, фактически с нуля, определяя его реальный звуковой строй, грамматический строй и словарный состав.

Поскольку тофаларский язык, отнесенный к языкам малочисленных народов Крайнего Севера, был бесписьменным, а в 1980 году было принято Постановление Правительства СССР о развитии народов Крайнего Севера, то поступил правительственный заказ о создании письменности для тофаларского языка и введение его в школьную программу для жителей Тофаларии.

В связи с этим, опираясь на результаты изучения фонетики тофаларского языка, создал в начале 1980 годов письменность на основе кириллицы и написал букварь и некоторые школьные учебники, которые были одобрены и утверждены Министерством просвещения РСФСР и Иркутским областным отделом народного образования и внедрены в школьную практику тофаларских школ, в которых с 1989 г. началось изучение родного языка и продолжается оно и до сих пор.

До последних дней В.И. Рассадин не прекращал своих начатых исследований тофаларского языка, работая по собственной инициативе на голом энтузиазме, тем самым спасая тофаларский язык от исчезновения, продолжая записывать тофаларский язык и его фольклор.

В результате его непрерывных исследований строя тофаларского языка в 1971 году была издана книга «Фонетика и лексика тофаларского языка», в 1978 году была издана книга «Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении», а в 1983 году защищена докторская диссертация на тему «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков», впоследствии на эту тему была опубликована специальная монография в 2014 году. По просьбе руководства Иркутской области в конце 1980 годов В.И. Рассадин разработал тофаларскую письменность, создал «Букварь» для тофаларского языка и ряд школьных пособий и с 1989 года в тофаларских школах было организовано изучение тофаларского языка, официально же преподавание тофаларского языка в школах было введено в 1990 году, продолжается оно и до сих пор. Все эти годы и до последних своих дней он не прекращал изучение тофаларского языка, работая по собственной инициативе на голом энтузиазме. В результате была опубликована еще книга по тофаларскому фольклору под названием «Легенды, сказки и песни Седого Саяна» (1996 г.),

«Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь» на 5 тысяч слов (1995). В 2013 году издал книгу «Тюркологические исследования. Избранное», в которой собрал все свои статьи, написанные и опубликованные в течение прошедших пятидесяти лет в различных изданиях, посвященные тофаларской этнической культуре и тофаларскому языку. Все свои собранные словарные материалы (б. 40000 карточек) он обобщил в академическом тофаларско-русском словаре, включившем около 16 тысяч слов языка тофаларов – охотников и оленеводов, обитающих в высокогорной саянской тайге, который выходит в Москве в издательском Доме ЯСК выходит «Тофаларско-русский словарь», 2016 г.

Рассадин В.И. работал над синтаксисом тофаларского языка. После публикации книги по синтаксису он с полным основанием мог сказать, что сделал все, что было в его силах по изучению тофаларского языка. К сожалению, синтаксису тофаларского языка не суждено было увидеть свет.

Далее. Современные сойоты - один из малочисленных народов России, представители которого компактно проживают на территории Окинского района Республики Бурятия. До 1993 г. сойотами считали себя лишь около 500 человек. Официально они не выделялись из числа бурятского населения данного района. Их долгая борьба за признание их самостоятельным этносом завершилась тем, что Указом Президиума Верховного Совета Республики Бурятия от 13 апреля 1993 г. на территории Окинского района был образован Сойотский национальный сельский совет, ныне Сойотская сельская администрация с центром в с. Сорок. В 2000 г. Постановлением № 255 Правительства России сойоты Бурятии были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В этом документе численность сойотов составляет 1973 человека. По данным на 2001 г. их было уже 2002 человека. Это почти 42 % всех жителей Окинского района Республики Бурятия.

Следуя пожеланиям сойотов по возрождению их языка, была создана письменность для сойотского языка и составлен изданный в 2003 г. «Сойотско-бурятско-русский словарь», представивший всю зафиксированную на то время сойотскую лексику (свыше 4,5 тысяч слов), которую тогда еще в 1970 годы вспомнили сойотские старики. Кстати, эта лексика была записана В.И. Рассадиным в Окинском районе во время его экспедиции по сбору материалов бурятских диалектов. Этот материал хранился у В.И. Рассадина более 30 лет. Опираясь на данный материал, В.И. Рассадин смог восстановить язык и создать для него практическую письменность на основе кириллицы, максимально учтя его специфику, и составить букварь, опубликованный в 2009 г. С 2005 г. в начальном классе сойотской школы стали изучать язык. В.И. Рассадин создал «Букварь» для сойотского языка и ряд школьных пособий. Сойотский язык - это язык, наиболее близкий языку тофаларов, поэтому В.И. Рассадин считал возможным использовать для сойотского языка алфавит, разработанный им для тофаларского языка, и те же принципы орфографии. К сожалению, в настоящее время сойотский язык преподается только в одной школе – Сорокская школа-интернат. Начатое дело по сохранению тофаларского и сойотского языка не прекращается, постоянно издаются учебники и учебные пособия, рукописи которых хранятся в его домашнем архиве.

Литература

1. Тофаларский язык

1. Этапы истории тофаларов по языковым данным // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвузовской научной конференции. 11-13 мая 1969 г. Томск, 1969, с. 34-37.
2. О тофаларской лексике (предварительные данные поездки к тофаларам) // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск, 1965. Выпуск I, с. 171-183.
3. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1971.
4. О развитии тофаларско-русского двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М: изд-во «Наука», 1972, с. 332-334.

5. О культе медведя у тофаларов // Тюркологические исследования. Избранное. Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2013, с. 84-87.
6. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной научной конференции. 3-5 июня 1976. Томск, 1976, с. 57-60.
7. К сопоставлению тофаларского и тувинского языков // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР». Алма-Ата, 1976.
8. Некоторые особенности морфологии тофаларского языка // *Turcologica*: К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л., 1976, с.133-141.
9. Антропонимы у тофаларов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976, с. 90-107.
10. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
11. История этнографического и лингвистического изучения тофаларов // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1978, с.189-208.
12. Об организации полипредикативных предложений с подчинительной связью в тофаларском языке // Полипредикативные конструкции в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1985, с. 3-11.
13. Тофаларские народные сказки: [Для мл. шк. возраста / Записал и обраб. В. Рассадин; Пересказал для детей В. Бахревский]; Худож. Б. Лапшин. М.: Дет. лит., 1988.
14. Тоъфа букварь. Тофаларский букварь для первого класса тофаларских школ. Утверждено Иркутским ГлавУНО. Иркутск, 1989.
15. Рассадин В.И., Сылтысчык (Звездочка). Книга для чтения в 1-м классе тофаларских школ. Утверждено Иркутским ГлавУНО. Иркутск, 1990. (соавтор Шибкеев В.Н.).
16. Төрээн соот (Родное слово). Книга для чтения во 2-м классе тофаларских школ. Утверждено Иркутским ГлавУНО. Иркутск, 1994
17. Тофаларско-русский. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.
18. Легенды, сказки и песни седого Саяна: тофаларский фольклор / Ком. по культуре Иркут. обл. администрации; Обл. центр народ. творчества и досуга. Иркутск, 1996.
19. Букварь: Учебник для 1 класса тофаларских школ. М.: Дрофа, 2005.
20. Прописи: Рабочая тетрадь к букварю для 1 класса тофаларских школ. М.: Дрофа, 2005.
21. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: Учеб. пособие для уч-ся ср. шк. М.: Дрофа, 2005.
22. О проблемах возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири (на примере тофаларского и сойотского языков) // http://lingsib.iea.ras.ru/ru/round_table/
23. Глава 1. Тофалары (Общие сведения) // Тюркские народы Восточной Сибири. М.: Наука, 2008, с. 262-277.
24. Букварь: Учебник для 1 класса тофаларских школ. М.: Дрофа, 2009.
25. Прописи: Рабочая тетрадь к букварю для 1 класса тофаларских школ. М.: Дрофа, 2009.
26. Состояние изученности тофаларского языка и фольклора //Материалы Международной научной конференции «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований. 11-13 ноября 2009 г.». Элиста: изд-во Калм.ун-та, 2009, с. 6-10.
27. О фонетических системах тофаларского и тувинского языков // Российская тюркология. 2012. № 1 (6), с. 7-13.
28. Система словоизменения и формообразования современного тофаларского языка // Материалы Международной научной конференции «Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Н.Ф. Катанова». 16-19 мая 2012 г. Абакан, 2012, с. 97-101.
29. Тюркологические исследования: избранное. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013.
30. Об этническом составе тофаларов // Тюркологические исследования. Избранное. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013, с. 79-84.
31. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014.
32. Тофаларско-русский словарь. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
33. Русско-тофаларский детский разговорник. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019.
34. Программа предварительного (добукварного) устного курса по развитию тофаларской речи. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019.

2. Сойотский язык

1. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1985. С. 3-4
2. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках Улан Удэ, 1987. С. 3-15.
3. СИСТЕМА ГИДРОНИМОВ БАССЕЙНА р. ОКИ // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. С. 41-48.
4. Особенности звукового строя языка окинских бурят и сойотов // Звуковой строй монгольских языков Улан-Удэ, 1989. С. 50-73.
5. ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ОКИНСКИХ БУРЯТ И СОЙОТОВ// Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 45-57.
6. ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОКИНСКИХ СОЙОТОВ Проблемы бурятской диалектологии. – Улан-Удэ, 1996. С. 58-99. Соавтор: Цыренова Д.Б.).
7. Сойотско-бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 2003.
8. Словарь сойотско-русский. СПб, 2006 объемом 6.5 п.л.;
9. Букварь: Учебник для 1 класса сойотских школ. – СПб.: Дрофа, 2009. - 120с.
10. Прописи: Рабочая тетрадь к букварю для 1 класса сойотских школ. – СПб.: Дрофа, 2009. - 32 с.
11. О монгольском влиянии на сложение словарного состава сойотского языка // Мир Центральной Азии; Тезисы докладов II международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. С. 230-232.)
12. О проблеме возрождения и сохранения некоторых исчезающих языков Саянского региона Южной Сибири // ИКАНАС-38 (10-15 сентября 2007 г.). Анкара, 2007. С. 52-54.
13. Комплекс охотничье-рыболовческой лексики в саянских тюркских языках таежного ареала пратюркских народов // Природное окружение и материальная культура. М., 2008. С. 155-195.
14. Soyotica / Studia uralo-altaica. Szeged, 2010. 229 с.
15. О проблеме самоидентичности окинских сойотов Бурятии // <http://www.edu.pl/> - Научная сессия «Координаты сибирской памяти: дрейфующая идентичность» (23-28 мая 2010). Варшава, 2010.
16. О языке сойотов Бурятии // *Turkic languages*. ISSN 1431-4983 Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 12 с. (Германия, 2010).
17. Комплекс лексики кочевничества монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей // Урало-алтайские исследования. 2010. №1 (2). С. 32-38.
18. О языке сойотов Бурятии // *Turkic languages*. ISSN 1431-4983 Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 12 с. Германия, 2010.
19. Об окинских сойотах и их языке. О проблеме идентичности у сойотов Бурятии // Цивилизационный выбор и пограничье. Ред. Ян Кеневич. – Варшава, 2011. С. 249-271.
20. Язык сойотов Бурятии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 156 с.
21. The Soyots and their language // REDBOOK OF THE ENDANGERED TURKIC LANGUAGES. Германия–Турция, 2013. <http://dergi.tehlikedekidiller.com>
22. О монголо-бурятском влиянии на тюркский язык сойотов Бурятии Материалы Международной научной конференции "Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики", посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора Рассадина В.И.(10-13 ноября 2014 г.).
23. Язык сойотов Бурятии [Текст] / В.И. Рассадина. - Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012
24. The problems of revival and preservation of languages of some small Turkic peoples of South Siberia (on an example of Tofalar и Soyot languages // *Middle East Journal of Scientific Research*. (Проблемы возрождения и сохранения языков некоторых малочисленных тюркских народов Южной Сибири (на примере тофаларского и сойотского языков) // Журнал научных исследований Ближнего Востока. 2013. №17(4).
25. О монголо-бурятском влиянии на тюркский язык сойотов Бурятии // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В.И. Рассадина (10-13 ноября 2014 г.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. С.179-183

26. Звуковой строй языка сойотов Бурятии [Текст] / В.И. Рассадин // Языки и литературы в поликультурном пространстве современной России: Материалы международной научной конференции, посвященной Году литературы в Российской Федерации и Году русского и родных языков в Карачаево-Черкесской Республике. – Карачаевск: КЧГУ. – 2015. – С. 254-261.

27. Класс служебных слов в тюркском языке сойотов Бурятии // Бурятоведение – II. Научное наследие Э.Р. Раднаева и современное бурятоведение: науч. сб., посвящ. 85-летию д-ра пед. наук, проф., чл.-кор. РАО Э.Р. Раднаева (Улан-Удэ, 26 марта 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета. 2015. С. 221-223.

28. Картинный словарь сойотского языка. Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2020. 168 с.: ил.

29. «Русско-сойотско-бурятско-английский словарь». Улан-Удэ-Элиста объемом 416 с.

30. «Программа добукварного устного курса по развитию сойотской речи». Учебное пособие для учащихся 1 класса сойотских школ

31. «Русско-сойотский детский разговорник». Учебное пособие для детей и родителей объемом 64 с

32. Примерная рабочая программа по учебному предмету «Сойотский (родной) язык» для общеобразовательных организаций с обучением на русском языке (1–4 классы) объемом 41 с.

УДК 81'44

Трофимова У.М.

Российский православный университет святого Иоанна Богослова, г. Москва, Россия

Опыт типологического анализа маргинального класса слов (на материале типологической анкеты)

Аннотация. В статье описываются результаты анкетирования, позволяющие представить разноаспектный анализ маргинального класса слов в типологической перспективе девяти языков. Анкета включает культурные, лингвистические, дискурсивные и коммуникативные, когнитивные аспекты. В качестве фона выступает русский язык, на основе анализа которого была сформирована когнитивная (сферы-мишени, метафорические основания) и дискурсивно-коммуникативная (среда, личность, функции) фрагменты анкеты. Анализ результатов анкетирования позволил описать типологические различия в кодировании копрологической сферы.

Ключевые слова: слабообценная лексика, когнитивно-дискурсивный подход, типологическая анкета, когнитивная метафора, лексический код языковой системы.

*Неприличия исследователь языка не знает,
и все слова для него одинаково приличны.
И.А. Бодуэн де Куртенэ*

Статья является фрагментом магистерского исследования (Трофимова, 2021), объектом которого выступила так называемая копрологическая (иначе экскрементальная) лексика. Данный класс слов выступает основой для образования различного рода инвектив и обценизмов в языке и расценивается лингвистами в качестве слабообцененной (Л.П. Крысин) или параобцененной (В.В. Химик) лексики. В упомянутой диссертации раскрываются причины избегания лингвистами копрологизмов, но также обосновывается и иллюстрируется продуктивность тщательного изучения маргинальных классов слов такого типа. В частности, невозможность использования традиционных методов описания семантики потребовала последовательного применения когнитивно-дискурсивного

подхода, согласно которому семантические трансформации интерпретируются в дискурсивных координатах.

В статье описаны результаты опроса разноязычных информантов, проводимого с целью создать типологическую перспективу для маргинального класса слов. Обращение к интуиции информантов – традиционный метод в полевых исследованиях, используемый для сбора материала. В ходе работы использовались два формата: беседа и письменное анкетирование (Приложение). Целевыми зонами выступали как дискурсивные характеристики (среда, языковая личность, функции), так и когнитивные признаки (сферы-мишени, метафорические основания). Фоном выступал материал русского языка с достаточно широким спектром сред, функций и оснований переноса. В конце анкеты был вынесен вопрос о том, считается ли процесс дефекации в данной культуре постыдным. Таким образом, анкета включала культурные, лингвистические, дискурсивные и коммуникативные, когнитивные аспекты. В таком порядке они и будут представлены в статье.

В качестве информантов выступили носители монгольского, китайского, азербайджанского, чешского языков, отдельные замечания были получены от представителей алтайской и адыгейской культуры, в анкетировании также участвовали русскоязычные билингвы, проживающие в Японии, Корее и Германии¹. В работе используется принцип доступной выборки (в силу особенностей исследуемого класса слов значимым являлось наличие непосредственного контакта и отношений). На наш взгляд, доступная выборка допустима на этапе апробации анкеты, однако все полученные выводы носят предварительный характер.

Культурный аспект. Вопрос о постыдности процесса дефекации (13) вызвал три варианта ответов:

1) безусловно постыдным (азербайджанский, немецкий, адыгейский);

2) корейский и японские информанты отметили спокойное отношение к естественным отправлениям организма. У корейцев есть музей экскрементов, где наглядно представлена история туалета, а также кафе, в которых подаются чашки в форме унитаза, туалетная бумага считается желанным подарком. Японцы широко используют фекальную тему в обучающем дискурсе;

3) постыдность зависит от референтной группы и дискурса. Например, для чешского указание на дефекацию не допустимо в публичной ситуации, однако в дружеской компании совершенно естественно. Противоречивые суждения были получены от монгольских информантов: один информант отметил постыдность только для детей, другая указала на то, что в целом в культуре является постыдным («скорее всего»), однако молодежь относится к этому более свободно и в повседневной жизни часто использует экскрементальную лексику.

Таким образом, можно отметить такую градацию: категорически отрицательное отношение (азербайджанский, адыгейский) / зависит от ситуации, но скорее коннотации нежелательности и неудобства (европейские), с увеличением свободы в этой сфере / достаточно свободные (китайский, монгольский, японский, корейский) с уменьшением свободы в этой сфере под влиянием европеизации культур.

2. Лингвистический аспект отражает количество единиц ряда.

Преимущественно выделяется два компонента, один из которых является более формальным или нейтральным (используется в прямом значении), а другой более неформальным или грубым (для переносных значений): азербайджанский *rox* (неформ.), *nəcis* (форм.), японский *ウンコ* унко (нейтр.), *クソ* кусо (вульг.), немецкий (по утверждению информанта *Kaka* – более нейтрально, *Mist*, *Scheiße* – вульгаризмы), китайский 粪便 *fenbian* 大便 *dabian* (нейтр.), 屎 *shi* (вульг.), монгольские информанты

¹Мы благодарим всех информантов, принявших участие в анкетировании.

предложили целый ряд слов: *баас*, *хоргол*, *чацга*, *ялгас*, *өтгөн*, *жогорхой*, самыми употребительными из которых являются *баас* и *өтгөн*, причем в словаре (<https://mongoltoli.mn>) оба слова стилистически не маркированы, однако *баас* имеет переносные значения с отрицательной коннотацией: а) о ненужном, б) инвектива. Большой ряд был предложен чешским информантом: *hovno*, *stolice*, *exkrementy*, *výkal*, *lejno*, *bobek*, *kaštánky*, *kobliha*, *trus*, куда входят как прямые, там и метафорические номинации из пищевой сферы (*каштаньки*, *пирожки*). Адыгейский информант выделил одну единицу, используемую как в прямом, так и в переносном значении *хьай*. Вообще в адыгейском языке об этой сфере говорить не принято и слово в прямом значении практически не используется. Поэтому оно выступает аналогом маркированного в других языках элемента при отсутствии нейтрального. Таким образом, это преимущественно двухкомпонентная система, с возможным увеличением до четырех или уменьшением до одной единицы. Можно предположить более разработанную системы в славянских и германских языках (русский, чешский, немецкий, английский).

3. Дискурсивно-коммуникативный аспект включает сферы, в которых может использоваться окрашенная (вульгарная) лексема, ее функциональное назначение, характеристики лиц коммуникации (3-7 вопросы).

В японском языке *クソ* (кусо) является умеренно инвективой, характерной для взрослой неформальной речи, которое вполне допустимо использовать в кругу семьи (хотя это зависит от семьи); в школьной коммуникации между учениками может быть использован дериват *クソ野郎* кусояро (близк. *говнюк*), однако учитель, скорее, обратит внимание не на использование неприемлемого (неприличного) слова, а на факт оскорбления другого учащегося.

В адыгейском языке *хьай* используется в бытовой речи, однако не может использоваться в вертикальной коммуникации и обычно не используется в среде образованных людей. Это индивидуальная характеристика языковой личности, не зависящая от пола, как избыточная степень фамильярности. Выступает в качестве оскорбления *хьайжъ* «старое говно» (как о третьем лице, однако в зависимости от интонации может приобретать и просто сниженные, фамильярные коннотации) или в форме оптатива (пожелания/проклятия) *сихьай оих* букв. «Пусть ты съешь мое говно» (негативно, в ситуации спора).

В алтайском языке обнаруживаются специфические дискурсивные особенности: экскременты могут быть отгадкой загадки: например, *кара баатыр жыгыла берди, албаты жон ыйлажа берди* (букв. «упал черный богатырь и народ заплакал») – ответ - образно экскременты (черный богатырь) и мухи (слезы). Другой необычный момент связан с использованием в роли оптатива, пожелания (положительной оценки). В ситуации, когда кто-то чихнул: *а ийт чыч* – букв. «пусть собака обкакает», менее частотный вариант: *тумгугына ийт* «пусть в нос собака покакает». В этих примерах можно предположить карнавальную трансформацию сакральных мотивов (подробнее о карнавальном и сакральном коде копрологизмов в (Трофимова, 2021).

От монгольских информантов были получены контрастные интерпретации оценки политического дискурса с точки зрения использования вульгаризма, в целом отмечается возможность использования *баас* в домашнем общении и художественной литературе, в остальных сферах выбираются нейтральные единицы и эвфемизмы (*өтгөн* – густой, стул). Вероятно, возможны единичные случаи использования *баас* в речи политиков. *Баас* относится к сфере мужской и детской речи для отрицательной оценки какого-либо явления, оскорбления (*нохойн баас*- собачий кал) и высмеивания собеседника (*баас алдах* – букв. терять кал (очень испугаться), *өмхий* – вонючка), для жалобы на жизнь (*баас шиг амьдрал* - жизнь говно), для отрицательной оценки какого-либо явления (*үхсэн баас* - мёртвый кал, *бааснаас дор* - хуже кала). Однако в дружеском общении и для положительной оценки монгольские слова не используются. Характеризуя просодические

и невербальные особенности информант выделяет слово силой и тоном голоса (при ссорах, унижении кого-то), сердитым выражением лица или мимикой отвращения, мужчины в ссоре тыкают в голову пальцем (недопустимый жест унижения собеседника). Например, *чи ямар том баас вэ?* букв. «ты что за говно такое большое?» («ты ничтожество»), демонстрируя отвращение, прикрывают ладонью рот и нос.

По словам китайского информанта, в различных сферах преимущественно используется нейтральный вариант 粪便 *fengbian*, маркированное 屎 *shi* ограничивается бытовой сферой, в том числе детско-родительским дискурсом. Коннотации этого слова исключительно отрицательные. Так, оно может использоваться для жалобы на жизнь 狗屎 *goushi* (собачье дерьмо), для отрицательной оценки явления используется 大粪 *dafen*. Закрепленных за такими ситуациями мимики, жестов, интонации нет. При анализе 屎 *shi* по данным Корпуса современного китайского языка (The Modern Chinese Language Corpus: <http://ccl.pku.edu.cn:8080/>) обнаруживаются нейтральные контексты, а также высокая частотность слова в прямых значениях (экскременты, ушная сера), что не может не снижать степень его экспрессивности.

В азербайджанской коммуникации, по утверждению информанта, широко используется *рох* в самых различных функциях бытового общения, не только для оскорбления и высмеивания собеседника, но и для дружеского сближения, в игровой ситуации; может использоваться в выражении укора: *рохуни уеу* букв. «ешь своё говно» (призыв не лезть не в свои дела), о третьих лицах могут сказать *рохи агзина уйгмаг* – букв. «наполнить рот говном», то есть кого-то проучить, посадить кого-либо на место; для жалобы на жизнь используется конструкция *роха дондю* (букв. «превратилось в говно», то есть все пошло наперекосяк). В ситуации оскорбления выражения сопровождаются «злым» выражением лица.

Немецкий информант отметил тотальное проникновение вульгаризмов в публичную речь, вплоть до употребления *Scheiße, Mist, Dreck* в рекламе. Слова используются всеми категориями людей, в том числе детьми и женщинами. Информант с сожалением отмечает повседневность такого рода лексики, когда она может использоваться в любом контексте, в том числе достаточно нейтральном (*о погоде, о родителях, о жизни, о еде, о политике*). Никакого особенного интонирования не отмечено, само слово создает определенную атмосферу, хотя возможен акцент и соответствующая мимика.

Чешский вульгаризм *hovno* ограничен в употреблении молодежной средой и бытовой сферой. В домашнем родительски-детском общении распространены «детские» слова, например *kobližek* (пончик), *kaštánky* (каштаны). *Hovno* – слабоэкспрессивное слово, которое может использоваться в довольно нейтральных контекстах: *hovno* «да ладно?!» (часто), *to stojí za hovno* (жарг. отстой), в качестве слабоэкспрессивных замечаний *ten člověk stojí za hovno* (он говна стоит), *dělá hovno он делает говно* (ничего не делает).

4. Когнитивный аспект (сферы-мишени)

Этот аспект в ответах информантов ожидаемо отражен слабее всего (вопросы 8-12). Е.В. Рахилина отмечала слабую применимость типологической анкеты для изучения метафорических употреблений: «в такой «творческой» для языка зоне, где нет жестких запретов, носитель чувствует себя значительно менее уверенно и далеко не всегда может ответить на вопрос, реализуется ли данная конструкция в его языке» (Рахилина, 2007, 78). Многие оказались неспособными указать другие сферы-мишени, кроме уже указанных на основе данных русского языка (человек, жизнь), не были описаны основания переноса, дистрибуция не дает представления о семантических сдвигах. Поэтому нашей целью было установить специфический концептуальный признак, лежащий в основе метафорических сдвигов в данном языке и организующий эту сферу.

Основным и наиболее универсальным переносом для всех языков является перенос на человека с оскорбительным подтекстом. Именно эта особенность делает слово

вульгаризмом. Для японского языка это малотипично, возможные случаи были указаны выше.

В адыгейском *хъаиужъ* («старое говно») выступает в роли резко отрицательной характеристики человека; при дискредитации человека в какой-то области говорится *сихаи хишлыкIырэн* букв. «он не различает в этом моего говна» (он ничего в этом не понимает). Под *ихъаигъэ* букв. «его говняность» понимается способность совершать мерзкие, подлые поступки. Эти примеры являются разрозненными и слабо интерпретируемыми даже носителями языка. По словам информанта, концептуальным признаком, определяющим метафорические сдвиги, является «грязь».

Для монгольского языка также основным типом переноса является перенос на человека: *хөгийн баас* букв. «смешное дерьмо» (ничтожество). Слово используется в выражениях, связанных с позором личности: *нэр баасдах* - ударить в грязь лицом, опорочить имя; *нүүр баасдах* - заставить краснеть. Наиболее значимым отрицательным признаком *баас* является запах: см. выражение *баас хатавч өмхийгөө тавихгүй* «когда кал высыхает, но воняет». Слово обладает способностью сочетаться с глаголами *гарах* (выделять), *хатах* (сушить), *алдах* (терять), с прилагательными *өмхий* (вонючий), *хар* (чёрный), *хөгийн* (ничтожный), *том* (большой), *үхсэн* (мёртвый, сдохший). Эти сочетания указывают на перцептивность образа, его восприятие через зрительный и обонятельный анализаторы. В рассмотренных контекстах Монгольского национального корпуса из 18 вхождений 4 имеют переносное значение: 1) о человеке, 2) негативные события в прошлом, 3) продукт речи.

Китайский вульгаризм применим к ряду ситуаций: по отношению к человеку (他是一坨狗屎 букв. он есть 1 куча собачьего дерьма), по отношению к жизни (像屎一般的人生 букв. подобна дерьму так себе жизнь) по отношению к пище (这个食物像屎一样 букв. этот продукт питания как вид испражнения), по отношению к креативным продуктам (这本书写的像屎一样 букв. эта рукопись как вид испражнения).

Вероятно, метафорические основания нужно искать во внутренней форме слова, которое в целом обозначает «выделения, отправления».

В азербайджанском языке по отношению к человеку часто используется *poxlu göt* – «засранец» (бранно, грубо). Несмотря на богатство дискурсивных особенностей, когнитивная сфера в этой категории слов, как и их разнообразие достаточно бедны. В целом *rox* в качестве агрессивного компонента используется в ситуации нарушения границ. Крайне негативная оценка выстраивается на основе компонента «грязь»: *poxlu göt* (кал+зад).

В немецком языке *Scheiße* имеет практически неограниченное употребление, используется по отношению к людям (в том числе друзьям, начальнику, соседям), фильму, концерту, погоде, работе, политике, вещам, и мн. др., для употребления слов этой сферы являются значимыми признаки «грязь» и, соответственно, возможность «запачкаться», «запаха».

Для чешского характерно некоторое дистанцирование от ситуации, описание в третьем лице: *Ten život stojí za hovno, ten člověk stojí za hovno. Hovno* приобретает значение измерения ценности («нет ценности»).

Проведенное анкетирование показало, что непосредственной связи между отношением к процессу дефекации и когнитивно-дискурсивным функционированием копрологической лексики нет. Богатство этой сферы определяется дискурсивными характеристиками и кодами. Например, для адыгейского характерна неразвитость этой сферы, осмысление переносных значений в характеристиках бытового дискурса, для алтайского мы обнаруживаем следы сакрального (архетипические, мифологические образы) в преломлении карнавального, в чешском он получил умеренно бытовую и карнавальную интерпретацию (например, перенос *продукты – экскременты*). Элемент инвективности

сохраняется во всех языках от слабого отзвука в чешском, адыгейском до выраженной инвективы в азербайджанском, монгольском (усиливаемые просодией, мимикой и жестами) и фона в немецком. В качестве доминантных оснований переноса выступают «грязь», «отсутствие ценности», «дурной запах». Несмотря на небольшое количество материала можно констатировать разнообразие копрологических систем в когнитивно-дискурсивном аспекте. При характеристике этой сферы значимыми являются невербальные компоненты речи.

Таким образом, на основании ответов информантов можно выстроить *условную* градацию языков по отношению к системе копрологической лексики:

- **креативная, энергичная, многокодовая и многофункциональная, богатая система** - *русский язык*;

- **креативная, энергичная, мультимодальная, бедная система** – *азербайджанский язык*;

- **энергичная, богатая, бытовая, мультимодальная** – *монгольский язык*;

- **неэнергичная, бедная, бытовая** – *адыгейский*.

Все оценки носят предварительный характер и должны быть проверены с привлечением большого количества информантов. Задача данной статьи – показать возможности типологического описания лексики с доминированием прагматического аспекта и варьирование лексического кодирования данной сферы в языках мира.

Литература

1. Рахилина Е.В. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. М.: Издательство «Индрик», 2007. С. 77-105.

2. Трофимова У.М. Прагматический потенциал «пост-пищевой» метафоры: типологический аспект исследования: дис. магистра лингвистики. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, М., 2021.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ АНКЕТА

1. Какие слова используются для обозначения экскрементов в вашем родном языке? Какие слова в ряду более употребительны, независимо от значения?
2. Какие из этих слов более употребительны для обозначения именно экскрементов (в прямом значении)?
3. Используются ли какие-либо из этих слов:
 - в политической журналистике (да, нет) (какие именно)
 - в публичной речи политиков? (да, нет) (какие именно)
 - научной и интеллектуальной среде? (да, нет) (какие именно)
 - художественной литературе (да, нет) (какие именно)
 - домашнем (детско-родительском) общении (да, нет) (какие именно)
 - среде музыкантов и художников (да, нет) (какие именно)
 - сфере образования (да, нет) (какие именно)
4. Если какие-то из этих слов характерны для женской/мужской/детской/жаргонной речи, речи определённых слоёв/субкультур, укажите это: 1) для какой сферы, 2) какие слова?
5. В общении между малознакомыми людьми будут ли эти слова заменяться эвфемизмами? (да, нет) Если да: какие эвфемизмы существуют в вашем родном языке?
6. Могут ли эти слова использоваться:
 - в игровой функции, для того чтобы вызвать смех (да, нет, какие именно)
 - для оскорбления (да, нет, какие именно)
 - в дружеском общении, для сближения (да, нет, какие именно)
 - для высмеивания собеседника (да, нет, какие именно)
 - для жалобы на жизнь (да, нет, какие именно)
 - для отрицательной оценки какого-либо явления (да, нет, какие именно)

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

- для положительной оценки какого-либо явления (да, нет, какие именно)
- 7. Сопровождается ли обычно использование данных слов особенной интонацией, мимикой, жестами (да, нет, какими)
- 8. Могут ли эти слова обозначать следующие понятия (если могут, приведите пример предложения):
 - человека (да, нет. Если да, приведите пример)
 - совокупность людей, народ (да, нет, пример)
 - страну, государство (да, нет, пример)
 - город, регион (да, нет, пример)
 - вещи – личные предметы (да, нет, пример)
 - машины (да, нет, пример)
 - жизнь в целом (да, нет, пример)
 - здоровье, любовь, карьеру (да, нет, пример)
 - пищу (да, нет, пример)
 - продукты творчества – книги, фильмы, стихи, песни и т.д. (да, нет, пример)
 - речевые продукты (разговор, слова) (да, нет, пример)
- 9. Если есть тенденция, обозначать какие-то конкретные объекты, назовите их
- 10. Есть ли такие переносные значения данных слов, в которых бы перенос основывался бы на
 - цвете
 - форме
 - консистенции
 - запахе
- 11. Какие фразеологические единицы с данными словами есть в языке? Есть ли известные цитаты из фильмов с этими словами, которые используются в речи?
- 12. С какими прилагательными и глаголами наиболее часто сочетаются данные существительные?
- 13. Считается ли процесс дефекации в вашей культуре постыдным?
- 14. Есть ли какие-то дополнительные мысли, замечания по этой теме?

УДК 81'42

Уафа Л.Э.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Морфологические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о морфологических особенностях реализации эмоционального компонента в политической речи. На основе анализа текстов выступлений англоговорящих политиков установлено, что наиболее распространенными морфологическими способами выражения эмоций являются эмотивно-оценочные и интенсифицирующие суффиксы образования прилагательных, префиксальный и префиксально-суффиксальный способы образования оценочных прилагательных или наречий, категория степени сравнения прилагательных. В заключение раскрывается, что морфологически выраженная эмотивность существительных встречается в политических речах достаточно редко.

Ключевые слова: эмоции, политическая речь, морфология, аффиксация.

Морфология – это раздел лингвистики, изучающий грамматическую систему языка, которая включает в себя совокупность всех существующих словоформ, объединенных в грамматические категории и части речи (Карпов, 2019). Ученые воспринимают

морфологию как особый уровень в системе языка, который выполняет важную роль и является исходным базисом в языковом пространстве (Реформатский, 1979, с. 58). Р.А. Будагов утверждает, что морфология помогает понять и узнать язык, соответственно, без морфологии не может существовать ни один живой язык (Будагов, 2000, с. 187).

В реализации эмоционального компонента речи морфологические средства языка занимают особое место (Исхакова, 2009, с. 788). Экспрессивные или эмоционально-окрашенные суффиксы и префиксы являются главными морфологическими средствами вербализации эмоций, как в русском языке, так и в английском. Важно заметить, что в основном языковые единицы английского языка с морфологически выраженной эмоциональностью относятся к адъективной лексике, так как аффиксация прилагательных в наибольшей степени способна придать значению некое усиление или смягчение (Мурясов, 1998). В русском языке наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки не только прилагательных, но и существительных, а также глаголов. Обширная и богатая система русского словообразования вкупе с продуктивностью оценочных суффиксов обуславливают большое количество морфологических ресурсов в русском языке, отличающихся своей яркой стилистической окраской. Однако морфологические средства выражения эмоций в русском языке актуальны лишь для разговорной речи, для текстов художественной и публицистической тематики.

Мы проанализировали политические речи в ООН (2018-2020 гг.), посвященные международным проблемам. В выступлениях англоговорящих политиков было выявлено использование аффиксации прилагательных, существительных, наречий в целях реализации эмоционального компонента, а также достижения экспрессивной окраски значения и передачи эмоций выступающего. Сравнивая количество словообразовательных суффиксов, необходимых для формирования эмотивности, с количеством подобных префиксов, можно убедиться в том, что суффиксов все же значительно больше.

Г.К. Гималетдинова подробно исследовала вопрос об экспрессивной маркированности словообразовательных суффиксов. В это понятие она включает сочетание основ и суффиксов с целью образования производных, имеющих в своей семантике оттенки выразительности и окрашенности (Гималетдинова, 2005, с. 8). В целом она классифицирует экспрессивность следующим образом:

- ингерентная экспрессивность – подразумевается элемент семантической структуры слова, который не зависит от контекста;
- адгерентная экспрессивность – подразумевается значение, которое является результатом сочетания единицы с другим словом в конкретном контексте; здесь отмечается не приобретение экспрессивности за счет контекста, а реализация экспрессивности, имеющейся в структуре слова;
- контекстуальная экспрессивность – подразумевается значение, которое появляется в каждом определенном контексте и не существует за его пределами (Молостова, 2000, с. 8).

На основе вышеуказанной классификации и проведенного анализа текстов выступлений в ООН (2018-2020 гг.) мы выделили некоторые суффиксы, с помощью которых образуются экспрессивные производные в политической речи. Данные суффиксы коннотативны по таким компонентам, как эмотивно-оценочный и интенсифицирующий [7, с. 89].

К эмотивно-оценочным суффиксам прилагательных мы относим *-ive*, *-ish*, *-al*. Рассмотрим примеры.

*1. Tragic as its consequences have been, it has been nothing like as **destructive** as other plagues – let alone the influenza of a century ago.*

Какими бы трагичными ни были его последствия (речь идет о вирусе), он не был столь разрушительным, как другие эпидемии, не говоря уже о гриппе столетней давности (здесь и далее перевод наш – Л.Э.).

2. *COVID-19 has caused us to cease other vital work, and I'm afraid it made individual nations seem **selfish** and divided from each other.*

COVID-19 заставил нас прекратить другую жизненно важную работу, и, боюсь, что из-за этого отдельные страны сейчас выглядят эгоистичными и разобщенными.

3. *Here too, Venezuelans hope for accountability. For this reason, we and our regional partners took the **exceptional** step of referring this case to the ICC.*

И в данной ситуации венесуэльцы надеются на объяснения. По этой причине мы и наши региональные партнеры предприняли исключительный шаг, передав это дело в Международный уголовный суд.

В вышеуказанных примерах прилагательные *destructive, selfish, exceptional* имеют эмоциональный оттенок за счет эмотивно-оценочной суффиксации и способствуют образованию ингерентной экспрессивности данного предложения. Эмотивно-оценочный оттенок слова может подразделяться на положительный и отрицательный, в зависимости от употребления какого-либо суффикса. Проведенный анализ высказываний позволяет утверждать, что добавление суффиксов *-ive, -ish* к именным или глагольным основам для образования прилагательных, передает отрицательную оценку, в то время как суффикс *-al* – положительную.

К интенсифицирующим суффиксам прилагательных мы относим *-ous, -ful, -less*. Рассмотрим примеры.

1. *It is absurd, in many ways, **outrageous** that this microscopic enemy should have routed the unity of the human race.*

Во многих смыслах абсурдно и возмутительно, что этот микроскопический враг нарушил единство человечества.

2. *Yet today – many are concerned about whether this progress will continue, and **fearful** about what the future holds.*

Однако сегодня многие обеспокоены тем, будет ли этот прогресс продолжаться, и опасаются того, что нас ждет в будущем.

3. *Kofi Annan was one of the great Secretaries General, a **tireless** campaigner for peace and progress, and a champion of human rights and human dignity – whose influence will continue to be felt around the world for years to come.*

Кофи Аннан был одним из великих генеральных секретарей, неутомимым борцом за мир и прогресс, а также защитником прав человека и человеческое достоинство, чье влияние будет ощущаться во всем мире еще долгие годы.

По нашему мнению, интенсивность – это понятие, соотносимое с экспрессивной стилистикой, важность ее состоит в эмоциональной передаче отношения говорящего к событиям, действиям и лицам. В рассмотренных предложениях можно заметить, что с помощью добавления суффиксов *-ous, -ful* к именной основе, производные прилагательные *outrageous, fearful* приобретают «наполненность» качествами и интенсифицирующий оттенок ингерентной экспрессии, передающей в данном случае возмущенное настроение и переживание говорящего. Суффикс *-less* используется в словообразовании прилагательных для передачи отсутствия какого-либо качества и обратного значения. В вышеуказанном примере прилагательное *tireless* в сочетании с существительными *campaigner for peace and progress* передает положительный смысл, то есть здесь реализуется экспрессивность производного прилагательного за счет контекста, следовательно, экспрессивность является адгерентной.

Для выражения эмоций важную роль играет словоизменительная морфологическая категория степени сравнения прилагательных. Указывая на большую по сравнению с чем-либо или самую высокую степень признака, данная категория близка к стилистической категории экспрессивности [4, с. 788]. Рассмотрим примеры.

1. *We intend to deliver more peace agreements shortly, and I have never been **more optimistic** for the future of the region.*

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

В ближайшее время мы намерены заключить больше мирных соглашений, и я никогда не был более оптимистичным в отношении будущего региона.

*2. Through our aid budget and commitment to the Sustainable Development Goals we will not only protect the **most vulnerable** but also bolster states under threat and help others sustain their progress.*

Благодаря нашему бюджету для оказания помощи и приверженности Целям в области устойчивого развития мы не только защитим наиболее уязвимых, но и поддержим государства, находящиеся под угрозой, и поможем другим поддерживать их прогресс.

*3. But I will defend their right to say it – for the independence of our media is one of my country's **greatest** achievements. And it is the bedrock of our democracy.*

Но я буду защищать их право сказать это, поскольку независимость наших СМИ - одно из величайших достижений моей страны. И это основа нашей демократии.

В первом и втором примере степени сравнения прилагательных передают определенный признак интенсивности, что делает речь выразительной и способствует усилению чувств говорящего. В третьем примере мы видим, что используется элятивное прилагательное **greatest**, которое по форме является превосходной степенью, но не имеет значения превосходной степени сравнения, а лишь указывают на сильное проявление качества вне сравнения. Подобное морфологическое средство выражения эмотивности отличается выраженной частотностью в политических речах.

Было установлено, что префиксальный способ наряду с префиксально-суффиксальным применяется для образования оценочных прилагательных и наречий. Рассмотрим примеры.

*1. But it would be futile to treat the quest for a vaccine as a contest for narrow national advantage and **immoral** to seek a head start through obtaining research by underhand means.*

Но было бы бесполезно рассматривать поиски вакцины как соревнование ради того, чтобы добиться узкого национального преимущества, аморально пытаться вырваться вперед, получая результаты исследования тайными методами.

*2. But these rules and institutions were not, and should not be, static entities, **impervious** to change.*

Но эти правила и институты не были и не должны быть статичными объектами, невосприимчивыми к изменениям.

*3. To accept that our words and actions have **immeasurable** consequences.*

Признать, что наши слова и действия имеют неизмеримые последствия.

*4. These plans are **unashamedly** ambitious. The threat climate change poses demands it.*

Эти планы беззастенчиво амбициозны. Этого требует угроза изменения климата.

Очевидно, что в указанных предложениях выступающий мог бы использовать отрицательную частицу *not* с прилагательными, но в таком случае выражалось бы простое оценочное суждение, охарактеризованное нейтральностью. Соответственно, именно добавление отрицательных префиксов *im-*, *un-*, связанных с коннотациями экспрессивности, является одним из основных морфологических средств выражения эмоций. Таким образом, производные языковые единицы **immoral**, **impervious**, **immeasurable**, **unashamedly** позволяют иллюстрировать эмоции, настрой и расположение духа адресанта, при этом смысловое содержание высказываний становится колоритным.

При анализе было выявлено, что морфологически выраженная эмотивность существительных встречается намного реже прилагательных. К суффиксам, выражающим эмоциональную выразительность существительных, мы относим *-ness*. Рассмотрим примеры.

*1. Humanity was caught napping. We have been scrabbling to catch up, and with agonizing **slowness** we are making progress.*

Человечество застали врасплох. Мы пытаемся наверстать упущенное, и прогресс идет мучительно медленно.

2. *Once we discover the dangerous ones, our scientists could get to work on identifying their weaknesses and refining anti-viral treatments before they strike.*

Как только мы обнаружим опасные патогены, наши ученые смогут приступить к работе по выявлению их слабых мест и усовершенствованию противовирусных препаратов, прежде чем эти патогены нанесут удар.

В вышеперечисленных примерах путем добавления суффикса *-ness* к основе прилагательного образуются существительные *slowness* и *weakness*, в структуре которых проявляется экспрессия и выразительность. В сочетании с другими словами и конкретным смыслом всего предложения, они образуют адгерентную экспрессивность.

Итак, проведенный анализ показывает, что морфологические средства, необходимые для реализации эмоционального компонента речи, широко используются англоговорящими политиками. Прилагательные, образованные с помощью суффиксов *-ive*, *-ish*, *-al*, *-ous*, *-ful*, *-less*, отрицательные прилагательные и наречия с префиксами *-im*, *-un*, степени сравнения прилагательных, существительные, образованные с помощью суффикса *-ness* содержат в себе коннотации экспрессивности, позволяют продемонстрировать эмоциональное состояние адресанта, благодаря этим способам словообразования высказывания приобретают лаконичность и выразительность. Более того, морфологические средства обладают преимуществом, так как способствуют упрощенному способу репрезентации эмоций, ведь благодаря аффиксации, адресант способен избежать громоздкости высказывания.

Литература

1. Карпов А. К. Морфология современного русского языка: Учебное пособие. –3-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – 202 с.
2. Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. – М.: Наука, 1979. – 103 с.
3. Будагов Р. А. Язык и речь в кругозоре человека. – М.: Добросвет, 2000. – 302 с.
4. Исхакова З. З. Морфологические средства выражения эмоциональности в мужских и женских текстах (на материале английского языка) / З. З. Исхакова // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 788-791.
5. Мурашов Р. З. Избранные труды по германскому и сопоставительному языкознанию. Уфа: изд-во БашГУ, 1998. 310 с.
6. Гималетдинова Г. К. Экспрессивность именных суффиксальных дериватов в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гималетдинова Г. К. – Казань, 2005. – 24 с.
7. Молостова Е. Н. Экспрессивный компонент семантики фразеологизмов – антропоцентризм: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Молостова Е. Н. – Казань, 2000. – 30 с.

УДК 81'1

Уманская П.А.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Лингвистические особенности речи подростков в условиях цифровой коммуникации

Аннотация. *Исследовались особенности речи и преобладающие типы лексики, а также тематическое разнообразие общения подростков в условиях цифровой коммуникации в зависимости от их пола и возрастной группы. Полученные результаты основаны на контент-анализе данных, собранных из школьных чатов младших и старших подростков.*

Ключевые слова: *речь подростков, цифровая коммуникация, чаты.*

Введение

Развитие компьютерных технологий создает принципиально новые возможности получения информации об особенностях языка представителей различных возрастных групп. Так речь подростков в условиях цифровой коммуникации имеет свою специфику.

В связи с участвовавшими случаями вооруженных нападений и терактов в учебных заведениях, совершенных самими учениками, соответствующими ведомствами было принято решение о необходимости мониторинга социальных сетей подростков с целью составления их психологических портретов и выявления деструктивного поведения на основе анализа их речевых высказываний.

Распространенной формой общения на сегодняшний день являются чаты - тематические объединения людей для обмена сообщениями в реальном времени. Коммуникация подростков в чатах занимает достаточно большой процент всего их времени общения. Наиболее часто встречаемым видом чатов являются школьные чаты для общения с одноклассниками. Именно в данном виде цифровой коммуникации отражаются интересующие их темы, возрастные и другие особенности (Сорокина М.В., 2018). Рассматриваемая тема актуальна для исследования, потому что подростки, исходя из своих возрастных особенностей, в большей степени ориентированы на общение, на коммуникацию. В подростковом возрасте развитие происходит интенсивными темпами, и младшие, а также старшие подростки, в значительной степени отличаются друг от друга. Это касается, в том числе, и речи (Потапова Р. К., 2012).

Таким образом, анализ школьных чатов подросткового контингента даст возможность выделить особенности их речи в условиях цифровой коммуникации.

Цель исследования – изучить особенности речи подростков в условиях цифровой коммуникации.

Объект исследования – речь подростков.

Предмет исследования – речь в условиях цифровой коммуникации.

Гипотезы исследования:

1. Речь подростков в условиях цифровой коммуникации будет иметь возрастные и гендерные различия.

Речь подростков в условиях цифровой коммуникации будет характеризоваться экспрессивностью, вербальной агрессией.

Задачи исследования:

1. Проанализировать феномен речи с лингвистической точки зрения.

2. Выделить особенности речи подростков на основе анализа научной литературы.

3. Эмпирическим путем изучить особенности речи подростков в условиях цифровой коммуникации.

Выборка и эмпирическая база исследования: в данном исследовании приняли участие 150 человек. В данной работе сравнивались две группы, а именно младший подростковый возраст (11-14 лет) и старший подростковый возраст (15-17 лет). Представителей младшего подросткового возраста было 75 человек, из которых 38 мальчиков и 37 девочек. Представителей старшего подросткового возраста было 75 человек, из них 36 мальчиков и 39 девочек.

Методы исследования

Материалом для исследования послужили сообщения из школьных чатов подростков, в объеме 3088 высказываний, 738 из которых принадлежат девочкам 12 лет, 728- мальчикам 12 лет, 874- девочкам 16-17 лет и 748- мальчикам 16-17 лет.

Создана база данных высказываний с указанием принадлежности к той или иной лексической, а также тематической группе. Сообщения подростков были специально обработаны для проведения дальнейшей работы.

Была подсчитана частотность употребления лексических категорий и единиц анализа. Проведён сравнительный анализ полученных результатов по возрастному и гендерному

критерию. Сформулированы выводы об особенностях речи подростков в условиях цифровой коммуникации.

На основе литературы и словарей нами были выделены следующие категории анализа: темы, лексика недифференцируемой по смыслу экспрессии (экспрессивности как таковой), лексика отрицательной эмоциональной оценки, лексика отрицательной рациональной оценки, лексика положительной эмоциональной оценки, безоценочная лексика, междометия, цифровые изображения, мемы, знаки (Захарова Л.А., 2014).

Данные категории включают более частные единицы анализа.

Главной особенностью категории лексики недифференцируемой по смыслу экспрессии является прибавление характерных стилистических оттенков и экспрессии к номинативному значению того или иного слова и как следствие усиление степени эмоционального напряжения. Так к данной категории мы отнесли лексику мотивации и деятельности, например: добиваться, успеть, жаргонную лексику, которая объединила школьный жаргон, молодёжный жаргон, компьютерный жаргон, криминальный и многие другие, например: клавиша, лох, ржать, обценная лексика, а также усилительная лексика: никогда, точно, всё.

Категория оценки – ряд единиц различных уровней языка, которые связаны оценочным значением и передают отрицательное или положительное отношение составителя к содержанию речи. Оценочные высказывания достаточно разнообразны и включают в себя не только те, которые непосредственно содержат оценочные слова плохо/хорошо, но также и множество других высказываний, в составе которых встречаются выражения или слова, которые включают оценочную сему в качестве одного из множества элементов своего значения. М. П. Брандес выделяет два основных типа оценок: эмоциональные и рациональные (Брандес, 2004).

Язык содержит целый ряд средств, которые служат для передачи категории оценки. Она проявляется на всех языковых уровнях, а именно на фонетическом, синтаксическом, фразеологическом, грамматическом, лексическом, словообразовательном и стилистическом. В связи со спецификой данной работы и исследуемого материала мы будем рассматривать реализацию лингвистической оценки именно на лексическом уровне.

В целом основой оценочной лексики являются в первую очередь прилагательные и наречия, а также существительные и некоторые эмоционально окрашенные глаголы. Сюда же относятся лексические единицы, обладающие метафорическим значением и фразеологические единицы.

Эмоциональная оценка является результатом эмоционального восприятия субъектом оцениваемого объекта. Нельзя отрицать, что она включает в себя логическую основу, но при этом эмоциональная доминанта преобладает над рациональным компонентом. Данный вид оценки частично мотивирован характером личности, которая воспринимает действительность. Эмоции нельзя отделить непосредственно от чувств, они составляют её сущность, которая проявляется в субъективных оценках. Эмоционально-оценочная лексика включает в себя две независимые группы, а именно лексику с положительной характеристикой, а также лексику с отрицательной характеристикой. Окончательная принадлежность слова или же высказываний к данным группам зависит от контекста их употребления: так стилистически нейтральные единицы могут быть интерпретированы как эмоционально окрашенные или оскорбление в виде бранного слова может быть истолковано как одобрение.

Лексика отрицательной эмоциональной оценки напрямую связана с понятием речевой агрессии. Речевая агрессия – это вид речевого поведения, основной целью которого является оскорбление, унижение и причинение морального дискомфорта непосредственно объекту агрессии (Закоян, 2010).

Как показывает практика, речевая агрессия обычно сопрягается с использованием именно бранной лексики. В рамках исследуемого материала доминирующей разновидностью речевой агрессии стала наступательная. Данный вид характеризуется спонтанностью, импульсивностью и аффектом, а также представляет собой средство языкового нападения на собеседника.

включает в себя инвективы - ряд слов или выражений, содержащих в своей семантике интенцию опозорить, оскорбить или унижить человека. В словаре под ред. А. А. Грицанова приведены наглядные примеры инвективных терминов для различных аксиологических ценностей:

- трудовые навыки: «неумеха» (эскимосы);
- жёсткая регламентация секса — ненормативное поведение в данной сфере: инцестуозные оскорбления, приписывание перверсий;
- чистоплотность — приписывание несоблюдения гигиены: «грязный», «немытый»;
- родственные узы — вывод адресата за семью: «bastard», «сукин сын»;
- религиозность — вывод адресата из «сферы божественного покровительства»: англ. God damn — «будь ты проклят [богом]», «иди к чёрту» и т. п. (Грицанов, 1998, с.877).

Кроме того, в данную категорию анализа также входят лексика разрушения и насилия, например: душисть, изнасиловать, угрожать, лексика страдания, которая состоит из лексики болезни и смерти, отрицательного эмоционального состояния: страдать, боль, плакать. Еще одной единицей анализа в данной группе является лексика протестного поведения: бунтовщик, портить, спорить.

Лексика положительной эмоциональной оценки включает в себя лексику здоровья, развития, семейных ролей, искренности и позитивных эмоциональных состояний, например, надежда, материнский, смешно и тд.

Рациональная оценка, которую М.А. Ягубова называет также оценкой «от головы» заключается в рациональной характеристике предмета. Это оценка логическая, основанная на информации о присущих объекту свойствах (Ягубова, 1996, с.36). Следует отметить, что границы между двумя типами оценок довольно расплывчаты, что приводит к определённым трудностям, связанным с классификацией слов и высказываний к тому или иному типу.

Соответственно лексика отрицательной рациональной оценки описывает непродуктивные ментальные действия, их последствия или же отсутствие у того или иного предмета нужных качеств, появление негативных характеристик: отсталый, неверный, проиграть.

Примерами лексики положительной рациональной оценки могут послужить следующие слова: авторитет, лидировать, возрастая.

К безоценочной лексике мы отнесли те языковые единицы, которые лишены той или иной доли экспрессии, служат непосредственно для констатации фактов и обозначения или названия предметов, понятий. или не подходили к вышеперечисленным лексическим категориям. Данная группа носит нейтральный характер и является осью, вокруг которой строится парадигма шкалы экспрессивности. Безоценочная лексика согласно своей специфике раскрывает своё значение в полном объёме только в рамках контекста. В целом данное утверждение верно и для других категорий, так как уровень реализации эмотивного кода словом варьируется в зависимости от общетекстового контекста.

Цифровые изображения, а именно смайлики, стикеры и эмодзи, являются средствами для демонстрации тона, намерений и чувств, которые при личном общении, в устной речи передаются невербальными сигналами, но которые не могут быть переданы в условиях цифровой коммуникации. Отечественный лингвист М. Кронгауз пришел к выводу, что коммуникация, лишённая подвидов цифровых изображений, может быть воспринята с настроенностью и привести к коммуникативной неудаче особенно среди подростков. А

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

значит, мы можем говорить о постепенном изменении цифрового этикета, так присутствие стикеров и эмодзи становится нейтральным вариантом общения (Кронгауз, 2017). Другим интересным наблюдением является то, что при использовании цифровых изображений в контексте переписки значительно сокращается употребление сленгизмов в тексте сообщения. Они становятся излишними, так как картинки могут передать практически любые эмоции (Черепанова, 2015).

Интернет-мем является относительно новым феноменом интернет коммуникации, который представляет собой целостную единицу, а именно картинку и вербальный компонент. Главной функцией мема является выражение эмоций и юмористический эффект. Мемы активно используются с целью разграничения “своих” и “чужих”, так как в большинстве своем они подразделяются на так называемые локальные и общие. Эта тенденция характерна для представителей исследуемой нами возрастной группы, поэтому является одной из выделенных единиц анализа.

Единицы анализа в категории “темы” были добавлены непосредственно в процессе анализа высказываний.

Таблица 1.

Матрица исследования речи подростков в условиях цифровой коммуникации

категория анализа	единица анализа	группа выборки			
		<i>Девочки 12 лет</i>	<i>Мальчики 12 лет</i>	<i>Девочки 16-17 лет</i>	<i>Мальчики 16-17 лет</i>
темы	<i>Буллинг сверстников</i>	17,07%	23,36%	2,29%	4,81%
	<i>Буллинг учителей</i>	7,32%	4,12%	17,39%	15,78%
	<i>Троллинг</i>	9,21%	10,99%	7,09%	10,96%
	<i>Конфликт</i>	37,40%	42,03%	10,76%	10,43%
	<i>Учебная деятельность</i>	21,95%	7,14%	41,88%	30,48%
	<i>Внеучебная деятельность/игры</i>	4,07%	10,16%	5,95%	8,29%
	<i>Внеучебная деятельность/общество</i>	0%	0%	3,43%	9,36%
	<i>Дистанционное обучение</i>	2,98%	2,20%	11,21%	9,89%
Лексика недифференцируемой по смыслу экспрессии	<i>Лексика мотивации, деятельности</i>	2,17%	1,37%	0,69%	0,80%
	<i>Жаргонная лексика</i>	14,36%	28,30%	25,86%	23,80%
	<i>Обценная лексика</i>	3,79%	13,74%	12,58%	13,64%
	<i>Усилительная лексика</i>	4,06%	1,37%	3,43%	3,74%
		24,40%	44,78%	42,56%	41,98%
Лексика отрицательной эмоциональной оценки	<i>Инвективы</i>	6,50%	4,94%	3,20%	1,34%
	<i>Лексика разрушения и насилия</i>	2,44%	2,75%	1,83%	2,14%
	<i>Лексика страдания</i>	1,63%	1,65%	2,06%	2,14%
	<i>Лексика протестного поведения</i>	1,35%	0,82%	1,38%	0,80%
		11,92%	10,16%	8,47%	6,42%
Лексика отрицательной рациональной оценки		3,25%	4,12%	2,98%	2,41%
Лексика		9,49%	6,05%	6,64%	4,01%

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

положительной эмоциональной оценки					
Лексика положительной рациональной оценки		2,98%	1,92%	2,97%	4,01%
Междометия		4,06%	4,67%	3,43%	5,61%
Безоценочная лексика		12,19%	8,52%	18,08%	21,66%
Цифровые изображения		26,83%	14,01%	10,76%	10,43%
Мемы		0,54%	3,57%	3,20%	2,67%
Знаки		4,34%	2,20%	0,91%	0,80%

Анализ результатов

По результатам исследования *тематической направленности* речи подростков в условиях цифровой коммуникации, были получены следующие результаты: конфликт является ведущей темой у младших подростков вне зависимости от их пола. Данную закономерность можно объяснить спецификой данного возраста, а именно обострённым негативизмом, который особенно ярко проявляется у мальчиков, неумением аргументированно выразить своё мнение и излишней эмоциональностью, которая приводит к недопониманию, а в следствии и к межличностным конфликтам. Кроме того, в данной возрастной группе значительно распространён буллинг. Это связано с тем, что, по мнению большинства ученых и практиков, переходный период наступает именно к 13-14 годам (Межевич С.М., 2019). В это время подросток сталкивается с обострением чувства неполноценности и неуверенности в себе, что заставляет его совершать импульсивные действия, направленные на унижение и дискриминацию других, с целью компенсации имеющихся у него дефектов и недостатков, не учитывая возможные последствия и ответственность. Тема внеучебная деятельность / общество в данной возрастной категории не представлена, так как не представляет интереса для младших подростков.

Старших подростков вне зависимости от пола наиболее волнует тема учебной деятельности. В первую очередь это объясняется спецификой выбранных для исследования чатов, а также тем, что данная возрастная группа более осознанно подходит к вопросам образования из-за предстоящих экзаменов и поступления в высшие учебные заведения. Наименее обсуждаемой темой у девочек и мальчиков этого возраста стал буллинг сверстников. Данный фактор также говорит о высокой степени осознанности, способности к самоконтролю и проявлении уважения к своим товарищам.

Перейдём к анализу результатов исследования речи подростков в условиях цифровой коммуникации.

Первой категорией анализа является *лексика недифференцируемой по смыслу экспрессии*. В речи младших и старших подростков вне зависимости от пола преобладает именно жаргонная лексика. Это является доказательством выводов, сделанных нами в

теоретической части нашего исследования. Действительно, жаргонная лексика в значительной степени характеризует речь подростков и является одним из средств демонстрации принадлежности к определённой группе и выражения солидарности с товарищами. Наименьшие показатели среди всех групп выборки у лексики мотивации и деятельности. Можно предположить, что это связано с спецификой тематической направленности общения в чатах, а также, что данный вид лексики более характерен для личной переписки или разговора.

Говоря о гендерных различиях, мы можем сделать вывод, что обсценная лексика чаще употребляется мальчиками, что свидетельствует об их выраженном желании преодолеть запрет на использование табуированных в культуре слов, выразить свои сильные эмоции и оказать резкое эмоциональное воздействие на собеседника. Кроме того, мы видим преобладание усилительной лексики у девочек подростков. Данный вывод подтверждают положения гендерной лингвистики, о том, что женская речь в разы эмоциональнее мужской и характеризуется более глубокой гиперболизацией.

От единиц анализа перейдем к результатам по самой категории в целом.

Данный вид лексики характерен для младших подростков мальчиков. Причиной этому является чувство дисгармонии внутриличностного развития и отсутствие полностью сформированных навыков эффективного межличностного общения.

Сравнивая младших и старших подростков по полу, можно заметить, что лексика экспрессивности более свойственна старшим подросткам девочкам, чем младшим подросткам. А у мужского пола разница в данной категории незначительна.

Рассмотрим результаты анализа единиц следующей категории: *лексика отрицательной эмоциональной оценки*.

Результаты показали, что инвективы преобладают в речи подростков девочек. Это также можно объяснить высокой степенью негативизма, крайней эмоциональностью и несформированным навыком самоконтроля и толерантности. В большинстве случаев подростками движет желание наглубить и оскорбить, чтобы показать своё превосходство и принадлежность к взрослому миру. В речи подростков мальчиков преобладают показатели лексики разрушения и насилия, что является отражением свойственного данному возрасту стремления к переменам, к разрушению и радикализму и намерения изменить привычный ход вещей.

Анализ категории в целом показал, что младшие подростки обоих полов чаще используют в речи лексику отрицательной эмоциональной оценки, чем старшие подростки. Данную категорию можно также назвать инвективной лексикой, которая является проявлением вербальной агрессии. А значит, на данном этапе мы видим, что младшим подросткам более свойственна вербальная агрессия, в силу возрастных особенностей, а именно отсутствию осознанности, желании противопоставить себя остальным и несформированным навыкам межличностного общения.

Изучив результаты по двум категориям, а именно “лексика отрицательной эмоциональной оценки” и “лексика отрицательной рациональной оценки”, мы можем сделать вывод о том, что подросткам вне зависимости от пола и возраста свойственна эмоциональная оценка. Значительные показатели лексики именно отрицательной оценки свидетельствуют о проявлении вербальной агрессии в речи подростков в условиях цифровой коммуникации.

Сравнивая категории *лексики положительной эмоциональной и рациональной оценки*, мы можем сделать вывод о том, что для младших и старших подростков девочек и младших подростков мальчиков характерна эмоциональная оценка, а у старших подростков мальчиков представлены оба типа оценок в равной степени. Кроме того, можно сказать, что девочкам подросткам в большей степени свойственна лексика положительной оценки, чем мальчикам.

В речи старших подростков безоценочная лексика представлена чаще, чем у младших. На данном этапе они уже могут контролировать свои эмоции и способны делать логические выводы и принимать сложившиеся в обществе порядки. Ведущая тематическая направленность в данной группе также в основном предполагает использование именно этого типа лексики.

Междометия более характерны для речи подростков мальчиков. Но в целом, можно сказать, что разница между всеми группами выборки небольшая и междометия занимают незначительную роль в письменной речи современных подростков.

Цифровые изображения, а именно смайлики, эмодзи и стикеры, наиболее популярны у младших подростков девочек. Данные изображения фактически возвращают речь на более раннюю стадию, являются эволюцией старых визуальных языковых систем. Кроме того, это способ передачи невербальных сигналов в письменной речи. Стоит отметить, что в исследуемом нами материале у младших подростков девочек цифровые изображения также использовались для передачи информации, заменяя слова.

Очевидно, что мемы наиболее типичны для младших подростков мальчиков, которые используют их для выражения собственных эмоций, демонстрации реакции на то или иное сообщение и создания комического эффекта. Это можно объяснить желанием данной возрастной группы привлечь к себе внимание, заявить о своей принадлежности к определённой группе и осведомлённости о ее интересах и предпочтениях. Высокий процент также принадлежит старшим подросткам девочкам, которые создают и присылают уже другие типы мемов, не имеющие задачи оскорбить или унижить человека, а скорее являющиеся отражением ситуации и настроений внутри класса.

Заключительной категорией стали знаки. Мы можем сделать вывод о том, что младшие подростки чаще используют знаки, чем старшие подростки, особенно ярко это проявляется у девочек. Также как и большой процент использования цифровых изображений, это объясняется наглядностью и возрастными особенностями данной группы выборки.

Заключение.

На сегодняшний день Интернет является одной из основных площадок общения подрастающего поколения, речь подростков претерпевает определенную трансформацию. Кроме того, особенности речи школьников могут позволить сделать выводы об их психологическом состоянии, уровне зрелости, умении выстраивать и поддерживать благоприятную атмосферу внутри коллектива, а также об актуальных темах для данной возрастной группы. Данные факторы представляют интерес для специалистов различных областей, таких как лингвистика, психология, педагогика и тд., так как результаты помогут лучше понять подростков, видоизменить и усовершенствовать подход к работе со школьниками и начать работу над проблемными областями.

Проведенное исследование позволило выделить основные характеристики речи подростков в условиях цифровой коммуникации. В исследовании проводилось сравнение двух возрастных групп – младшего подросткового возраста (11-14 лет) и старшего подросткового возраста (15-17 лет). Материалом для исследования послужили сообщения из школьных чатов подростков.

Основным выводом стал тот факт, что речь современных школьников отражает не только возрастные закономерности, но также имеет и гендерные различия. В частности, результаты показывают, что речь младших подростков в условиях цифровой коммуникации экспрессивна и характеризуется вербальной агрессией, что является следствием обостренного негативизма и избыточной эмоциональностью, в то время как речь старших подростков носит нейтральный или безоценочный характер, так как у представителей данной группы уже сформированы навыки самоконтроля и выстраивания коммуникации. Что касается гендерного аспекта, подростки мальчики более экспрессивны и агрессивны, чем девочки. У последних мы можем наблюдать относительно высокий

процент лексики положительной оценки. Это связано с сложившимися в обществе правилами воспитания детей и нормами поведения.

Литература

1. Брандес М.П. Стилистика текста // Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. -416 с.
2. Закоян Л.М. Выражение агрессии в современном русском и английском языках: на материале американского национального варианта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 300 с.
3. Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методич. пособие. / Л.А. Захарова, А.В. Шуваева. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014.– 126 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва / Максим Кронгауз. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 512 с.
5. Межевич С.М. Буллинг по отношению к учителям как новый вид организационного конфликта // Наука и образование сегодня. 2019. №6-1 (41).
6. Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с. – (Studia philologica).
7. Сорокина М.В. Интернет-общение как особая среда коммуникации // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. №11 (43). – 22-27 с.
8. Hamin S. Understanding Online Communicative Language Features In Social Networking Environment. / Hamin, S. and Hani, A. // GEMA Online Journal of Language Studies, Volume 12(3), Special Section, September 2012, P. 817-830.
9. Interactivity in Online Chat: Conversational Contingency and Response Latency in Computer-mediated Communication Zijian Lew, Joseph B Walther, Augustine Pang, Wonsun Shin // Journal of Computer-Mediated Communication, Volume 23, Issue 4, July 2018, Pages 201–221.
10. Tagliamonte, Sali & Denis, Derek. (2008). Linguistic ruin? LOL! Instant messaging and teen language. American Speech - AMER SPEECH. 83. 3-34. 10.1215/00031283-2008-001.

УДК 82

Федорова В.Г.

АГГПУ им. В.М. Шукишина, г. Бийск, Россия

Структура повествования как форма выражения авторской модальности в рассказах А.П. Чехова «Ионыч», «Душечка», «Невеста»

***Аннотация.** Статья посвящена изучению проблемы авторской модальности в рассказах А.П. Чехова к. 1890- н.1900-х гг., для которых характерна объективная манера повествования. Способы выражения позиции автора в произведении рассматриваются посредством анализа структуры повествования, определения «формы авторства» и особенностей взаимодействия субъектов речи и субъектов сознания.*

***Ключевые слова:** автор, авторская модальность, структура повествования, повествователь, субъект / объект речи и сознания.*

Рассматривая проблему авторской модальности в рассказах А.П. Чехова, под словом автор мы будем понимать автора как «носителя некоего взгляда на действительность, выражением которого является все произведение» (Корман, 1977, с. 6), под модальностью – «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентации, сформулированных ради сообщения их читателю» (Валгина, 2003, с. 56). Модальность определяется обычно как категория, выражающая

отношение говорящего к содержанию высказывания (субъективная модальность) и отношение последнего к действительности (объективная модальность). В.В. Виноградов определил сущность модальности как отношение содержания предложения к действительности, установленное с точки зрения говорящего (Виноградов, 1975, с. 56). Как отмечает Н.А. Николина, «авторское отношение (или авторская модальность) к изображаемому сравнительно редко находят отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста» (Николина, 2003, с.92). Особенности авторского мировосприятия проявляются в архитектонике текста, структуре повествования, в своеобразии пространственно-временной организации, в системе мотивов, ключевых словах, заглавии, именах персонажей и пр. В данной работе мы рассмотрим, как авторская модальность выражается в произведении посредством структуры повествования, т.е. системы «речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками» (Виноградов, 2005 с.118). Понятие «структура повествования» связано с такими категориями текста, как повествовательная точка зрения, субъект речи, тип повествования.

Для анализа взяты рассказы А.П. Чехова к. 1890 - н.1900-х гг., для которых характерна объективна манера повествования, в которых идея произведения, авторская позиция, взгляды, оценки заложены в самом строе повествования. А.П. Чудаков отмечает, что к 1886 г. в творчестве писателя складывается, а к 1888-1894 г. становится доминирующим тип повествования, который «с полным правом может считаться чеховским» (Чудаков, 1971, с. 87), это объективное повествование, «в котором устранена субъективность рассказчика и господствует точка зрения и слово героя» (Чудаков, 1971, с.51). Объективная форма повествования открыла «новые возможности раскрытия внутреннего мира героя» – извне и изнутри (Паперный, 1976).

Говоря об авторской модальности в рассказах А.П. Чехова, нужно исходить из того, что «всякий текст словесно-художественного произведения оценочен. Иными словами, он соотносит явления действительности (объекты сознания) со взглядами, принципами, понятиями субъекта сознания. Оценочность текста носит двунаправленный характер. С одной стороны, в тексте характеризуются объекты. С другой стороны, то, как оцениваются объекты, позволяет судить о самом субъекте, которому принадлежат оценки» (Корман, 1977, с. 12).

В рассказе «Ионыч» (1898 г.) субъектом речи и сознания является повествователь, который избегает в отношении героев прямо-оценочных суждений, лишь передает мнение жителей города и самих героев. Например, в самом начале рассказа говорится, что «когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиных как на самую образованную и талантливую» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Описание вечера у семьи Туркиных дается от автора, но при этом представлено в восприятии доктора Старцева, с его пространственной, временной и психологической точек зрения: «Окна были отворены настежь, слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука... В мягких, глубоких креслах было покойно, огни мигали так ласково в сумерках гостиной; и теперь, в летний вечер, когда долетали с улицы голоса, смех и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами снежную равнину и путника, одиноко шедшего по дороге; Вера Иосифовна читала о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила

странствующего художника, – читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и все-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли, – не хотелось вставать» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). В начале рассказа внутренняя и внешняя речь героя невыразительна и безэмоциональна. По дороге к Туркиным и обратно он напевает пошлые романсы, в разговоре скучен и банален, по окончании визита, делает лишь одно скупое замечание: «Занятно» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Складывается впечатление, что ему, после утомительной работы в больнице, просто физически приятно находиться в теплой и уютной гостиной среди гостеприимных и хлебосольных людей. Он пока никого критически не оценивает.

Во второй части рассказа он уже больше открывается читателю во внешней речи, которая становится более эмоциональной, взволнованной, страстной, поскольку он влюблен в Котика. В то же время, ему хочется не только признаваться ей в любви, но и «жаловаться на жизнь, на людей» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Возникает недовольство жизнью, которое разовьется в последующих частях рассказа. Чаще встречается внутренняя речь, появляется развернутая несобственно-прямая речь, выражающая внутренние сомнения и колебания героя. Форма несобственной прямой речи характеризуется «средоточием... двух взаимообусловленных и разнонаправленных процессов в языке повествовательной реалистической художественной прозы: 1) ассимилирующего воздействия авторской речи на речь персонажа; 2) обратного процесса: воздействия речи персонажа на авторскую речь» (Шелгунова, 1979, с. 35). Несобственно-прямая речь позволяет писателю совмещать авторскую позицию с восприятием героя: «Кому, в самом деле, придет серьезно в голову назначать свидание ночью, далеко за городом, на кладбище, когда это легко можно устроить на улице, в городском саду? И к лицу ли ему, земскому доктору, умному, солидному человеку, вздыхать, получать записочки, таскаться по кладбищам, делать глупости, над которыми смеются теперь даже гимназисты?» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Тем не менее, он совершает эту «глупость», едет ночью на кладбище, где, в томительном ожидании ему на ум приходят мысли о тайнах смерти и вечной жизни. Это самая лиричная часть рассказа, которая неожиданно заканчивается прозаичной фразой, вносящей диссонанс в повествование: «Ох, не надо бы полнеть!» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Но эта фраза уже подготавливает дальнейшие практические расчеты о приданом во внутренней речи Старцева, его признание Екатерине Ивановне, избыточное романтическими штампами (он здесь использует «чужое» слово так же, как и чужой фрак), несобственно-прямую речь, в которой ему «жаль было своего чувства, этой своей любви» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Здесь несобственно-прямая речь становится частью сложного предложения, начатого автором, что создает контраст нейтрального авторского повествования с экспрессивной речью персонажа. Всем своим переживаниям герой подводит прозаический итог: «Сколько хлопот, однако!» (Полное собрание сочинений и писем, 1977).

В четвертой части внутренняя и несобственно-прямая речь Старцева становится более оценочной и критичной. Обыватели его раздражают, возникает взаимное непонимание и неприятие: «А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить. При всем том обыватели не делали ничего, решительно ничего, и не интересовались ничем, и никак нельзя было придумать, о чем говорить с ними» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Тот же критичный настрой прослеживается и во внутренней речи Старцева, который после чтения Веры Иосифовны замечает про себя: «Бездарен, — думал он, — не тот, кто не умеет писать повестей, а тот,

кто их пишет и не умеет скрыть этого» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). В этой части рассказа Старцев произносит фразы, которые можно рассматривать как перенос в сферу героя точки зрения автора. Например, помимо приведенных выше цитат, замечание, «что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). По замечанию З.С. Паперного, у А.П. Чехова «предмет сатиры и рассказчик не разделены непроходимой чертой» (Паперный, 1976). Писатель не дает прямых выводов «от автора», поэтому сложно судить, насколько он согласен с героем. Как отмечает Ю.В. Манн, «...выбранная форма меняет нечто и в самой мысли, и мы уже не вправе считать, что автор разделяет ее до последнего штриха, вплоть до той категоричности приговора, которую в других случаях, как мы знаем, он нейтрализовал» (Манн, 1974, с. 477).

Высказывания Старцева мешает воспринимать как замещенную речь (Волошинов, 1998, С. 433-434), в которой есть единство оценок автора и персонажа, личность героя, диссонанс его морализаторства с собственной деградацией. Раздражение окружающими в случае с доктором Старцевым является попыткой оправдать свое оплошление: «Как мы проживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь — сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?» (Полное собрание сочинений и писем, 1977).

Четвертая часть рассказа переключается со второй, только герои меняются местами: теперь Екатерина Ивановна ищет разговора со Старцевым, она взволнованна и увлечена, а он, несмотря на затеплившийся в душе огонек, остается холоден и только думает: «А хорошо, что я тогда не женился» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Его душа уже не отзывается на чувство, в ней нет места возвышенным устремлениям Екатерины Ивановны, герой замыкается в сфере практических интересов.

В пятой части уже совершенно отсутствует внутренняя и несобственно-прямая речь, герой описывается только извне, не как субъект речи и сознания, а как объект. Это говорит об отстраненности автора от героя, который уже совершенно деградировал и утратил свою фамилию, став просто Ионычем. В этой дистанцированности и выражается отношение автора к герою, утратившему человечность.

Повествование в рассказе «Душечка» (1899 г.) ведется от лица автора, но не является одноплановым. Мы видим, как с самого начала рассказа оно включает в себя точку зрения героини: «Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было так приятно думать, что скоро уже вечер» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Объективное изложение автора сменяется субъективной точкой зрения персонажа. И дальше повествование ведется по принципу чередования позиций автора и персонажа.

Автор позволяет читателю проникнуться чувствами и переживаниями героини, увидеть ее восприятие событий, в ее душе для него все понятно, открыто, нет никакой «тайны» (по терминологии И. Сухих) (Сухих, 1987): «жили хорошо», «он ей очень понравился», «она его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горела», «ей казалось, что она торгует лесом уже давно-давно, что в жизни самое важное и нужное это лес» (Полное собрание сочинений и писем, 1977) и пр. Но это восприятие корректируется ненавязчивой позицией автора, который, продолжая повествование в духе и тоне героини, с помощью использования приемов антитезы и повтора привносит в текст иронию. «Представление, которое мы получаем об авторской позиции при знакомстве с субъектной организацией произведения, подкрепляется, дополняется и уточняется благодаря изучению авторской позиции, выраженной через развитие действия, а также расположение и соотношение

частей, то есть через сюжетно-композиционную организацию произведения» (Корман, 1977, с.31).

Так, утверждению, что Кукин возбудил в Оленьке «настоящее, глубокое чувство» (Полное собрание сочинений и писем, 1977), противоречат стоящие после него предложения «от автора»: «Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года, приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Но такие предложения автор умело прячет в середине абзаца, не акцентируя на них внимание читателя, а, по-видимому, намеренно переключая его на описание внешности героини.

Этот же прием, обнажающий поверхностность чувств героини, неумение любить по-настоящему, сохранять память о былой любви, А.П. Чехов использует и в другом месте, говоря об одиночестве героини: «Теперь уже она была совершенно одна. Отец давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки. Она похудела и подурнела, и на улице встречные уже не глядели на нее, как прежде, и не улыбались ей; очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечке, и ей слышно было, как в «Тиволи» играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вызывало никаких мыслей» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Чехов смещает акцент с упоминания о смерти отца на описание его заброшенного кресла, описание изменений во внешности «душечки». Автор избегает морализаторства, но внимательному читателю дает понять, чего стоит вся сердобольность героини, убивающейся по Кукину и Пустовалову, но не заметившей смерть своего отца, иначе бы о ней было сказано в рассказе. В самом начале рассказа Оленька заявлена как дочь отставного коллежского асессора Племянникова, но автор в дальнейшем повествовании, рассказывая о новых и новых привязанностях героини, не позволяет читателю задержать внимание на ее отношении к отцу. Почему так произошло? Почему ненастоящие несчастья Кукина трогают ее больше, чем болезнь отца, ведь сказано, что «раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал» (Полное собрание сочинений и писем, 1977).

Чехов дает в тексте ответы на эти вопросы, но неявные, рассчитанные на внимательного читателя. Уже в начале рассказа, представляя «задумавшуюся» героиню, он показывает, что думать она может только о том, что находится перед глазами. Это подтверждается и в другом месте рассказа: «Глядела она безучастно на свой пустой двор, ни о чем не думала, ничего не хотела, а потом, когда наступала ночь, шла спать и видела во сне свой пустой двор» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Даже музыка в театре «Тиволи» не навеивает ей никаких воспоминаний о прошлой любви. Она не сохранила в своей памяти чувств к людям, которых она любила, поскольку любить она может только того, кто рядом, и только одного человека. Неслучайно это перечисление: «раньше она любила своего папашу ..., любила свою тетю..., а еще раньше... любила своего учителя французского языка» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Используемый автором прием повтора подтверждает, что ей все равно, кого любить, и она всех любит одинаковой любовью: по-матерински заботится, поит чаем, сострадает, перенимает слова и интересы. Она не личность, поэтому и любовь ее не личностна. Показательно, что в рассказе отсутствует внутренняя речь героини, поскольку у нее нет «я» для себя (терминология В. Тюпа) (Тюпа, 1989), нет своего «голоса», она лишь отголосок других: «мы с Ванечкой», «мы с Высечкой» (Полное собрание сочинений и

писем, 1977). У «душечки» не выражено личностное начало, ее внутренний мир очень ограничен. Душа у нее маленькая, бескрылая, не случайно, глядя на звезды, «она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Поэтому героиня совершенно не может оставаться одна, она не самодостаточна.

Как же интерпретировать слова героини: «Ах, как она его любит! Из ее прежних привязанностей ни одна не была такую глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней всё более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает — почему?» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Перед нами несобственно-прямая речь, в которой голоса автора и персонажа как бы сливаются, автор говорит за героиню, передает ее эмоции, при этом выражая ей также свое сочувствие. В этом отрывке столько чувства, искренности, что не поверить им просто невозможно, но автор на протяжении рассказа с помощью приемов повтора и антитезы приучил читателя к тому, что ситуации и чувства в жизни героини повторяются. Внешне ничего нового, кроме того, что Саша ребенок, в этой четвертой истории нет: она также заботится о нем, поит его чаем, повторяет его слова, живет его интересами. Только больше боится его потерять, поскольку уже пережила долгий период одиночества, и надежды на новую привязанность у нее уже нет. Насколько ей нужна эта привязанность, выражено в другой несобственно-прямой речи героини, ранее представленной в тексте: «Ей бы такую любовь, которая захватила бы всё ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Автор позволяет читателю поверить в то, что именно в последней привязанности к Сашеньке по-настоящему раскрылось материнское чувство «душечки», ведь и мужчин она любила по-матерински, не видя их недостатки, прощая невнимание и грубость.

Возможно, из сострадания к «душечке», писатель оставляет финал открытым, но инерция повтора создает определенную проекцию в будущее героини. Та тревога и отчаяние, которые она переживает в финале рассказа – предвестники очередной утраты. З.С. Паперный отмечает, что повествование обрамляется мотивом телеграммы (Паперный, 1976). Первый брак героини обрывается телеграммой, извещающей о скоропостижной смерти Кукина, а в конце рассказа она приходит в отчаяние от ночного стука в калитку, т.к. думает, что это телеграмма от матери Саши с требованием вернуть его в Харьков, что для «душечки» равносильно смерти.

Автор и сочувствует своей героине, и иронизирует над ней. Это проявляется в том, как Душечка, обретая новую привязанность, противоречит своим прежним словам. Живя с Кукиным, она говорит, «что самое замечательное, самое важное и нужное на свете – это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре» (Полное собрание сочинений и писем, 1977), а выйдя замуж за Пустовалова, утверждает противоположное: «Нам с Васичкой некогда по театрам ходить, – отвечала она степенно. – Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). В этих высказываниях героини «контрастное подобие доведено до предела» (Паперный, 1976). Ироничное отношение автора к приземленной героине проявляется и в снижающем сравнении, которое он использует для описания ее душевных переживаний: «И так жутко, и так горько, как будто объелась полыни» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Не случайно это сравнение, как и приведенное ранее про кур без петуха, так не понравилось Л.Н.

Толстому, который считал героиню воплощением истинного предназначения женщины. Однако последовательно использованный автором прием противопоставления высвечивает и то лучшее, что есть в «душечке»: ее доброту, жалостливость, бескорыстие, душевную открытость, способность дарить ласку, тепло и заботу. Этим одна выгодно отличается от жены ветеринара Смирнина, которая и во внешности, и в поведении является ее полной противоположностью. О жене ветеринара известно, что она изменила мужу и бросила ребенка, а «душечка» этого чужого ребенка полюбила, как родного. Таким образом, мы видим, что отношение автора к героине неоднозначно, амбивалентно, и оно смягчается к концу рассказа. По верному замечанию З.С. Паперного, в повествовании рассказа заметно движение от сатиры к лирике (Паперный, 1976).

Если в рассказах «Ионыч» и «Душечка» повествование от автора сопровождается определенной степенью дистанцированности от героев, являющихся объектами сатиры, то в рассказе «Невеста» (1903 г.) оно ведется с позиции героини. Мы можем говорить о «персональной повествовательной ситуации, когда автор подстраивается к персонажу, переносит в его сферу свою точку зрения, но при этом оформляет ее своей речью, на "своем" языке» (Манн, 1994, с. 473). На то, что субъектом речи и сознания является героиня – Надя Шумина – указывают слова, отражающие ее фразеологическую точку зрения: «бабушка», «бабуля», «мать» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Повествование ведется с ее пространственно-временной, психологической и оценочной точек зрения: «...и теперь Наде – она вышла в сад на минутку – видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своем пышном шелковом платье суежилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чем-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой...» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Точка зрения Нади представлена в ее прямой, косвенной речи, внутренней речи, несобственно-прямой речи. В несобственно-прямой речи героини выражаются ее эмоции, чувства, желания, ожидания, мечты о будущем: «О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет! Ведь будет же время, когда от бабушкина дома, где всё так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, — будет же время, когда от этого дома не останется и следа, и о нем забудут, никто не будет помнить» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Ю.В. Манн, отмечая, что А.П. Чехов, «сливая сферу рассказчика с субъективной сферой героя», развивает персональную повествовательную модель, добавляет, что «в сфере персонажа преломляются обычно размышления, пророческие о будущем, предсказывающие будущее или, наконец, просто исполненные более или менее определенного предощущения будущего» (Манн, 1994, с. 478). Писатель таким образом избегает утопичности в авторском дискурсе.

Автор устраняется и не выражает прямо свое отношение к происходящему. Авторская позиция проявляется через слова, частотностью употребления отклоняющиеся от речевой нормы: «казалось» – выражение иллюзорности жизни, невозможности дать верную оценку чему-либо или кому-либо; «хотелось» – желание что-то изменить. Поскольку наиболее частотным оказывается использование глаголов, речь в данном случае идет об объективной модальности, т.е. отношении к действительности (Валгина, 2003). Проявлением авторской модальности является и забегание вперед во временном плане: «...как полагала, навсегда» (Полное собрание сочинений и писем, 1977). Эта реплика от автора диссонирует с радужным эмоциональным тоном повествования героини, тем самым снимается эффект счастливого завершения рассказа. Функцией приема повтора в рассказе (стук, звук скрипки, повторение речевых тем, деталей) является показ неизменного однообразия жизни. Тем самым задается инерция неизменности, которая

подготавливает финальную реплику и показывает, что перемена места жизни ничего существенно изменить в жизни героини не может.

Таким образом, рассмотрев рассказы А.П. Чехова к. 1890 - н.1900-х гг. «Ионыч», «Душечка», «Невеста», для которых характерна объективная манера повествования, мы отметили, что в них авторская речь и точка зрения повествователя не являются доминирующими. Речь идет о разной степени включения в дискурс автора категории персонажа, его точки зрения и речевой сферы. Происходит совмещение плана автора и плана персонажа, которое позволяет автору глубже раскрыть героя извне и изнутри, при этом избегая категоричности и утопичности суждения, определенности выражения личностного отношения автора, т.е. авторской модальности.

Литература

1. Корман, Б.О. Практикум по изучению художественного произведения: учебное пособие / Б.О. Корман. – Ижевск: Издательство ИУУ, 1977 - 86 с.
2. Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 278 с. – (Учебник XXI века).
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С. 56–87.
4. Николина, Н.А. Филологический анализ текста. Учебное пособие / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
5. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям / В.В. Виноградов. – Изд. 2-е, испр. – М.: Высш. шк. (ВШ), 2005. – 286 с.
6. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1971. – 291 с.
7. Паперный, З.С. Записные книжки Чехова / З. Паперный. – Москва: Сов. писатель, 1976. – 391 с. – URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/kritika/papernyj-zapisnye-knizhki/index.htm> (дата обращения 5.09.2022).
8. Шелгунова, Л.М. Указания на речевое поведение персонажей как средство создания образа в русской повествовательной реалистической художественной прозе: (Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. "Рус. яз. и лит.") / Л.М. Шелгунова. – Волгоград: Волгogr. ГПИ, 1979. - 80 с.
9. Манн, Ю.В. Автор и повествование / Ю.В. Манн // Историческая поэтика: Лит. эпохи и типы худож. сознания: [Сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; [Отв. ред. П. А. Гринцер]. – М.: Наследие, 1994. – 509 с.
10. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. // Бахтин М. М. Тетралогия. – М., 1998.
11. Сухих, И.Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И.Н. Сухих – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987 – 184 с. – URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000039/st000.shtml> (дата обращения 5.09.2022).
12. Тюпа, В.И. Художественность чеховского рассказа / В.И. Тюпа. – М.: Высш. школа, 1989. – 133 с. – (Б-ка преподавателя).

Источники

1. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / А.П. Чехов / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974-1982. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898-1903. – М.: Наука, 1977. – 495 с.

Цинь Мэн

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Репрезентация концепта ТРУД в публицистике 2020-2022 гг. на фоне пандемии коронавируса

Аннотация. *Статья посвящена описанию новых признаков концепта ТРУД, сформированных под влиянием внешней ситуации пандемии COVID-19. Материалом послужила выборка из 255 контекстов публицистического подкорпуса «Национального корпуса русского языка» за 2020-2022 гг. с вхождением в контекст репрезентантов концепта ТРУД при вербализованной связи контекста с представлениями о пандемии коронавируса. В результате компонентного и контекстного анализа репрезентации концепта ТРУД определен ряд когнитивных признаков, являющихся для структуры концепта ТРУД новыми: 'новый формат организации трудовой деятельности (удаленная работа, работа онлайн)', 'минимизация личных контактов', 'государственная и социальная поддержка', 'психологическое беспокойство', 'безопасность труда и здоровье'. Каждый из этих признаков репрезентируется через ряд лексем и словосочетаний, в том числе неологизмов, и свидетельствует о значительном влиянии концепта КОРОНАВИРУС на структуру концепта ТРУД в современной русской языковой картине мира.*

Ключевые слова: *концепт, языковая картина мира, лингвоконцептология, концепт ТРУД.*

Работа посвящена изучению новых признаков концепта ТРУД в русской публицистике во время пандемии коронавируса. Пандемия COVID-19 – масштабное явление, влияющее на различные стороны человеческой деятельности, поэтому можно предположить развитие в структуре многих ключевых концептов языковой картины мира, систематизирующих представления о формах деятельности человека (сферы работы, общения, науки и т.п.), новых признаков, мотивированных внешней ситуацией. Цель данной статьи состоит в определении комплекса новых ядерных признаков концепта ТРУД, отражающего специфику русского менталитета, на основе компонентного и контекстного анализа репрезентантов данного концепта в публицистике периода пандемии.

Объектом анализа служит лексическая репрезентация концепта ТРУД в контекстах русского публицистического дискурса, включающих ключевые репрезентанты концепта ТРУД - лексем *труд, работа, дело* и их дериваты. Предмет анализа – когнитивные признаки концепта ТРУД, составляющие его содержательную структуру в современной языковой картине мира во время пандемии коронавируса. В итоге определены новые основные и дополнительные признаки, входящие в ядро и приядерную зону исследуемого концепта в русской языковой картине мира.

На основе русских публицистических текстов 2020-2022 гг. была составлена выборка из 255 контекстов. Источником материала послужил «Национальный корпус русского языка», включающий примеры из различных периодических изданий («Известия», «Парламентская газета», «Ведомости», «Аргументы и факты», «РИА Новости» и т. д.) (НКРЯ). Анализ контекстов позволил выделить группу основных и дополнительных признаков, присутствующих в структуре современного концепта ТРУД и сформированных под влиянием внешней ситуации (пандемия коронавируса), но не представленных в структуре и содержании этого концепта при их реконструкции на основе более раннего материала или словарей, как показали исследования

Е. В. Ганапольской (Ганапольская 1995), Л. В. Басовой (Басова, 2004), Л. Л. Банковой (Банкова, 2007), Л. А. Серовой (Серова, 2009), С. В. Сулович (Сулович, 2011) и др. При определении ядерных когнитивных признаков концепта ТРУД, мотивированных ситуацией пандемии, мы исходили из следующих критериев: 1) систематическая репрезентация выделяемого признака в достаточно большом количестве контекстов (более 1% выборки, то есть не в единичных контекстах), что свидетельствует о принадлежности признака к ядру или ближней периферии концепта; 2) наличие вербализованной связи с концептом КОРОНАВИРУС (наличие рядом с репрезентантами концепта ТРУД в качестве контекстных партнеров лексем *коронавирус*, *ковид*, а также *пандемия*, *вирус* и других лексем исходно медицинского дискурса при экспликации в их лексических значениях в контексте семы 'коронавирус'). Представим наиболее частотные признаки ниже в порядке убывания их доли в общем количестве контекстов.

1. Концептуальный признак 'новый формат организации трудовой деятельности'.

Данный признак является наиболее часто репрезентируемым (132 примера, что составляет 52% от общего количества), что связано с особенностями всемирной экономической ситуации и представляет новую сторону содержательной структуры концепта ТРУД. Этот признак можно считать принципиально значимым для концепта ТРУД в современной картине мира, так как он репрезентирован в большинстве контекстов. Проиллюстрируем данный признак примерами:

1.1. На сегодняшний день это вот именно Трансформация рынка труда, кстати, и с учетом тех посылов, которые мы сейчас имеем в рамках пандемии, это удаленная занятость, гибкие формы занятости, чтобы максимально позволить гражданам официально сформировать свои трудовые отношения таким образом, чтобы иметь достойный доход («Парламентская газета», 2020).

В данном контексте репрезентируется представление об удалённой работе (выражения *удаленная занятость, гибкие формы занятости*) как новый результат трансформации рынка труда, что особенно актуализируется во время пандемии.

1.2. В «Единой России» подготовят поправки в Трудовой кодекс РФ, подробно регламентирующие дистанционную работу в связи с переходом многих россиян на удалённый режим на фоне пандемии коронавируса, заявил первый замруководителя фракции Андрей Исаев («Парламентская газета», 2020).

В контексте также репрезентируются представления о дистанционной работе (словосочетания *дистанционная работа, переход на удаленный режим*). Официально-деловое клише *подготовить поправки* в сочетании с номинацией законодательного документа (*Трудовой кодекс*) показывает, что такой новый формат организации деятельности, как дистанционная работа, постепенно приобретает общественное признание и даже регулируется в законодательном смысле.

1.3. Данная работа, по его словам, должна идти с использованием новых форматов, в том числе онлайн. Это позволит решать все возникающие задачи максимально оперативно даже в условиях пандемии, уточнил политик (Парламентская газета, 2021).

В данном контексте репрезентируется представление о формате работы онлайн в условиях карантина (лексема *онлайн*, часто встречающаяся в контексте вместе с репрезентантами концепта ТРУД) как о новом формате работы. В контексте *онлайн* приобретает семы 'быстрота' и 'эффективность' что свидетельствует о формировании устойчивой связи соответствующего признака концепта с положительным эмоциональным полюсом.

1.4. Наши коллеги с Урала показали нам возможные площадки биеннале цифровыми средствами, мы «гуляли» по Екатеринбургу через зум, мы уже привыкли к тому, что общаемся дистанционно, получается своего рода цифровое курирование. Но сейчас нам нужно переходить на следующий уровень коммуникации (Известия, 2021).

В данном контексте представление о новом формате организации деятельности вводится через новые слова, приобретающие в контексте статус репрезентантов концепта и также становящиеся частыми контекстными партнерами слова *работа* и его дериватов (*зум, дистанционно*). Отметим, что в данном контексте репрезентирован блок концепта ТРУД, связанный с коммуникативной частью работы (лексема *коллеги* с имплицитной семьей 'общение, взаимодействие', лексемы *общаться, коммуникация*), то есть формируется представление о новых способах рабочей коммуникации во время пандемии.

В различных контекстах проанализированной выборки встречаются лексические и семантические неологизмы, имеющие в своих лексических значениях сему 'работа' и становящихся в современном дискурсе репрезентантами концепта ТРУД. Так, лексемы и словосочетания *удалёнка, полуудалёнка, удалённый формат работы, удалённая занятость, гибкие формы занятости, работа в дистанционном режиме, работа в дистанционном формате, работа в дистанте, дистант-образование, дистант-обучение, дистант-работа, онлайн-конференция, онлайн-режим, онлайн-формат, онлайн-уроки, зум-аудирование, зум-беседа, зум-встреча, зум-общение, зум-работник* и т. п. показывают представление о том, что новый формат организации деятельности как для индивида, так и для общества, на бытовом уровне и в юридическом смысле постепенно становится основной формой труда и одновременно рассматривается как неизбежная новая тенденция коммуникации с развитием технологии. Признак 'новый формат организации деятельности' зафиксирован в русской языковой картине мира как доминирующий признак концепта ТРУД, имеющий большое количество случаев репрезентации в публицистике.

2. Концептуальный признак 'минимизация личных контактов в процессе труда'

Данный признак репрезентирован в 46 примерах, что составляет 18 % от общего количества контекстов и также представляет новую сторону содержательной структуры концепта ТРУД, сформированную под влиянием ситуации пандемии:

2.1. Полиция и сотрудники столичного ОАТИ во время обследования помещений клуба выявили ряд нарушений, в том числе работа заведения в неположенное время, нарушение масочно-перчаточного режима и социальной дистанции (Известия, 2020).

Контекст показывает типичный сценарий периода пандемии: контроль социальной дистанции строго отслеживается, полиция проводит проверки и принимает соответствующие меры, чтобы снизить возможность заражения при контакте. Данный контекст также включает выражения *масочно-перчаточный режим* и *социальная дистанция*, не связанные исходно с представлениями о коронавирусе, но ставшие репрезентантами концепта КОРОНАВИРУС в текстах периода пандемии.

2.2. Пусть ограничения сняты, но мир изменился – бизнес массово переводит сотрудников на удаленную работу, а люди по инерции избегают лишних контактов и уменьшают частоту контактов и чаще тренируются онлайн или на свежем воздухе [Ведомости, 2020].

Данный контекст также объективирует выражения *избежать лишних контактов, уменьшить частоту контактов*, слово *контакт*, репрезентирующее блок представлений об общении на работе, сочетается с глаголами *избежать* и *уменьшить* и репрезентирует представление о негативном отношении к личным контактам.

2.3 Они посещали работу, но не вступали в контакт с коллегами (Lenta.ru, 2020).

2.4 Он напомнил, что с 1 июня восстанавливается «работа непродуктовой торговли и бытовых услуг, не требующих длительного контакта с клиентом» (Парламентская газета, 2020).

Контексты 2.3 и 2.4 демонстрируют представление о том, что непрерывный контакт на работе в определенной степени является риском заражения коронавирусом, снижение контактов является необходимостью. В данных контекстах также отметим вхождение

лексемы *контакт* в сочетании с глагольными формами с частицей *не*, что отражает негативное и неодобрительное отношение к общению на работе.

Признак 'минимизация личных контактов' репрезентируется через следующие выражения в контекстах нашей выборки: *масочно-перчаточный режим и социальная дистанция, избежать лишних контактов, избегать контактов между людьми, сократить число социальных контактов, уменьшить частоту контактов, прекращать контакт, исключить контакт, не требовать длительного контакта, не предполагать прямого контакта, не вступать в контакт с людьми, не требовать непосредственного контакта с людьми, находиться в активном контакте с коллегами по телефону и видеосвязи* и т.п. Таким образом, признаки 'минимизация личных контактов' и 'удаленный формат работы' в контекстах тесно связаны и репрезентируют представления о возможных изменениях в режиме труда, мотивированных желанием избежать передачи инфекции. Так, минимизация контактов в процессе труда не только представляется эффективным принудительным средством снижения инфекции во время пандемии, но и регулируется на социальном уровне и со стороны государственных органов. Признак 'минимизация личных контактов в процессе труда', зафиксированный в русской языковой картине мира как дополнительный признак концепта ТРУД, связан с представлениями о состоянии работы трудящихся во время пандемии.

3. Концептуальный признак 'государственная и социальная поддержка'

Данный признак представлен в 41 контексте, что составляет 16 % от общего количества примеров и также представляет часть структуры концепта ТРУД, сформированную в период пандемии:

*3.1. Противодействовать безработице в условиях пандемии в 2021 году предлагается в том числе за счет стимулирования работодателей к найму сотрудников и организации обучения для ищущих работу граждан с **выплатой стипендий*** (Парламентская газета, 2021.06).

В контексте актуализируются представления о том, что стипендии и выплаты являются действенным подходом в борьбе с безработицей во время пандемии, что свидетельствует о формировании положительно окрашенного признака 'поддержка от государства'.

3.2. Россия во время пандемии коронавируса направила на меры поддержки граждан и экономики порядка трёх триллионов рублей, что составляет более 4, 5 процента ВВП страны (Парламентская газета, 2021).

В данном контексте также показано представление о конкретном варианте поддержки: 'денежные средства как основная форма поддержки государства'.

Так, примеры показывают, что в русской картине мира сформирован блок положительно окрашенных представлений в структуре концепта ТРУД, связанных с поддержкой труда со стороны государства в условиях пандемии и репрезентируемых через сочетание в контексте слов *работа, труд* и их дериватов со словами 'пособие', 'стипендия' и 'поддержка'.

4. Концептуальный признак 'психологическое беспокойство'

Данный признак представлен в 10 примерах, что составляет 4 % от общего количества контекстов.

*4.1. Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России Александр Шершуков предположил, что **страх потерять работу** может быть и не связан с объективными факторами, а продиктован **тревогой из-за не очень оптимистичной ситуации в экономике*** (lenta.ru, 2019).

В данном контексте слово *работа* сочетается со словами *страх, тревога, потерять*, имеющими негативные семы в своем значении, что показывает представления о психологическом давлении внешней ситуации и о негативном отношении к возможному исходу труда (страх потерять работу).

4.2. Резко изменившийся уклад жизни, **вынужденные ограничения** для работы и общения, **тревоги** и **опасения** и даже **горечь потерь**, разлуки с родными, близкими, мысли о том, что будет завтра, как **защитить**, **оградить от беды** самых близких людей, как **обеспечить семью**, детей, **поддержать родителей** (Vesti.ru, 2020).

В контексте слово *работа* сочетается с существительными *ограничения*, *тревоги*, *опасение*, *потеря*, *горечь*, отражающими неблагоприятные и нежелательные эмоции работников, а также с глаголами *защитить*, *оградить*, *обеспечить*, *поддержать*, отражающими стремление защитить субъекта труда и оградить его от переживаний, ожидаемых при возможном исходе труда.

Так, данный признак показывает психологическое беспокойство трудящихся во время пандемии.

5. Концептуальный признак ‘безопасность и здоровье’

Данный признак представлен в 6 примерах, что составляет 2 % от общего количества контекстов.

5.1. Работа в условиях пандемии: безопасность прежде всего (Vesti.ru, 2020.04).

Во время пандемии коронавируса, в отличие от ситуации прошлых лет, простые работники постепенно становятся более озабоченными безопасностью своей рабочей среды, то есть подобные контексты демонстрируют увеличение значимости данного признака в структуре концепта ТРУД.

5.2. Мы все-таки находимся в условиях пандемии, поэтому помнить о профилактике и безопасности передачи инфекции просто крайне необходимо (Vesti.ru, 2020).

Безопасность стала очень актуальной проблемой в нынешней эпидемической обстановке, чем мотивирована актуализация данного признака в русской языковой картине мира.

Так, примеры показывают представление о том, что безопасность труда и здоровье работника в период пандемии понимаются в русской языковой картине мира как беспрецедентно важные, что подчеркивается использованием в одном контексте с репрезентантами концепта ТРУД лексемы *здоровье* или выражений, связанных с тематическим полем «Здоровье» и называющих процессы передачи инфекции и способы профилактики, в сочетании с маркерами важности (*необходимо*, *важно*, *прежде всего* и т. п.).

Таким образом, в ходе структурирования публицистического материала, мы пришли к выводу о том, что наиболее актуальными новыми когнитивными признаками концепта ТРУД в современной русской языковой картине мира являются ‘новый формат организации трудовой деятельности’, ‘минимизация личных контактов в процессе труда’, ‘социальная и государственная поддержка’, ‘психологическое беспокойство’, ‘безопасность и здоровье’. Структура концепта ТРУД существенно обновляется в период пандемии. Так, типичная ситуация труда, включающая в себя субъект труда, определенные средства, характеристики и результат процесса труда, трансформируется следующим образом: субъект труда испытывает серьезное беспокойство и приобретает нестабильное нервное состояние, которое редко проявлялось раньше, средства и процесс труда изменяются за счет универсального использования дистанционной формы работы и за счет необходимости социальной и государственной поддержки, сам труд приобретает особые характеристики в связи со строгим соблюдением социальной дистанции и особым вниманием к безопасности окружающей среды, возможный результат труда воспринимается в негативном ключе (потеря работы, проблемы).

Так, материал лексической репрезентации концепта ТРУД в публицистике позволяет сделать вывод о том, что во время пандемии сформировался ряд новых признаков концепта, связанных с новой моделью труда как деятельности, имеющей новый формат организации и осуществляемой при минимальном взаимодействии людей, с соблюдением требований и вниманием к безопасности окружающей среды.

Литература

1. Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке: на материале пословиц и поговорок. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 20 с.
2. Банкова Л. Л. Вербализация концепта “труд” в британском варианте английского языка. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 21 с.
3. Ганапольская, Е. В. Фразеосемантическое поле “ТРУД” в русском языке (в сопоставлении с английским). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1995. 16 с.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru [дата обращения: 01.09.2021 г.].
5. Серова Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских паремиях: на материале современных публицистических текстов сельской тематики. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2009. 26 с.
6. Суслович С. В. Когнитивно-дискурсивные характеристики концепта ТРУД/РАБОТА как дискурсивно-коммуникативной единицы. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Архангельск, 2011. 20 с.

УДК 316.722

Щеброва С.Я.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Образ грифона в пазырыкской культуре и современности

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта № 22-18-00018.*

Аннотация. *В 1990-е годы автономные субъекты Российской Федерации получили статус республик. Это потребовало от национальных элит определить не только дальнейший путь развития, но и разработать государственную символику, отражающую историю новых стран. Во всех республиках, возникших на постсоветском пространстве, наряду с возвратом к национальной культуре началось удревление истории. В качестве доказательства древности народов используются археологические материалы, полученные на протяжении XX века. Особенно популярны яркие образы скифского звериного стиля (I тыс. до н.э.). Их можно видеть на гербе Республики Казахстан, Республики Адыгея, Республики Татарстан, Республики Хакасия и других. Наиболее последовательно внедряются в Республике Алтай образы «звериного стиля» пазырыкской культуры (VI–II вв. до н.э.). Пазырыкский орлиноголовый грифон изображен на гербе Республики Алтай. Поэтому актуально изучение образа грифона в искусстве пазырыкского «звериного стиля» и в практике национального строительства Республики Алтай.*

Ключевые слова: *пазырыкская культура, грифон, Республика Алтай*

Стремление обосновать статус новых государств, возникших в условиях распада СССР, неразрывно связано с потребностью доказать древность собственной истории. Это абсолютно нормальное явление, способствующее ощущению полноценности страны и росту достоинства граждан. Наиболее популярными в государственной символике ряда стран стали образы скифского звериного стиля (I тыс. до н.э.). В Республике Казахстан на гербе можно видеть двух мифических крылатых коней, известных по символике «золотого человека» из сакского кургана Иссык. В Республике Адыгея на герб помещен

герой нартского эпоса Сосруко. В Республике Татарстан и Республике Хакасия на гербах изображены крылатые барсы. Национальные элиты Республики Крым и Республики Алтай выбрали в качестве главного символа грифона.

Созданная в 1992 г. Республика Алтай в следующем, 1993 г., на Государственном собрании — Эл Курултае утвердила герб, зарегистрированный за № 187 в Геральдическом регистре РФ [Герб Алтая]. В краткой аннотации на сайте, публикующей информацию о символике субъектов РФ, говорится, что грифон на гербе Республики Алтай является священным существом; этот полуорел-полулев, оберегает край, даря ему мир, покой и благополучие, покровительствуя животным, населяющим регион.

Цель статьи заключается в изучении образа грифона в искусстве «звериного стиля» пазырыкской культуры и в государственной символике Республики Алтай. Достижению цели способствует решение следующих задач: изучить историю появления образа грифона в пазырыкской культуре; исследовать динамику образов грифа и грифона; определить роль грифона в иерархии символов «звериного стиля»; выявить возможные риски внедрения образа грифона в качестве национального символа Республики Алтай.

Источниковой базой исследования стали опубликованные археологические материалы из «царских» курганов Пазырыка, Туэкта, Башадара и элитных курганов Укока. На поверхности обнаруженных здесь артефактов: *оружии, костюмах кочевников, колодах-саркофагах, конской сбруе* расположены изображения в зверином стиле. Несмотря на многообразие и относительную самостоятельность, все эти феномены культуры организованы в целостную знаковую систему. Эта знаковая система представляет собой «тексты», возникшие в ходе развития общественной жизни и способствовавшие социализации человека. Изучение этих «текстов» на основе семиотического подхода означает выявление правил построения знаков и их комбинаций. Сами же правила построения знаковых комбинаций «звериного стиля» зависели от иерархии, сложившейся в этом обществе. О том, что кочевые общества Евразии имели иерархическое строение и знаки, отражающие эту общественную иерархию, было известно еще в древности (Геродот, 1972, 188, п. 5).

Иерархия знаков и их символические характеристики развивались на протяжении нескольких периодов пазырыкской культуры. Артефакты из «царских» курганов Центрального Алтая: Туэкта-1, Туэкта-2, Башадар-2 относятся к *раннему периоду* (середина VI – вторая половина VI века до н.э.). Артефакты из последовательно возведенных «царских» курганов Восточного Алтая Пазырык-1, Пазырык-2, Пазырык-4, Пазырык-3 и элитных курганов плато Укок (курган № 1 и 2, могильник Ак-Алаха-1; курган № 3, могильник Верх-Кальджин II; курган № 1, могильник Ак-Алаха-3; курган № 1 могильника Ак-Алаха-5) соответствуют *среднему периоду* (вторая половина V века до н.э.). К *позднему периоду* относятся артефакты из «царского» кургана Пазырык-5 (последняя четверть V века до н.э. – первая половина IV века до н.э.) (Баркова, 1995, с. 60–76).

На протяжении раннего и среднего периодов образ грифона был невероятно популярен в пазырыкской культуре, за исключением позднего периода. Грифона можно видеть на воинских штандартах, навершиях головных уборов вождей и их боевых коней, в сценах терзания на конских масках, нашивных бляшках костюмов и татуировках тел кочевников. При этом часто не замечается, либо игнорируется тот факт, что причиной универсальной эстетизации всей предметной среды скифо-сибирского мира была война и военная организация ранних кочевых обществ Казахстана, Сибири и Центральной Азии (Грач, 1975, 158–182). Археологические материалы подтверждают высокую степень милитаризации пазырыкского общества, достигающей в группе возмужалых мужчин 73 % (Дашковский, Тишкин, 2003, с.78–79). В пазырыкской культуре ценность войны обнаруживается в способах репрезентации картины мира, феноменах нравственного сознания, культе мертвых, художественных произведениях, оформлении оружия,

способах декора боевого коня. При этом, как в любом древнем обществе власть вождя понималась как «владение соответствующим символом» (Бочаров, 1996, с.31). Таким символом пазырыкской культуры является грифон — крылатый фантастический хищник (Баркова, 1985, 37; Переводчикова, 1994, 124; Руденко, 1960, с. 290–293). Н.В. Полосьмак считает этот образ ключевым в культуре древних кочевников Алтая (Полосьмак, 1994, 9), а Я.В. Фролов и О.И. Чекрыжова называют грифона главным символом воинской доблести вождей, начиная с V в. до н.э. (Фролов, Чекрыжова, 2009). Следует учесть, что С.И. Руденко называл мифологическую хищную птицу с хохолком на голове и гребнем на шее грифом, тогда как Н.В. Полосьмак считает ее грифоном. У «классического» грифона голова, крылья и когти орла соединены с телом льва (орлиноголовый грифон). Львиными грифонами, львиноголовыми грифонами, львогрифонами или просто грифами называют исследователи крылатых и рогатых львов (Руденко, 1960, с. 290–293; Баркова, 1985, с. 37; Бонград-Левин, Грантовский, 1983, с. 81).

Согласно исследованиям Л.Л. Барковой, образ грифона возник в Древней Месопотамии в IV тыс. до н.э., а орлиноголовый грифон существовал в пазырыкской культуре с середины VI по вторую половину V в. до н. э. К типу орлиноголового грифона относятся: «1) мифическое существо с туловищем тигра и головой орла, 2) орла с ушами, хохолком и гребнем, так называемого “мифического орла” (по М. П. Грязнову), или, как мы его называли, грифона-орла; 3) изображение головы птицы, наделенной этими атрибутами» (Баркова, 1987, с. 5–29).

В Туэктинских и Башадарских курганах *насчитывается* 186 изображений грифонов, в Пазырыкских курганах — 239. Образ грифона использовался для декора одежды вождей, а в сценах терзания его можно видеть на седельных покрышках коней, принадлежавших вождям и родовой аристократии. Многочисленность изображений грифона на конской сбруе связана с идеей индоиранских народов о посмертном растерзании коня для его скорейшего воскрешения и перемещения на небесные пастбища. В Ахеменидском Иране тела умерших специально выставляли на растерзание грифам-могильщикам (Тресиддер, 1999, с. 65). Судя по характеру изображений грифона в пазырыкском искусстве, семантика этого образа менялась на протяжении раннего и среднего периодов.

В ранний период грифоны из Туэктинских и Башадарских курганов имеют достаточно миролюбивые черты. Они обычно изображались с крупной головой, круглым или остролистной формы ухом и плавно приподнятым хохолком гребня. Спокойно выглядит каплевидный глаз, сомкнутый крючковатый клюв с восковицей. На шее и груди грифа перья изображены в виде чешуек, плотно налегающих одна на другую. Весь облик этой хищной птицы выражал спокойствие. Лишь отдельные вихреобразные композиции, созданные из фигур грифов, нарушают привычную статику этого образа.

В среднем периоде облик грифона меняется, приобретая большую агрессивность. В курганах Пазырыка и Укока у него появляется острый s-видный хохолок, дополненный торчащими вверх зубцами гребня и настороженно поднятыми большими ушами. Мощный клюв грифа становится ярким символом уничтожения плоти. В пазырыкском искусстве среднего периода особое внимание в образе грифа уделено хищно загнутому вниз клюву, кончик которого хищно заострен, восковица прорисовывается с помощью частых прямых линий. Если клюв сомкнут, его верхняя часть может быть орнаментирована, чаще всего мелкими овалами. В целом наблюдается подчеркивание контуров хищно открытого клюва грифа, что уподобляет его оскалившемуся зверю. Усиливают ощущение угрозы, исходящей от этой хищной птицы, взъерошенные перья. В среднем периоде на концах разветвленных рогов оленей стали изображать головки грифов. Это может быть связано с развитием военной символики и представлений о фарне, подробно исследованных Б.А. Литвинским (Литвинский, 1968).

Мифологический грифон, рассматривавшийся в Древней Месопотамии как *полулев-полуорел*, символизировал бдительность и воинственность, воплощая как доброе, так и

злое начало (Энциклопедия символов, 2002, с. 136). Со II тыс. до н.э. это гибридное существо стало популярным в Западной Азии (имея демоническое значение в Ассирии), на Крите, а позднее на Ближнем Востоке, в Греции, где ему приписывались разные значения: от символа солнечной власти над воздухом и землей, до мудрости и возмездия, а также охраны золота Индии и скифов (Тресиддер, 1999, с. 66). В греческой мифологии этот чудовишный полулев-полуорел считался собакой Зевса, стерегущей золото в стране гипербореев, охраняя его от одноглазых аримаспов (Мифы, 1987, с. 336).

В пазырыкской культуре *орлиноголовые грифоны* в раннем периоде практически не изображались в полный рост. В среднем периоде количество орлиноголовых грифонов насчитывает 6 изображений, *львиноголовых грифонов* — 16. Чаще всего они встречаются на седельных покрывках. При этом в Первом Пазырыкском кургане на одном седле можно видеть сцену терзания львиным грифоном горного козла, а на другом седле — борьбу орлиного и львиного грифонов (Руденко, 1953, с. 363–364).

Гривны из «царских» погребений выступали как знаки-инсигнии (символы) власти (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 327). В Пазырыкских курганах — захоронениях знати скифского времени в Горном Алтае, львиный грифон выступает как символ могущества, власти и военной мощи царей — хварно царского рода (Фролов, Чекрыжова, 2009). Вероятно, сшитые из меха соболя и апплицированные изображениями мифологических существ кафтаны вождей были знаками инвеституры «царской» власти. Высшую власть вождей в пазырыкском обществе символизировали сложные головные уборы со сценами борьбы грифонов с животными, а также шейные гривны в виде львиноголовых грифонов как у вождя из Второго Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, с. 133, рис. 79).

Орлиноголовые грифоны всем своим обликом демонстрируют мощь и силу. Крупная птичья голова снабжена угрожающе раскрытым массивным загнутым клювом, агрессивно вздыбившимся хохолком и зубчатыми гребнями на шее. Заостренное крупное ухо настороженно поднято вверх. Грифон опирается на передние птичьи лапы, сидя на задних — львиных; длинный кошачий хвост этого существа закручен в спираль.

Львиноголовый грифон обычно изображался с демонстративно крупной головой, с «точками» и «скобочками» на задней половине туловища. Несмотря на широко раскрытую пасть, грифон производит обманчивое впечатление добродушного существа, поскольку не показаны клыки и зубы. Дополняют этот образ мягкие складки на верхней губе и щеках, аккуратное листовидное ухо, а также обозначенная параллельными линиями грива. Особенно привлекательны круглые шарики на чешуйчатых рогах s-образной формы. Поднятое вверх над гибким туловищем крыло с мягко закругленными птичьими перьями довершает образ этого внешне безобидного хищника. Однако кисточка на конце львиного хвоста, выполненная в виде жала скорпиона, свидетельствует о коварности этого хищника.

Орлиноголовый и львиноголовый грифоны, символизировавшие силу, активность, царскую и военную власть, сочетали в себе признаки различных существ. Орлиноголовый грифон воплощал образ фантастической птицы; львиноголовый сочетал качества хищного зверя и птицы. К особенностям этих *синкретических образов* относятся: мощные рога, когтистые лапы, туловище с развитой мускулатурой, а также угрожающе раскрытая клыкастая или обманчиво беззубая пасть, огромный клюв, расправленные крылья, готовые мгновенно взмыть в небо.

С образом *орлиноголового грифона* в пазырыкской культуре связаны заимствованные у народов Древнего Востока представления:

- о солнечном гибридном существе, властвующем над воздухом, солнцем, землей и золотом (Энциклопедия, 2002, с. 216);
- о воинственном посреднике между земной и небесной сферами;
- о воплощении в образе грифона доброго и злого начал;
- о реинкарнации, завершающей процесс смерти и последующего растерзания.

С образом *львиноголового грифона* в в пазырыкской культуре связаны представления:

- о возникшем в Древней Месопотамии крылатом и рогатом льве-охранителе, который в древнеиранской мифологии переплетается с таким понятием как авестийское «хварно»;
- о царственной власти, харизме, сакральной силе, удаче;
- о божественной власти над простыми кочевниками.

Изучив артефакты пазырыкской культуры как «тексты», можно сделать вывод о широком использовании образа грифона в системе «звериного стиля», направленного на культивирование воинственности. На основе сравнительного анализа образа грифона выявлено более сильное проявление воинственного начала от раннего к среднему периоду.

В иерархии образов пазырыкского искусства грифон является заимствованным образом, маркирующим предметы из «царских» и элитных курганов. Грифону принадлежит право терзания копытных, прежде всего, лося, горного козла и горного барана, реже — оленя. Соперником грифона, имеющим право на состязание с ним, является тигр, — также заимствованный образ иранского круга образов. Автохтонные хищники, такие как волк и барс, занимают подчиненное положение по отношению к тигру и грифону.

Анализ семантики автохтонных образов, дополненных такими заимствованными образами как львиноголовый и орлиноголовый грифон, свидетельствует о наличии системы знаков-символов, задававших уровень взаимоотношений общества с вождями, соплеменниками и «чужими». Идеология властных структур побуждала к соперничеству, агрессии, захвату трофеев. Однако наряду с физическим насилием не меньшее значение имеет насилие символическое, выполняющее две задачи.

Первая задача символического насилия состоит в вытеснении системных ценностей другой культуры; вторая задача символического насилия состоит в обосновании и оправдании насилия физического, установлении системы ценностей и основанных на этой системе ценностей порядка общественного устройства и поведения человека (Сергеева, 2002, с. 66).

Именно эти свойства информационного насилия есть в знаковой системе древних кочевников Алтая. Сначала кочевой элитой была вытеснена прежняя система ценностей, представленная автохтонными образами таежных жителей (мирные лосихи, безрогие бараны и т.д.). Затем началось внедрение новой символики, преимущественно иранского круга, включающей агрессивный образ грифона, тигра, сфинкса, лотоса, пальметты, свастики. Автохтонные образы демонстрировали нарастание воинственности, обретая мощные рога, копыта и увеличиваясь в размерах.

Грифон воплощал такие качества элиты горноалтайских кочевников, как агрессивность, свирепость и молниеносное безжалостное уничтожение тех, кто утратил бдительность. Этот образ соответствовал стремлениям кочевой элиты к власти, подчинению своей воле простых смертных. Размещая грифонов на костюмах, оружии и конских уборах, властвующая элита создавала символические «тексты», диктующие правила подчинения и образцы поведения всему кочевому обществу. О том, что под воздействием знаков (кодов, образов) постепенно и незаметно актуализируются те или иные формы поведения, писали многие исследователи (Бодрийяр, 2006, с. 251–264; Михайлин, 2005, с. 13; Белков, 1997, с. 87–88).

В настоящее время грифон является главным символом культуры Республики Алтай, поскольку размещен на гербе этой горной страны. Заметим, что он один вряд ли способствует актуализации «немотивированной» агрессии, тем не менее, образы пазырыкского искусства активно внедряются в аксиосферу республики. Миролюбивая риторика, сопровождающая образ грифона в краткой аннотации на сайте, на практике оборачивается обвинениями российских археологов в природных катаклизмах и экономических бедах Республики Алтай. Поскольку для обоснования мифического

родства с пазырыкцами национальной элите достаточно мумии, обнаруженной в 1993 г. на плато Укок, раскопки российских археологов запрещены. Таковы первые итоги удревления истории республики.

Литература

1. Баркова Л. Л. Изображения рогатых и крылатых тигров в искусстве древнего Алтая // АСГЭ, Вып. 26. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1985. – С. 30–44.
2. Баркова Л. Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // АСГЭ, Вып. 32. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 1995. – С. 60–76.
3. Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологический сборник [Эрмитажа]. Вып. 28. Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: Искусство, 1987. – С. 5–29.
4. Белков П. Л. Миф и категории социального пространства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. – СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2000. – С. 51–58.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: «Республика», «Культурная революция», 2006. – 269 с.
6. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Мысль, 1983. – 206 с.
7. Бочаров В. В. Власть и символ // Символы и атрибуты власти. Генезис. Семантика. Функции. / Отв. ред. В. А. Попов, сост. и предисл.) – СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). РАН, 1996. – 320 с.
8. Герб Алтая. [Электронный ресурс] // URL: <https://blazon.ru/rf/gerb-altaya.html> (дата обращения 12.06.2022).
9. Геродот. История. В 9 книгах. Пер. и примечания Г. А. Стратановского. Под общ. ред. С. Л. Утченко. Редактор перевода Н. А. Мещерский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 598 с.
10. Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии: [Сборник статей] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; [Отв. ред. А.М. Решетов, Ч.М. Таксами]. – М.: Наука, 1975. – С. 158–182.
11. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М.: Наука, 1980. – 416 с.
12. Дашковский П. К., Тишкин А. А. Социальное развитие кочевников Алтая в скифскую эпоху // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). Материалы Всесоюзной конференции. – Кемерово: 2003. – 243 с. – С. 78–79.
13. Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). АН Таджикской ССР. Институт истории им. А. Дониша. – Душанбе: Дониш, 1968. – 119 с.
14. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Т. 1. А – К. Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: «Советская Энциклопедия», 1987. – 671 с.
15. Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции / Предисл. К. Кобринна. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 540 с.
16. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 206 с. (По следам древних цивилизаций).
17. Полосьмак Н. В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 125 с.
18. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. АН СССР. Институт истории материальной культуры. – М.- Л.: Издательство АН СССР, 1953. – 402 с.
19. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. – 359 с.

- 20.Сергеева О. А. Особенности современных цивилизационных процессов. – М.: «МАТИ» – РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2002. – 267 с.
- 21.Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
- 22.Фролов Я. В., Чекрыжова О. И. Изображение головы фантастического хищника из кургана I могильника Михайловский VI и его параллели в искусстве народов Азии [Электронный ресурс] // URL: <http://new.hist.asu.ru/skif/pub/stat/frolov1.html> (дата обращения: 08.07. 2009).
- 23.Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»: МИФ: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 556 с. («AD MARGINEM»).

УДК 81'373.45

Щелок Т.И., Гостищева Д.П.

АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Заимствованная лексика рубрики „Kino“ (на материале статей немецкоязычной интернет-версии журнала Spiegel)

***Аннотация.** Данная статья посвящена описанию этимологических и семантических характеристик заимствованных лексических единиц, обнаруженных в одном из популярнейших новостных немецкоязычных интернет-изданий – журнале SPIEGEL – и относящихся к рубрике „Kino“. В работе также предлагается попытка оценки уровня ассимиляции слов из различных языков к морфологическим, графическим и произносительным нормам немецкого.*

***Ключевые слова:** немецкий язык, заимствование, англицизм, журнальный текст.*

Технология создания движущихся изображений, известная как кинематограф, появилась в конце 19-го века и с течением времени благодаря достижениям науки и техники не теряет своей популярности. Тысячи кинолент производятся ежегодно во всем мире и привлекают неослабевающий интерес зрительской аудитории. Киноиндустрия стала важнейшей отраслью экономики, развившей свою терминосистему, которая постоянно расширяется и обновляется. Важное значение при этом играет «процесс когнитивного усложнения картины мира» (Дедюхин, 2022, с. 105), детерминированный в ряде случаев заимствованием лексики из других языков. Ведущую позицию занимает, безусловно, английский язык, имеющий доминирующую роль как средство международного общения. Очевидно, что англицизмы, кроме обозначенной, присутствуют в разных языках и терминологических системах: IT-сфере (Дедюхин, 2022), спорте (Амурзаева, 2021), политике (Рычаева, 2021), экономике и менеджменте (Лисина, 2020), туризме (Нейман, 2019), военной лексике (Власова, 2019), финансах и экономике (Никитин, 2018), образовании (Бутыкина, 2017). Многочисленные исследования в данной области подчеркивают актуальность и необходимость изучения функциональных характеристик иноязычных лексем.

Кинематограф Германии представляет собой важную часть немецкой культуры. Его история неразрывно связана с историей страны, вследствие чего характеризуется периодами взлетов и падений. Согласно статистическим данным, кинематографисты Германии снимают ежегодно примерно 150-160 художественных фильмов, занимающих около 30% от всего национального кинопроката. Режиссеры отбирают для работы наиболее интересные, необычные сюжеты, привлекают известных актеров, пользуются всевозможными современными видеоэффектами ради достижения единственной цели:

признания и популярности у публики. Не остаются в стороне и средства массовой информации. Различные новости из мира кино регулярно публикуются в разных изданиях с целью акцентировать внимание потенциальных зрителей, отразить содержание новейших творений режиссеров и основные тенденции в этой области и т.п. Лексическая сторона такого рода публикаций вызывает исследовательский интерес, поскольку на страницах газет и журналов можно обнаружить самые актуальные, модные слова, именующие кинематографическую действительность. В данной статье представлены результаты работы по выявлению и описанию особенностей заимствованных лексических единиц рубрики „Kino“, присутствующей на страницах одного из ведущих новостных интернет-изданий Германии: журнала SPIEGEL.

В процессе работы были проанализированы журнальные статьи. Обнаруженные в них заимствования в исходном контексте предложены ниже.

Так, в статье „Ein Film wie eine französische Zigarettenwerbung“ (www.spiegel.de), рассказывающей о фильме „Das Leben ein Tanz“ Седрика Клапиша, выявлены следующие случаи использования заимствованной лексики.

(1) *Mit einer Freundin und deren Gefährten, einem begnadeten Koch samt **Streetfood-Karre**, quartierte sich die Heldin für ein paar Wochen auf dem Gelände einer malerisch gelegenen Kulturscheune in der Bretagne ein* / С подругой и ее спутником – талантливым поваром с **тележкой для уличной еды** – главная героиня поселилась на пару недель на территории живописно расположенного амбара в Бретани.

В данном примере присутствует лексема **Streetfood-Karre**. Трехосновное сложное существительное представляется интересным с позиции своей этимологии. Оно является гибридным англо-латинским образованием, первые две части которого пришли в немецкий язык под воздействием элементов американской культуры совсем недавно, а последняя – много веков назад из латинского, вследствие чего произошла ассимиляция в соответствии с нормами принявшего языка. По-видимому, из-за временных и языковых различий слово получило написание через дефис, что весьма нехарактерно для немецких субстантивных единиц. С семантической точки зрения лексема очень удобна в использовании, поскольку состоит из легких для понимания современных людей компонентов.

(2) *Er ist durch und durch **Fan*** / Он настоящий **фанат**.

Приобретенным здесь выступает существительное **Fan**, американско-английское заимствование середины 20-го века. Несмотря на достаточно долгое пребывание в немецком языке, слово сохранило почти все признаки исходного варианта, кроме написания с большой буквы. Благодаря своей графической / звуковой краткости и семантической емкости оно получило очень широкое распространение среди носителей немецкого языка.

(3) *Dabei will der **Regisseur** selbst keineswegs originell auftrumpfen oder gar das **Genre** des gestürzten Götterlieblings neu erfinden* / При этом сам **режиссер** ни в коем случае не хочет красоваться и заново изобретать **жанр** падшего любимца богов.

В предложении представлены два заимствования из французского языка: **Regisseur** и **Genre**. Обе лексемы пришли в немецкий в 18-м веке, однако с появлением кинематографа как нового вида искусства их значения генерализировались, приспособились под новую реальность и заняли в ней свое прочное место, сохранив при этом нормы написания и произношения исходного языка.

Статья „Schauspielerin Charlbi Dean ist tot“ (www.spiegel.de) также содержит заимствованную лексику.

(4) *In Ruben Östlunds **“Triangle of Sadness”** spielte Charlbi Dean die Hauptrolle, eine **Influencerin*** / В фильме «**Треугольник печали**» Рубена Эстлунда Шарлби Дин сыграла главную роль **инфлюэнсера**.

Наименование художественного фильма, ставшего результатом сотрудничества творческих коллективов Швеции, Германии и Франции, представлено на английском языке, поскольку именно им пользуются герои фильма. Таким образом здесь реализуется складывающаяся в последнее время традиция выпуска в прокат англоязычных фильмов с оригинальным названием. Еще один англицизм – существительное *Influencerin*, употребление которого служит проявлением языковой экономии: оно замещает сложное «более немецкое» *Social-Media-Werbetreibenderin* и более точно отражает содержание соответствующего вида деятельности. Лексема подверглась морфологической ассимиляции: пишется с прописной буквы и обладает суффиксом *-in*, указывающим на персону женского пола.

(5) *Schon als Kind begann sie zu modeln, hatte in den folgenden Jahren zahlreiche Auftritte auf Laufstegen und Magazintitelseiten* / Еще ребенком она начала работать моделью и в последующие годы неоднократно появлялась на подиумах и *обложках журналов*.

Первый элемент сложного слова *Magazintitelseiten* – англицизм, пришедший в немецкий язык еще в 18-м веке и относящийся в тот период к так называемым «модным словам», поскольку он обозначал тогда только «обложку для периодически выходящих публикаций для широких слоев населения» (www.dwds.de), которые понемногу начали появляться в крупных населенных пунктах. С течением времени существительное *Magazin* приняло все морфологические и фонетические нормы языка-приемника.

Статья “Nur noch ein bisschen, dann darfst du nach Hause gehen“ (www.spiegel.de) рассказывает о методах работы и моральных границах допустимого / недопустимого в работе известного режиссера Ульриха Зайдля, снимавшего фильм о насилии над детьми. Публикация богата заимствованной лексикой.

(6) *Ulrich Seidl gilt als Starregisseur des deutschsprachigen Kinos* / Ульрих Зайдль считается *звездным режиссером* немецкоязычного кино.

Англо-французская лексема *Starregisseur* состоит из двух основ, появившихся в немецком языке в разное время: *Star* в 19-м веке, *Regisseur* – в 18-м, что, однако, не помешало им объединиться для точного наименования субъекта, подчеркивая его известность и признание. Оба компонента ассимилировались только морфологически, сохранив графические и фонетические черты исходных языков.

(7) *Wie die Crewmitglieder fürchten sie rechtliche Konsequenzen durch Seidls Produktionsfirma* / Как и *члены съемочной группы*, они опасаются юридических последствий со стороны продюсерской фирмы Зайдля.

В композите *Crewmitglieder* англоязычный элемент *Crew* выступает определяющим словом к основному *-mitglieder*, подчеркивая тем самым, что люди принадлежат к одной группе и сотрудничают, находясь в одном месте, для достижения общих целей. По-видимому, такая емкая семантическая составляющая способствовала укоренению англицизма в словаре немецкоязычных носителей. При этом, тем не менее, орфография и произношения остаются исконными.

(8) *Doch jemand aus Seidls Team habe Marian unter Druck gesetzt* / Однако кто-то из *команды* Зайдля оказал давление на Мариана.

Простое существительное *Team* пришло в немецкий примерно в 1900 году в качестве альтернативы лексемам *Mannschaft* и *Arbeitsgruppe* для обозначения группы лиц или организации, занимающихся воплощением общего намерения. Возможно, из-за прагматических особенностей оно имеет широкое распространение при употреблении в речи. Как и многие другие заимствования, данная единица сохранила графический и звуковой облик.

(9) *Fast alle von Seidls Laiendarstellern wurden hier in der Gegend gecastet* / Почти все исполнители-любители у Зайдля были *отобраны на роли* в этой местности.

Англицизмом здесь выступает глагол *casten*, появившийся в немецком в середине прошлого века именно по причине быстрого развития и распространения во всем мире

кинематографа. Обозначает он совместную работу творческого коллектива над фильмом, заключающуюся в подборе актеров. Слово недлинное, семантически емкое, благодаря чему оно и находит активное применение в речи. Лексема относится к группе правильных глаголов, о чем свидетельствует наличие соответствующих префикса и суффикса. К тому же, это еще одно доказательство недолгого существования данной единицы в немецком языке: практически все «новые» глаголы образуются по модели слабых / правильных.

(10) *Mitarbeiter der österreichischen Castingcrew hatten Flyer und Infoschreiben an den Schulen rund um die Stadt Satu Mare verteilt* / Сотрудники австрийской *съёмочной группы* раздавали *флайеры* и информационные листы в школах вокруг города Сату-Маре.

Сложное существительное *Castingcrew* включает две основы английского происхождения. Называет оно, как отмечалось в примере (7), группу людей, объединенных одинаковой деятельностью, в данном случае направленной на отбор подходящих актеров на соответствующие роли. Именно такое семантическое ограничение появляется благодаря наличию определяющего компонента. Можно говорить при этом только о морфологической ассимиляции слова.

Второе существительное *Flyer* также английского происхождения. Пришло в немецкий примерно в середине прошлого века и стало популярным благодаря своей краткости по сравнению с немецкими или другими иноязычными лексемами с тем же значением: маленькая (свернутая) записка, содержащая информацию (часто рекламного характера) и распространяемая в больших количествах. Слово приняло только морфологические особенности немецкого языка.

(11) *Das bestätigen Personen, die am Casting mitgewirkt haben* / Это подтверждают участвовавшие в *кастинге* люди.

Как и в предыдущем примере, здесь встречается существительное *Casting* в том же самом значении: утверждение на роль / подбор актеров на роль. Оно выступает более современным аналогом немецкому *Vorsprechen*, обозначающему процесс прослушивания говорящего с определено целью.

(12) *Im Film werde es um Judo gehen, hätten ihm die Caster gesagt* / *Кастеры* сказали ему, что в фильме речь пойдет о *дзюдо*.

В предложении присутствует японское заимствование *Judo*, употребляющееся в немецком в том же значении, что и в исходном языке: спортивное соревнование на основе джиу-джитсу, исключающее опасные удары, но дающее соперникам право осуществлять болезненные захваты. Дзюдо стало известно в Европе в начале 20-го века, именно этим объясняется проникновение заимствования в немецкий язык. Слово соответствует нормам приившего языка.

Лексема *Caster* является однокоренной с глаголом *casten*. При этом наличие суффикса *-er* относит ее к разряду существительных и наделяет значением носителя действия, т.е. слово обозначает лиц, занимающихся кастингом.

Таким образом, можно говорить о том, что на страницах немецкоязычного журнала SPIEGEL в выбранной для исследования рубрике присутствуют заимствования из разных языков: английского, французского, японского. Появились они в разное время, по-разному приспособились к нормам немецкого, но остаются популярными и распространенными, пожалуй, по одной причине, являющейся одной из главных движущих сил развития языка и формирования его лексики: стремление говорящих / пишущих к реализации принципа языковой экономии, позволяющего использовать более короткие и семантически емкие лексемы в речи. Не удивительно, что большая часть отмеченных заимствований относятся к английскому языку. Именно он в современном мире претендует на господство на уровне межкультурной коммуникации.

Заемствованные лексемы принадлежат к неодинаковым лексико-семантическим категориям. Они представлены такими частями речи, как существительное и глагол.

Литература

1. Амурзаева П.Х. Спортивная лексика иноязычного происхождения в современных чеченских СМИ / П.Х. Альмурзаева, М.А. Килабова // Культура и цивилизация. – Ногинск, 2021. – Т. 11. - № 6-1. – С. 180-185.
2. Бутыкина В.Г. Англоязычные заимствования в терминологии российского образования / В.Г. Бутыкина // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2017. - № 9-2 (75). – С. 134-138.
3. Власова Е.И. Англоязычное влияние на немецкую военную лексику / Е.И. Власова // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей XI Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск, 2019. – С. 30-33.
4. Дедюхин А.А. Англицизмы тематической группы «профессии и должности индустрии красоты и моды»: структурно-образовательный аспект (на материале российских женских журналов) / А.А. Дедюхин, А.Г. Дедюхина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград, 2022. - № 5 (168). – С.105-110.
5. Дедюхин А.А. Способы заимствования в современном русском языке на примере сленга IT-сферы / А.А. Дедюхин, А.Г. Дедюхина // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – С. 23-27.
6. Лисина Л.М. Англоязычные заимствования в терминосистеме экономиста-менеджера / Л.М. Лисина // Инновационное развитие строительного комплекса региона: задачи, состояние, перспективы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции Себряковского филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет». – Волгоград, 2020. – С. 262-265.
7. Нейман С.Ю. Изменение в системе англоязычных заимствований русской терминологии туризма / С.Ю. Нейман // Язык науки и техники в современном мире: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Омск, 2019. – С. 199-207.
8. Никитин Д.С. Англоязычная финансово-экономическая лексика в тексте современной газеты / Д.С. Никитин, О.С. Егорова // Язык. Культура. Образование: сборник научных трудов международной конференции. – Ярославль, 2018 – С. 69-73.
9. Рычаева Е.А. Англоязычные заимствования в политическом дискурсе в России и Чехии: прагматический аспект / Е.А. Рычаева // Поволжский педагогический вестник. – Самара, 2021. – Т. 9. - № 4 (33). – С. 197-202.
10. Ein Film wie eine französische Zigarettenwerbung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/kultur/kino/cedric-klapichs-das-leben-ein-tanz-ein-film-wie-eine-franzoesische-zigarettenwerbung-a-54d19dc2-67b2-4fd4-bdc4-e7ecef94e6d1> (дата обращения: 07.09.2022)
11. Magazin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Magazin> (дата обращения: 10.09.2022).
12. Nur noch ein bisschen, dann darfst du nach Hause gehen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/kultur/ulrich-seidl-film-kinder-offenbar-bei-dreh-ausgenutzt-nur-noch-ein-bisschen-dann-darfst-du-nach-hause-gehen-a-c54533fd-0705-493f-890f-4e3c619ff9f8?dicbo=v2-5e455fe65cb27a1bb7031d8869389366> (дата обращения: 02.09.2022).
13. Schauspielerin Charlbi Dean ist tot [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/kultur/kino/charlbi-dean-ist-tot-spielte-in-triangle-of-sadness-cannes-siegerfilm-2022-a-031b39dc-9fa9-48eb-bb45-91cee295c5be?dicbo=v2-90fddb5f0993b6fec00a03716783ea10> (дата обращения: 31.08.2022).

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

Об издателе

Общетеоретические и типологические проблемы языкознания

Материалы VII Международной научной конференции
(г. Бийск, 26 сентября 2022 г.)

электронное издание

Ответственный редактор: Власов Михаил Сергеевич
Технический редактор: Горопчина Ольга Викторовна

ISBN 978-5-85127-974-4

Дата подписания к использованию: 28.10.2022

Объем издания: 2,62 Мб

1 электрон. опт. диск (CD-R)

Издатель: Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина
659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53.
Тел.: (3854) 41-64-38